

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Лю Юэ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ
ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТАМИ–НАЗВАНИЯМИ ИНСТРУМЕНТОВ
(НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО МАТЕРИАЛА)**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Селиверстова Елена Ивановна

Санкт–Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПАРЕМИЙ: АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ.....	17
1.1. Лингвокультурология как научное направление.....	17
1.1.1. Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии.....	21
1.1.2. Паремнологическая картина мира как составляющая языковой картины мира.....	27
1.1.3. Инструментальный код культуры в русском и китайском языках.....	32
1.2. Пословицы и поговорки в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах.....	38
1.2.1. Признаки русских паремий и их место в фоне устойчивых единиц языка.....	38
1.2.2. Особенности паремий китайского языка в научном освещении.....	42
1.2.3. Лингвокультурологический потенциал паремий: опыт изучения русских и китайских пословиц.....	47
1.3. Теория лексико-семантического поля в применении к компонентному составу паремий.....	50
1.3.1. Свойства семантического поля и лексико-семантической группы.....	50
1.3.2. Наименования инструментов в русском языке: идеографический подход.....	53
1.3.3. Наименования инструментов в китайском языке: идеографический подход.....	57
1.4. Вывод по главе.....	59
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, ОТРАЖАЕМЫХ РУССКИМИ И КИТАЙСКИМИ ПОСЛОВИЦАМИ С КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАНИЯМИ ИНСТРУМЕНТОВ.....	62
2.1. Стереотипные представления о наличии и качестве инструментов как залого осуществления работы и ее эффективности.....	63
2.1.1. Лингвокультурная установка «Человек, владеющий ремеслом, не может обходиться без надлежащего инструмента»	64

2.1.2. Лингвокультурная установка «Результативность труда зависит от наличия в арсенале работника качественного инструмента».....	67
2.1.3. Лингвокультурная установка «Инструмент должен соответствовать виду деятельности, поставленным задачам и объему работы».....	71
2.1.4. Лингвокультурная установка «Инструмент должен быть у каждого мастера собственный».....	74
2.2. Стереотипные представления о работнике и его деятельности с применением инструментов.....	76
2.2.1. Стереотипные представления о важности подготовки инструментов.....	76
2.2.2. Стереотипные представления о важности в работе навыков и мастерства.....	79
2.3. Стереотипные паремийные представления об отношении к выполняемой работе и результатах труда.....	85
2.3.1. Личные качества работника (трудолюбие, рвение, старание, терпение) и его отношение к трудовой деятельности.....	85
2.3.2. Зависимость результатов труда от личных качеств работника.....	88
2.4. Стереотипные представления об условиях осуществления деятельности с применением инструментов.....	92
2.4.1. Стереотипные представления о важности соблюдения календаря работ.....	93
2.4.2. Стереотипные представления о важности осадков в цикле сельскохозяйственные работ.....	98
2.5. Образно-символическое использование в паремиях компонентов со значением «инструмент».....	100
2.5.1. Использование образа обуха для выражения стереотипных представлений.....	103
2.5.2. Использование образа шила для выражения стереотипных представлений.....	105
2.5.3. Использование образа топора для выражения стереотипных представлений.....	107

2.5.4. Молот(молоток) в выражаемых паремиями стереотипных представлениях.....	110
2.5.5. Использование образа сохи, плуга и бороны для выражения стереотипных представлений.....	111
2.5.6. Серп в выражении стереотипных представлений.....	114
2.5.7. Стереотипные представления о ноже.....	115
2.6. Образ человека, воссоздаваемый русскими и китайскими ПЕ с компонентами-наименованиями инструментов.....	119
2.7. Вывод по главе.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	132
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ.....	150
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	154
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	155

ВВЕДЕНИЕ

В основе весьма актуального сейчас лингвокультурологического подхода к анализу языковых единиц лежит положение о том, что «в языковых знаках хранится и транслируется культурная информация» [Ковшова 2019: 14], во многом объясняющая прошлое и настоящее языка и его носителей. М.Л. Ковшова не случайно отмечает, что лингвокультурологический анализ тесно связан с экстралингвистическим [Ковшова 2019: 5]. Лингвокультурологическая трактовка языковых единиц, хотя и стала почти традиционной в практике лексикографического описания паремий (этот метод, в частности, успешно использован при составлении «Большого фразеологического словаря» под ред. В.Н. Телия – при этом толкование нередко проясняет процесс формирования актуальной семантики единицы [Бредис 2019: 23]) и при изучении различных фрагментов языковой картины мира, по-прежнему открывает широкие перспективы для наблюдений за проявлениями в языковых единицах этномаркированной семантики, поиска глубинных смыслов культурных явлений и феноменов.

В настоящее время интерес к фразеологии – особенно в сопоставительном аспекте – обусловлен, с одной стороны, повышенным интересом к проблемам национальной идентичности, языковой уникальности и проч. (ср. усиливающийся сейчас интерес к языкам «малых народов»), что направляет исследователей на путь выявления факторов, определяющих самосознание этноса, национальную маркированность единиц его языка, а с другой – ориентирует учёных на решение проблем языковых универсалий и универсальности, обусловленных сходством взглядов на окружающий мир, общностью человеческой природы и отношений между людьми, аналогичностью бытового уклада и т.д.

Фразеология, в которой «наиболее ярко проявляются национальные опыт, традиции и мировоззрение каждого народа» [Зиновьева, Юрков 2006: 86], представляет особенный интерес для исследователей, стремящихся к выявлению в результате сопоставительного изучения языковых различий, обусловленных действием совокупности факторов, которая для каждого из этносов является

специфической.

Во фразеологический массив сейчас уже традиционно включаются и паремиологические единицы (ПЕ), совокупность которых составляет «национальное языковое достояние», «кладезь премудрости», некий «национальный код», – так характеризует ПЕ В.Н. Телия, основоположник лингвокультурологического направления в изучении фразеологических ресурсов языка. Пословичный фонд, по ее мнению, это язык обыденной культуры, формировавшийся столетиями и передававшийся из поколения в поколение, он отражает «все установки жизненной позиции и философии народа определенной культуры» [Телия 1996: 214]. Составляя яркую и национально–окрашенную часть языковой картины мира, фразеология любого языка является репрезентацией мировидения, зафиксированного в ее единицах.

Изучение совокупностей языковых явлений по методу фразеосемантического поля (см. работы З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.Ф. Алефиренко, Е.И. Зиновьевой и многих др.) – весьма востребованный научный подход. Он применим для анализа с семантической точки зрения как фрагментов языковой картины мира, вербализуемой определенными массивами единиц (в данном случае – пословиц), так и составляющих паремии – ее компонентов, участвующих в формировании семантики пословицы как языковой единицы.

Семантика и структура пословиц и языковые особенности (в частности – компонентный состав), вариативность пословиц и их стабильность и устойчивость получили свое освещение в научных трудах российской фразеологической школы – в трудах Г.Л. Пермякова, Н.М. Шанского, Л.Б. Савенковой, З.К. Тарланова, С.Г. Лазутина, В.П. Жукова, Г.Д. Сидорковой, Н.Ф. Алефиренко, Т.Г. Бочиной, Н.Р. Ойноткиновой, О.Е. Фроловой и др. Теперь же на передний план все более выходят исследования, в которых паремии рассматриваются с содержательных позиций – каким образом и какие именно установки жизненной позиции и философии определенного народа они выражают [Телия 1996: 231].

Компоненты пословиц и поговорок, как показывают уже проведенные исследования, участвуют в фиксации знаний представителей социума,

вербализации квантов информации культурного плана, системы ценностей и т.д. В паремиологических единицах языка проявляются не только способы осмысления окружающего мира, характер проводимых аналогий, но и становится очевидной важность одних и второстепенность других предметов, их аксиологическая ценность и т.д. В ПЕ русского языка, зафиксировавших представления о трудовой и хозяйственной деятельности человека, упоминаются различные виды инструментов и приспособлений, используемых при/для реализации этих действий, способствующих их качественному и успешному осуществлению (*После ужина горчица, после скобеля топором; Коси, коса, пока роса; роса долой – и мы домой; Клей на бумажку, а игла на рубашку; Если пахать плугом, земля станет лугом; Сменил шило на мыло* и др.). Пословицы и поговорки содержат национальный компонент в своей семантике и обеспечивают глубокое понимание культуры, традиций и обычаев этноса.

Сопоставительное изучение устойчивых единиц языка является одним из важных направлений изучения языкового материала в русском языкознании. Внимание учёных привлекают фразеологизмы самых разных групп, выделяемых на основании критериев семантики, компонентного состава, структуры, грамматической организации, лингвокультурного потенциала и т.д. Анализ русского языкового материала на фоне китайского оправдан перспективой увидеть различия в анализируемых единицах, обусловленные особенностями истории, культуры, бытовой жизни, тенденциями метафорического осмысления предметов и явлений окружающего мира, наделения их символическим и оценочным компонентами значения.

В китайском языке национально–культурная семантика паремиологических единиц может передаваться расчлененно, элементами их состава. Например, ПЕ 磨刀不误砍柴工, включающая компонент–название инструмента 刀 ‘топор’, прочитывается как «Заточка лезвия не задержит рубку», а ее переносное значение – ‘тщательная подготовка не помешает исполнению работы, а скорее улучшит ее’. Русский язык располагает аналогичными паремиями. Так, пословица *Острые*

топоры – толще дерева говорит о бóльших возможностях острого инструмента. Буквальное значение паремии 千锤百炼 «тысячекратнаяковка и стократная закалка». Многократные удары молотом и закаливание металла способствуют лучшему результату – так и закаленный, многоопытный человек не боится неудачи.

При этом в паремиях обнаруживаются различные связи и зависимости, отражающие, с одной стороны, реальные действия и ситуации, когда субъектом используются называемые артефакты), и, с другой стороны, признаки и характеристики инструментов и приспособлений, делающие возможным их использование в символической и оценочной функциях. Так, в ПЕ *Два топора вместе, а две прялки врозь* – топоры символизируют мужчин, дружно осуществляющих какую–либо деятельность, а прялки по метонимическому принципу символизируют женщин, склонных к ссорам.

Обращение к изучению массива пословиц, отобранных по названному критерию, в сопоставительном ключе обусловлено также отсутствием работ на эту тему в российском и китайском языкознании – несомненно, важных для изучения национального культурного наследия русского и китайского народов. Между тем паремийные единицы с компонентами–наименованиями инструментов отдельного внимания до сих пор не удостоивались и в сопоставительном аспекте – на фоне аналогичного материала китайского языка – не рассматривались, что позволяет говорить о **новизне исследования**.

Лингвокультурологический подход к означенному паремийному материалу двух неродственных языков позволяет обнаружить ощутимые различия, во–первых, в номенклатуре актуализированных в паремиях инструментов, в понимании их роли, функций и особенностей; во–вторых, выявить стереотипные представления о специфике работы с их использованием и о самом труженике, о его отношении к рабочему инвентарю. В–третьих, в паремике обнаруживаются сходства и различия в образном использовании названий орудий и приспособлений и их осмыслении – в этом проявляется своеобразие национального мировидения.

Фразеологическая (паремиологическая) единица рассматривается как

сложный знак, компоненты которого распределяются между тремя блоками – языком, объективным миром и человеческим мышлением; она трактуется сама по себе как застывшая речевая ситуация – паремий это особенно касается. Это заставляет учитывать факторы формирования пословицы как дискурсивной единицы – языковые, психологические, культурно–исторические, этнографические и др. [Кириллова 2002: 27].

Цель исследования состоит, таким образом, в следующем: в ходе анализа паремиологических (ПЕ) единиц русского языка, содержащих в своем составе наименования инструментов и приспособлений, и рассмотрения их на фоне аналогичного материала китайского языка выявить отражаемые в ПЕ стереотипные представления и лингвокультурные установки и установить степень их универсальности и совпадений в сознании представителей двух культур и, с другой стороны, национально–маркированные особенности, проявляющиеся в паремиях двух языков, определить общее и специфическое в осмыслении социумом роли инструментов, способов их использования, их образно–ассоциативного восприятия, векторы в развитии пословичной семантики за счет компонентов–наименований инструментов.

Цель исследования обусловила постановку следующих **задач**:

1. разработать теоретическую базу для проведения исследования;
2. выявить по данным словарей лексику, входящую в состав семантического поля «Инструменты» в каждом из языков, определить значения слов–названий инструментов, входящих в качестве компонентов в состав ПЕ;
3. осуществить отбор материала из словарей пословиц русского и китайского языков;
4. определить основные тематические зоны, связанные с осуществлением отдельных видов деятельности, освещаемые русскими и китайскими паремиями с компонентами–наименованиями инструментов;
5. предложить типологию реализуемых в паремиях лингвокультурных установок и рассмотреть их на фоне представлений, реализуемых в китайской паремике

- для выявления общего, универсального, и специфического, этномаркированного;
6. выявить типичные образы в русских ПЕ на фоне китайских и их культурную семантику;
 7. отметить случаи выражения оценки паремиями двух языков за счет входящих в их состав компонентов (с учетом критерия имплицитности/ эксплицитности);
 8. определить наиболее типичные бинарные структуры, образуемые такими компонентами и степень их участия в формировании паремиологического пространства двух языков.

Объект исследования – паремиологические единицы с компонентами–наименованиями инструментов в двух языках.

Предмет исследования составляют особенности компонентного состава паремий, содержащих компоненты–названия инструментов, их лингвокультурное содержание, проявляющееся в универсальном или же специфическом для носителей одной из культур осмыслении характеристик используемых этносом привычных инструментов, их роли в целом и конкретных функций. Работа направлена на выявление лингвокультурного потенциала рассматриваемых единиц, в формировании которого участвуют компоненты–наименования инструментов.

Материалом для исследования послужили данные паремиологических словарей русского языка: «Пословицы русского языка» В.И. Даля; «Народная мудрость» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова; «Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь» В.И. Зиминой и А.С. Спириной, «Русская фразеология. Историко–этимологический словарь» под ред. В.М. Мокиенко, «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой; данные словарей фразеологизмов и пословиц китайского языка: «Большой словарь китайских поговорок» Ли Ханьвэнь, «Большой словарь китайских пословиц» Уэнь ДуаньЧжэн, «Классификационный словарь пословиц» Уэнь ДуаньЧжэн, «Русско–китайский фразеологический словарь» Е. Фанлай, «Словарь эквивалентных китайских и русских фразеологизмов пословиц и поговорок»

Се Цзайфу, Ву Юй, «Словарь современных употребительных русских фразеологизмов с толкованием на русском и китайском языках» Суй Сюэбэнь, «Лексико–фразеологическая основа категории безличности в русском языке: Русско–Китайский словарь» Суй Сюэбэнь и др.

Теоретико–методологическую базу диссертационного исследования составили:

– труды по лингвокультурологии: Н.Ф. Алефиренко 2010, А.С. Алёшин, Е.И. Зиновьева 2020, Л.П. Водясова 2009, В.В. Воробьев 2008, Е.И. Зиновьева 2016, В.И. Карасик 2015, Е.А. Мартынова 2013, В.А. Маслова 2001, В.И. Постовалова 2017, Ф. де Соссюр 2007 и др.;

– работы в области изучения языковой картины мира: Т.И. Воронцова 2003, Д.Б. Гудков 2005, О.А. Дормидонтова 2009, О.А. Корнилов 2003, З.Д. Попова, И.А. Стернин 2002 и др.;

– работы, освещающие результаты изучения лексико–семантических групп слов русского языка – в том числе входящих в качестве компонентов в состав фразеологизмов: Л.Г. Бабенко 1997, Л.М. Васильев 1971, Ли Имо 2022, Т.Г. Скребцова 1996, И.П. Слесарева 2010, А.А. Уфимцева 2002, Цао Цзяци 2020,

– труды, посвященные изучению русских паремий: Т.Ф. Балыкова 1998, А. Н. Баранов 2008, М.А. Бредис 2019, В.П. Жуков 2000, К.А. Жуков 2004, И.А. Зыкова 2015, С.М. Исупова 2015, Б.И. Караджев 2009, М.Л. Ковшова 2019, Е.А. Кузьмина 2002, О.В. Ломакина 2016, Л.Б. Савенкова 2002, Р.Р. Саньярова 2019, Е.И. Селиверстова 2022, И.М. Снегирев 2012 и др.;

– работы, посвященные изучению китайских паремий: Го Синь–и 2004, Лю Бо 2009, Ма Сянфэй 2018, Цао Цзяци 2020, Чжан Янь 2019, Чжао Чжицян 2012, Шан Вэньцин 2021, Юань Лиин 2016 и др.;

– труды, посвященные изучению концепта «инструмент», включающего орудие, приспособление, его элементы: В.В. Варзинова 2022, М.А. Сафьянова 2014, Т.А. Жданова 2016, Ян Кэ 2009 и т.д.

Для решения поставленных задач применяются следующие **приемы и**

методы: метод сплошной и направленной выборки материала, описательный метод, метод компонентного анализа, прием количественных подсчетов; метод сравнительно–сопоставительного и лингвокультурологического анализа.

Все сказанное позволяет выдвинуть **гипотезу** о важности инструментов в трудовой и хозяйственной жизни этноса, что подтверждается как количеством паремий, содержащих соответствующие компоненты, так и разнообразием выражаемых в них идей. В качестве необходимых предметов повседневной деятельности инструменты показаны в ПЕ в своих прямых значениях, но также они участвуют в выражении переносных смыслов, в различных фигуральных построениях. Проекция русского паремийного материала на китайский позволит выявить как универсальность взгляда на инструменты в жизни этноса (их вид, сферу применения, практическую пользу, оценку, образно–символические смыслы), так и национально–окрашенное осмысление реалий, обусловленное условиями бытовой жизни, историей, философией и мифологией, сложившимися в народе традициями.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Активность использования в составе паремий компонентов с семантикой ‘инструмент, орудие труда, приспособление’ свидетельствует о важности инструментального кода в жизни человека – именно этим определяется разнообразие вербализующих его единиц и частотность их употребления в качестве компонентов паремий.
2. Паремика отражает наиболее важные жизненные сферы носителей языка и культуры и виды деятельности, в которых использования инструментов было не просто полезным, но жизненно важным.
3. В паремиях как единицах народного происхождения отражается реальный опыт использования инструментов – их функции, целесообразность их применения в зависимости от многочисленных условий и обстоятельств, влияние личности исполнителя на результаты труда и т.д.
4. Единицы инструментального кода не в равной степени участвуют в жизненной деятельности и обеспечении человека материальными благами,

что проявляется в разной степени встречаемости компонентов, называющих инструменты в составе ПЕ, и разносторонности их освещения.

5. Паремии отражают экстралингвистические особенности трудовой деятельности русских и китайцев, их традиционные предпочтения в выборе инструментов и их использовании, связываемые с ними ассоциации.
6. Паремии с компонентами–наименованиями инструментов, фиксируя ментальные установки носителей языка и культуры, участвуют в характеристике человека в разных социальных аспектах – как труженика, профессионала, семьянина, в выражении межличностных отношений и оценке людей сквозь призму применения ими орудий и инструментов.
7. Функции, внешний вид и другие особенности привычных для членов социума орудий труда переосмысливаются говорящими и образуют целый спектр образных средств, характеризующих положительные и отрицательные черты и свойства человека.
8. Изучение пословиц русского языка на фоне аналогичных выражений китайского языка позволяет выявить как универсальные стереотипные представления, объясняемые сходством применяемого инструментария и видения мира носителями разных языков, так и уникальные национально–маркированные явления, объясняемые особенностями истории, бытовой культуры, философии и т.д.
9. В китайских пословицах в большей степени проявляется внимание к деталям процессов применения отдельных орудий труда. В них также чаще используется иносказательность и проведение аналогий при описании стереотипных ситуаций.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты вносят вклад в разработку теоретических проблем лингвокультурологии и паремиологии и, в частности, изучения отдельных фрагментов языковой картины мира, национально–культурных особенностей семантики и функционирования русских паремий на фоне китайского языка, теории бинарных паремиологических структур как явления паремиологического

пространства языка.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в лексикографической практике, в теории и практике перевода, на практических занятиях по русскому языку как иностранному, в качестве иллюстративного материала при разработке циклов лекций по названным выше направлениям. Результаты могут быть использованы в практике вузовского преподавания при чтении лекционных курсов, спецкурсов по фразеологии, этимологии, контрастивном изучении русского и китайского языков, а также в практике составления одно– и двуязычных фразеологических и толковых словарей.

Цель и задачи настоящего исследования определили **структуру работы**. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Первая глава призвана показать степень теоретической изученности анализируемых в данной работе проблем в российской и китайской лингвистике: охарактеризовать лингвокультурологическое направление в науке, дать дефиниции основных терминов, определить место и значение пословиц как материала для лингвокультурологических и сопоставительных исследований; продемонстрировать весомость лексического разряда слов–наименований инструментов в русском и китайском языках, плодотворность изучения лексического состава пословиц методом фразеосемантического поля и опыт изучения паремий одного языка на фоне других.

Во *второй главе* анализу подлежит словарный материал, извлечённый из толковых и пословичных источников, выявляются выражаемые паремиями смыслы и характер участия в формировании семантики целого компонентов со значением ‘инструмент’, определяется лингвокультурологический потенциал пословиц, а именно стереотипные представления носителей двух языков и культур – как совпадающие, так и лакунарные по отношению к ПЕ другого языка, выявляются образно–символические функции компонентов как выражающие особенности мировидения носителей каждой из культур.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Апробация результатов исследования

Результаты проведенного исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ и были представлены в виде докладов и сообщений на научных конференциях:

1. Национальная (Всероссийская) конференция по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2021» (декабрь 2021, Санкт–Петербург);
2. Международная конференция «Проблемы и перспективы реализации междисциплинарных исследований» (Мая 2023, Воронеж).
3. Международная конференция «Наука, общество, образование в современном мире» (Мая 2023, Пенза).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 6 научных статьях, из которых 5 опубликованы в научных индексируемых журналах перечня, рекомендуемого ВАК РФ.

1. Лю Юэ. Сходства и различия в актуализации лингвокультурных гендерных стереотипов в поговорках с компонентом–названием инструментов в китайском и в русском языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2022. – №1/2. – С. 154–159 (**ВАК**).

2. Лю Юэ. Лингвокультурный потенциал русских поговорок с компонентами – названиями инструментов // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2022. – №2 (115). – С. 78–83 (**ВАК**).

3. Лю Юэ. Отражение национальных стереотипов в поговорках с компонентом – названием инструментов для шитья и вязания в русской лингвокультуре на фоне китайской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Вып. 12. – С. 3849–3853 (**ВАК**).

4. Лю Юэ, Селиверстова Е.И. Взгляд на сельскохозяйственный инструментальный сквозь призму русских и китайских поговорок

(лингвокультурологический аспект) // Современный ученый. – № 1. – 2023. – С. 119–125 (ВАК).

5. Лю Юэ. Общие и национально–специфические лингвокультурологические черты паремий с компонентами – названиями инструментов кузнеца, столяра и плотника в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Вып. 3. – С. 943–949 (ВАК).

6. Лю Юэ. Лингвокультурологический потенциал русских паремий с компонентами – названиями сельскохозяйственных инструментов и приспособлений // Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2021». – СПб.: Свое издательство, 2022. – С. 628–629.

ГЛАВА I. ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПАРЕМИЙ: АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Лингвокультурология как научное направление

Лингвокультурология представляет собой научное направление, имеющее дело с языковыми фактами, рассматриваемыми с позиций взаимосвязи языка и культуры, принадлежащих одному этносу.

В настоящее время, когда культуры разных народов находятся в постоянном взаимодействии и сотрудничестве, а процессы глобализации и интеграции углубляются [Ефремова 2012: 13], стало уже весьма востребованным и почти традиционным обращение к лингвистическим единицам с антропоцентрических позиций, с учетом сведений исторического и культурного характера.

Говорящее на одном языке сообщество принадлежит определенной культуре, включающей в себя национальные традиции, историю, литературу, язык, который сейчас интерпретируется как средство отражения культуры и, по Э. Сепиру, направляющий инструмент в изучении культуры [Сепир 1993: 293]. При изучении языка недостаточно знать лексикон и совокупность правил построения высказывания – важны культура и мировидение носителей языка, знакомство с их образом жизни, с обычаями и традициями, характерными для страны изучаемого языка. Установление этих связей привело к возникновению такого направления в языкознании, как *лингвокультурология*. В рамках этого направления язык воспринимается как средство передачи этномаркированной культурной информации, отражения особенностей материальной и – что очень важно – духовной жизни (философии, ментальности) коллективного носителя языка [Корнилов 2003, Зиновьева, Юрков 2009; Паремиология 2020 и др.].

Лингвокультурология – сложная отрасль науки, возникшая на стыке нескольких областей знания – языкознания, этнографии и этнологии, истории, культурологии [Маслова 2001: 9]. Язык рассматривается в ней как феномен культуры и как средство отражения культурных фактов [Вежбицкая 2001: 78].

Лингвокультурология изучает взгляд на мир, каким он видится носителям определенной культуры, через призму национального языка конкретного народа. Язык предстает и как хранилище культурных ценностей нации, и как инструмент для усвоения этих ценностей [Ермоленко 2010: 3].

Несмотря на активность разработки данного направления и появление все новых работ, освещающих лингвокультурологический потенциал языковых единиц разных языков [Воробьев 2000; Караулов 2014; Инфантова 2008 и др.], остается немало пластов языковых средств русского языка, подлежащих дальнейшему изучению и позволяющих выявить специфику в мировидении носителей русских языка и культуры.

Высказанная в 1836 г. В. фон Гумбольдтом идея о взаимосвязи языка и культуры, о проявлениях в языке особенностей национального духа и влиянии языка на мировидение и мировоззрение [Гумбольдт 1984: 45–48] вдохновила многих исследователей на постижение этих взаимосвязи и взаимозависимости, послужила сильнейшим импульсом к развитию лингвокультурологического направления. «Язык, – писал Гумбольдт, – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [там же].

Взгляды ученого на способность языка, с его своеобразной структурой, отражать культуру и индивидуальность говорящих на нем людей, свидетельствовать об их духовном развитии далее продолжили развивать многие его последователи. О детерминизме между языком и культурой писали, например, Э. Сепир и Б. Уорф, постулируя идею о том, что носители разных языков по-разному постигают мир, трактуя язык как продукт культуры и одновременно культуурообразующий фактор [Уорф 2002: 91], поскольку любая культура проявляется в языке, находит в нем материальное воплощение, развивается и изменяется под влиянием среды.

Сейчас проблему взаимосвязи языка и культуры ученые освещают в разных направлениях:

– лингвистическом [Сорокин 1965; Красных 2011; Телия 1996; А. Вежбицкая 1997; Верещагин, Костомаров 2005; Карасик 2002, 2013; Нецименко 2000; Постовалова 2017; Alford 2001 и др.],

– философском [Брутян 1973, Маркарян 1969, Человеческий фактор 1988 и др.],

– психологическом [Выготский 1996; Леонтьев 1972, 2007; Петренко 1997 и др.].

В последние годы лингвокультурология особенно активно развивается благодаря трудам исследователей, трактующих ее как особую отрасль языкознания; см.: Гудков 2003; Ковшова 2008, 2015, 2019; Красных 2002, 2011; Маслова 2001, Ашурова 2003 и др.

С.Г. Тер–Минасова, рассматривая язык как культурное достояние, отмечает, что язык сохраняет культурные ценности в своей лексике, грамматике, идиомах, статьях, фольклоре, художественной и научной литературе, а также в устной и письменной речи [Тер–Минасова 2000: 13]. Если рассматривать структуру, выражение и способы овладения языком, то социокультурный слой или компонент культуры проявляется как часть языка или основа его существования [там же: 8].

Отмечая существование культурного образа мира в коллективном сознании, В.И. Карасик пишет, что язык охватывает как общечеловеческие черты, обусловленные объективным реальным миром, так и особенные: «в культурном образе мира будут сохраняться и применяться в языке специфические для культуры значения, культурно–ценностные доминанты, концепты, образующие определенные виды культуры» [Карасик 2002: 169]. Лингвокультурология выступает как комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры, основывающуюся во многом на том, что языковые единицы составляют органическую часть естественного бытия говорящего человека в его социальной и природной среде [Мензаирова 2010: 23].

Особое место в работах лингвокультурологического характера занимают исследования, привлекающие материал двух [Алешин 2020, Зиновьева 2016, Иванова 2006, Крушельницкая 2008, Нелюбова 2019, Селиверстова 2019, 2021;

Хо Сяоцзюнь 2022, Шайхуллин 2012, Швец 2016 и др.] и более языков [Бредис 2019; Ван Дунсюэ, Ван Вэньбинь 2018, Ломакина 2016, 2018, Николаева 2016, Саньярова 2019, Селиверстова 2020, Mukararova 2019 и др.], поскольку именно в сравнении двух языков, вербализующих явления культуры, можно выявить лакунарные области, которые свидетельствуют об уникальных национально–окрашенных чертах мировидения того или иного народа.

В развитии человека, в овладении им культурой, способами поведения и мышления участвуют системы знаков–символов, которые человечество создало в ходе исторического развития, т. е. язык, письмо и др. [Выготский 2019]. Следовательно, язык – это универсальное средство познания культуры [Садчикова 2015]. Овладевая многими языками, человек погружается в мир материальной и духовной культуры, характерной для носителей изучаемых языков. Таким образом культура способствует расширению кругозора человека и его участию в межкультурной коммуникации.

Итак, язык – это проявление национальной культуры, форма ее существования и ее хранилище. Он является не только средством общения между людьми, но и важнейшим инструментом для передачи сведений. Национально–маркированную информацию о народе составляют и характер места проживания народа, и уклад его хозяйственной жизни. Язык кумулирует сведения об искусстве, науке, литературе этноса, его фольклорных произведениях и традициях и передает их из поколения в поколение. Особенно важно, что язык отражает существенные для народа – носителя культуры мировидение и мировоззрение, особенности менталитета, национально–маркированной системы ценностей.

Культурные представления определенного этноса, отличия в образе мыслей, в традициях, в литературе, религии и фольклоре, отражающиеся в языке, обнаруживаются как в лексике – об этом пишут, в частности, А.В. Полонский и В. Ци [Полонский 2005], так и в устойчивых единицах, в образных изречениях и сравнениях, в проверенных временем знаках ситуаций – пословицах.

По мнению С.Г. Воркачева, взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры осуществляется в разнообразных формах – отсюда и многоаспектность

предмета лингвокультурологии, куда входят, в частности, языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность, культурный код [Воркачев 2002: 9].

1.1.1. Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии

Одним из базовых понятий лингвокультурологии является понятие «картина мира» или, как ее иногда называют, «модель мира» или «образ мира» [Семантика 2004: 8]. Картина мира – это центральное понятие концепции человека, «выражающее специфику его бытия» [Роль 1988: 18].

В самом общем виде *картина мира* понимается как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [Язык 2002: 10]. Далее исследователями выделяется несколько видов картины мира – рациональная и чувственная, эмпирическая и теоретическая, научная и «наивная» и т.д.

Ученые выделяют два основных типа – концептуальную и языковую картины мира. *Концептуальный образ мира* означает совокупность представлений, возникающих в сознании человека в результате восприятия окружающей действительности, основательного жизненного опыта. Язык вербализует многочисленные явления, связанные с практической деятельностью человека, наблюдаемые и осмысляемые человеком; человеческое сознание, таким образом, выступает «посредником между реальным миром и языком» [Прохоров 2008: 18]. Существование языка оправдывает существование выражения «понятийный образ мира», под которым понимается сумма знаний о человеческом бытии. Как отмечает Е.С. Кубрякова, понятийный образ мира реализуется через язык, определенная часть которого запечатлевается в психике человека через другие виды мысленных представлений – образы, схемы, картинки [Кубрякова 2001].

Образ же мира в языке есть языковое понимание мира, или *языковая картина мира* – она охватывает только те кванты информации, которые вербализованы единицами языка. Язык – инструмент познания мира человеком, способ восприятия и организации («концептуализации») его знаний о мире. Совокупность этих знаний,

зафиксированных в языковой форме, и есть то, что называется языковой картиной мира (ЯКМ). Следует помнить о том, что определение языковой картины мира как «совокупности представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка», сопровождается важным уточнением: «на определенном этапе развития народа» [Язык 2002: 12], поскольку ЯКМ не является чем-то раз и навсегда заданным и неизменным. Изменение окружающего мира ведет «к изменению картины мира, складывающейся в сознании человека» [ЯКМН 2014: 42]. Языковая и понятийная (концептуальная) картины мира тесно связаны между собой.

Изучая соотношение языка и культуры В.М. Шаклеин отмечает, что люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов, явлений и понятий, созданных и накопленных предыдущими поколениями; они осваивают этот мир и развивают те способности, без которых окружающий мир им непонятен, в процессе усвоения ими исторически сложившегося языка [Шаклеин 2010: 6], т.е. по существу они усваивают и языковую картину мира. С его точки зрения, процесс овладения языком человеком связан с процессом овладения культурой, но не равнозначен ему. Язык, если он им овладевает, явление более социальное, культура более биологическая [там же: 7].

К настоящему времени в научной литературе дано немало определений языковой картины мира, авторы которых стремятся выделить наиболее важные ее признаки. Так, О.А. Корнилов отмечает, что в лексике и фразеологии языка запечатлевается «отражённый мир» – своего рода проекция внешнего мира, осуществляемая этномаркированным языковым сознанием и потому содержащая в себе информацию об особенностях национальной ментальности [Корнилов 2000].

Ю.А. Бельчиков признает язык способным отражать явления как материальной, так и духовной сферы, закреплять в языковых единицах сведения о различных явлениях народной жизни, исторических фактах и культурных событиях, особенности внутреннего мира человека. В наибольшей степени эта способность приписывается им лексике и фразеологии [Бельчиков 2003: 277–278].

Языковая картина мира, по мнению ученых, это сложный семантический конструкт [Красных 2002: 54], продукт мыслительно-языковой деятельности,

появляющийся «в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [Телия 1988: 351].

В монографии «Роль человеческого фактора в языке» значительное внимание уделяется функциям ЯКМ. Она, по мнению авторов, «формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству» [Роль 1988: 26]. Картина мира также формирует «стратегии жизнедеятельности общества в целом», но может оказывать влияние и на цель жизни отдельного человека [НКМ 1983: 65].

При всем разнообразии определений общим для них является признание того, что ЯКМ по-особому представляет окружающий мир – и это является проявлением специфики в образе жизни, воспитании, ментальности, национальной культуре народа и следствием его исторического прошлого и сложившихся традиций.

Изучение языковой картины мира с точки зрения того, как человек видит окружающий мир, как он его понимает и интерпретирует, может осуществляться на разных уровнях языковой системы. Изучение лексической стороны языка интересно, так как сама природа слова напрямую связана с «человеческим фактором» в языке, благодаря которому языковые средства воплощают в себе духовное богатство, накопленное языковыми общностями в процессе своего исторического развития.

К настоящему времени ученые назвали уже практически все те средства языка, которые участвуют в создании языковой картины мира. Это, во-первых, номинативные средства языка – лексемы, устойчивые единицы, фразеологизмы, вербализующие членение национальной действительности. Особое внимание при этом уделяется отсутствию [лакунарности] номинативных единиц [Язык 2002:13]. Во-вторых, это образные средства языка, метафорика, особенности внутренней формы языковых единиц и национально-маркированные направления развития переносных значений. Особенности построения текстов разных жанров, способы ведения диалогов и дискуссий, специфика коммуникативного поведения в стандартных и нестандартных ситуациях – все это входит в число средств,

создающих модель языковой картины мира [там же].

Уточняя методологические предпосылки для разработки метаязыка лингвокультурологии, М. Л. Ковшова называет такие ключевые термины для решения новых задач: культура, *установки культуры*, текст культуры, тезаурус культуры, симболярий культуры и др.» [Ковшова 2012: 112]. «Установки культуры, – пишет В.Н. Телия, – соотносятся с социальными и духовными ориентирами, формирующимися как результат представлений носителей культуры о нормативной/идеальной жизнедеятельности» [Телия 1999: 18].

Как пишет В.А. Маслова, установки культуры – «это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как «достойная/недостойная» [Маслова 2001: 50]. Выделяя в качестве одного из важнейших понятий в лингвокультурологии *лингвокультурологическую единицу*, исследователь определяет ее как единицу языка или речи, отражающую в своей семантике (значении) культурный объект, что и составляет ее план содержания, и далее – предлагает типологию таких единиц, представленную девятью позициями. К ним относятся разные по степени языковой сложности единицы – примитивные, искусственные, сложные слова, фразеологизмы, словосочетания, предложения, речевые клише, сложные синтаксические единицы, тексты, в том числе фольклорные, и т. д. Далее определяются основные области, где «активно взаимодействуют язык и культура» – фразеологический и паремиологический фонды языка, коды культуры, концепты культуры и ценности культуры и др. [Маслова 2014: 79] и предлагается классификация наиболее «культуроносных» сущностей, в которую включаются:

1. безэквивалентная лексика;
2. мифологические языковые единицы;
3. паремиологический фонд языка;
4. фразеологический фонд языка;
5. символы, стереотипы;
6. метафоры и образы языка;
7. стилистические особенности языка;

8. вербальное поведение;
9. единицы речевого этикета [Маслова 2001].

При изучении представлений об окружающем мире сквозь призму лингвокультурологии специалисты указывают на ряд аспектов, касающихся связи образа мира с культурой:

- 1) язык охватывает общечеловеческие и специфические черты, в том числе и культурный образ мира;
- 2) в языке сохраняются и используются специфические для данной культуры значения, культурно–ценностные доминанты, концепты, отличающие одну культуру от другой;
- 3) культурный образ мира не представляет единым и единственным, поскольку у представителей разных национальностей могут быть разные ценности;
- 4) культурный образ мира существует не только в индивидуальном, но и в коллективном сознании [Карасик 2015].

Исследователи отмечают, что при лингвокультурологическом подходе во внимание принимается и семантическая сторона языка, включая картину мира, систему коннотаций, метафорику, систему образно–художественных средств, а также учитываются состав лексики и фразеологии, синтаксический строй речи (устной и особенно – письменной) – все это определяется актуальными культурно–историческими условиями, обстоятельствами и задачами социального бытия народа – носителя данного языка [Бельчиков 2003: 274-275]. Подобные явления могут получить подтверждение в виде примеров, раскрывающих национально–неповторимое своеобразие каждого из языков и каждой из культур.

При описании ЯКМ определенного народа, а точнее – отдельных его фрагментов – обычно подчеркивается, что речь идет о национальной языковой картине мира, поскольку, например, в словах, близких в разных языках по смыслу, могут обнаруживаться этномаркированные семантические различия. Выявляются также расхождения в количестве языковых единиц, номинирующих одно явление, более актуальное для носителей одной культуры и почти безразличное – для представителей другой. При сопоставлении ЯКМ разных народов в системе языка

выявляются как различия в характере членения действительности, так и лакуны [Язык 2002: 14], т.е. отсутствующие языковые единицы и вербализованные способы выражения определенных характеристик, отношений и чувств.

В современной лингвистике понятие *национальной картины мира* используется достаточно широко и аргументируется тем, что страны мира отличаются друг от друга по своему социально–экономическому развитию, историческому пути, уровню развития культуры, образу жизни населяющих их народов, имеющих свое национальное мировоззрение. Как пишет Н.Ф. Алефиренко, существует «национальное культурное пространство – информационно–эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится ощутимым при столкновении с явлениями иной культуры» [Алефиренко 2010]. Оно включает в себя «все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества», а входящие в это поле информации знания «должны быть национально и культурно маркированными представлениями, присущими всем представителям соответствующего лингвокультурного сообщества» [там же].

Обращение к совокупностям языковых единиц как к объекту изучения позволяет увидеть за наименованиями реалий те факты действительности, которые объективно присущи только рассматриваемой этнокультурной общности (наименования одежды, строений, еды, обрядов и др.). *Лакуны*, т.е., в терминологии В.И. Карасика, «минус–факты» действительности, представляют собой «значимые отсутствия определенных обозначений», наблюдаемые, как правило, в лексической системе одного языка по сравнению с другим [Карасик 2002: 127]. Учитываются исследователями и фоновые значения, являющиеся по своей сути содержательными характеристиками конкретных и абстрактных наименований, но требующие дополнительной информации о культуре этноса для адекватного их понимания [там же].

В языковой картине мира каждого народа – носителя языка и отелных ее

фрагментах можно выделить универсальное содержание, обусловленное объективностью и реальностью мира как объекта познания, и национально-специфическое содержание, отражающее историю и культуру, традиции и обычаи.

Несмотря на активность разработки данного научного направления, привлекающего в качестве объекта исследования все новые пласты единиц, лингвокультурологический потенциал русских ПЕ на фоне иноязычных остается по-прежнему актуальным: обращение к пословицам с компонентами-наименованиями важных для человеческой жизни атрибутов (инструментов и приспособлений) позволяет не только увидеть роль предметов бытовой культуры в жизни отдельных этносов, но и постичь связанные с их использованием стереотипные представления, глубже проникнуть в тонкости аксиологической системы носителей определенной культуры, взглядов на этномаркированную шкалу оценки деятельности индивида.

1.1.2. Паремнологическая картина мира как составляющая языковой картины мира

Языковая картина мира, представляя собой совокупность наивных знаний о мире, фиксируется единицами разных уровней (подуровней) языковой системы: лексического, фразеологического, грамматического [Алефиренко 2010]. «Ключевые слова», являющиеся константами сознания, связанные с этноязыковой концептуализацией мира и участвующие в вербализации знаний [там же], следует рассматривать не только как отдельные номинации важных сущностей, но и в составе иных языковых единиц – пословиц, поговорок, сравнений, прецедентных текстов. Например, представление о концепте «труд», вербализуемом в языке лексемами *работа, работенка, пахота, вкалывать, каторга* и др., не может быть полным без учета огромного количества устойчивых выражений, отражающих широкий спектр лингвокультурных установок и прескрипций – см., в частности, анализ пословичного материала в работах: [Басова 2004; Исупова, Юй Хунбао, Хань Ли 2015; Орлова 2012; Савенкова 2002; Селиверстова 2013, Токарев 2002 и др.].

Современные исследователи едины во мнении, что единицы паремиологического фонда языка являются источником сведений, входящих в языковую картину мира и пользуются термином «паремиологическая картина мира», подчеркивая языковую специфику рассматриваемых при этом единиц [Комова 2019, Леднева 2016, Савченко 2010, Саньярова 2019; Селиверстова 2022 и др.]. Еще И. М. Снегирев писал о том, что ценности и стереотипы, вербализуемые в пословицах и поговорках, представляют собой важные для носителей языка и культуры «заповеди истины, превратившиеся в житейскую мудрость» [Снегирев 2012].

Сегодня в фразеологизмах и паремиологических единицах (ПЕ) видят возможность хранения и передачи культурной информации – они участвуют в репрезентации национально–культурных констант в «ореоле всевозможных добавочных сведений. Фразеологический компонент языка воспроизводит элементы и черты культурно–национального миропонимания», выражает разнообразные коннотации, внося тем самым вклад в общую картину национальной культуры [Водясова, Мартынова 2013]. Паремиологический фонд языка считается надежным источником информации о национально–культурных чертах той лингвокультурной общности, в которой они используются [Юань Лиин 2016: 148].

Ученые отмечают различные стороны паремий, способствующие выполнению ими кумулятивных функций, передаче особенностей миропонимания коллективного представителя определенной культуры. Так, система образов в ПЕ служит «нишей для накопления культурно–национального опыта описываемых языковых и культурных обществ» [Дубровская 2000].

Пословицы и поговорки не только фиксируют наблюдения за окружающим миром и обобщают их в своеобразной форме – важно, что сформулированные в образных высказываниях умозаключения регулируют хозяйственную и общественную деятельность [Романова 2019: 2]. Эту точку зрения разделяет Го Пинтин, который убежден в том, что язык не только отражает явления окружающей действительности, но и фиксирует накопленный языковым

коллективом опыт, отмеченный национально–специфическими чертами [Го Пинтин 2018: 305] и необходимый в качестве жизненного руководства носителям языка и культуры.

В контексте данного исследования особенно важна способность ПЕ к выражению стереотипных представлений. К *стереотипным представлениям* относятся связи и зависимости между явлениями предметного и духовного мира народа, идеи и оценки, оформленные в культуре языковыми средствами и разделяемые членами этнокультурного сообщества. Они являются элементами социального и культурного наследия, обеспечивают «устойчивость и преемственность коллективной памяти» [Швец 2016: 352].

По мнению Е.А. Кузьминой, лингвокультурная специфика паремиологических единиц проявляется в их способности выражать не только установки и стереотипы определенного этноса, но и «специфические экспрессивно–оценочные коннотации, основу которых составляют культурно–исторические, мировоззренческие, эмпирические знания представителей данной лингвокультурной общности о свойствах характеризуемой реалии, оценка данной реалии говорящим, социально обусловленные отношения между участниками коммуникации» [Кузьмина 2002: 182].

Паремиологическая картина мира любого языка представляет собой картину, основанную на общих стереотипах жизнедеятельности конкретного этнокультурного общества – это положение лежит в основе предпринятого сравнения стереотипных представлений о мужчине, выражаемых русскими и английскими пословицами [Шаймарданова 2021: 180].

Пословицы выступают «своеобразным хранилищем информации о жизни людей, неким зеркалом, отражающим не только жизнь, но и историю верований, обычаев, обрядов народа» [Савенкова 2002: 8]. Паремии также способствуют формированию близкого носителям языка и культуры «оценочного отношения к вещам и явлениям реального мира, которое происходит в процессе отражения объективной действительности обыденным сознанием» [Кулькова 2014].

Стереотипные представления и лингвокультурные установки – это то, что

оправдывает существование и функционирование паремий как законченных высказываний: ПЕ – это вербализованные говорящими квалификации типичных, повторяющихся ситуаций, рекомендации относительно моделей поведения – верного и ошибочного, высмеивание порицаемого и поощрение положительного, эксплицитно и имплицитно выражаемые говорящими оценки. Взгляд на паремии как реализующие стереотипные представления носителей определенных языка и культуры разделяют многие современные исследователи; см., например, Зиновьева, Рохлина 2016; Калита 2017; Огаркова, Харитоновна 2008; Юань Лиин 2016, Цао Цзяци 2020, Шан Вэньцин 2022 и др.].

По убеждению Н.И. Кирилловой, паремиологический фонд языка как уникальная семантико–семиотическая система вмещает целостные стереотипные представления, которые могут свидетельствовать об основополагающих лингвокультурных представлениях и народных традициях представителей того сообщества, где они используются [Кириллова 2002: 130].

Ма Сянфэй выявляет фрагменты фразеологической картины мира, связанные с вербализацией стереотипных представлений о метеорологических явлениях, и сопоставляет сведения лексикографических источников и корпусные данные. Исследователь приходит к выводу, что для доказательности выводов относительно этномаркированного своеобразия выявляемых стереотипных представлений необходимо, во–первых, привлекать большие объемы различного языкового материала, а во–вторых, учитывать не только словарные толкования, хотя и они, безусловно, важны, но и наблюдать за тенденциями к изменению в языке значения той или иной единицы [Ма 2018: 143–145].

О стереотипах, которые в том числе формируют языковую картину мира, говорит и О.В. Курышева, считающая, что язык в процессе своего развития накапливает представления относительно ценностей, присущих данному лингвокультурному сообществу и отражает традиции, которые сформировались в ходе исторического развития [Курышева 2010: 107].

Как видим, в числе общих признаков стереотипа исследователями выделяются следующие черты: во–первых, это некое представление

действительности (объекта/ситуации), преломленное сознанием носителей языка и культуры, т.е. это не есть отражение реальности.

Во–вторых, это часть или фрагмент ментальной картины мира. В.А. Маслова называет культурно–детерминированное стереотипное представление «ментальной картинкой», связанной с предметом, явлением, ситуацией [Маслова 2001: 110]. Исследователь подчеркивает важный признак стереотипа: он принадлежит и сознанию, и языку – в это понятие включается вербальная оболочка ментального образа [там же: 111].

В–третьих, стереотипы этноспецифичны, принадлежат определённой культуре. Говоря о стереотипах речевого общения, Ю.Е. Прохоров делает акцент на их социокультурной и этнокультурной маркированности: это «социокультурно маркированная единица ментально–лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [Прохоров 2008: 98].

В.В. Красных, характеризуя стереотип, указывает, из чего он складывается. По ее мнению, стереотип как ментально–языковой комплекс формируется «инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице» [Красных 2003: 232], и совокупный образ–представление успешно используется представителями этноса благодаря «определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей» [там же].

Согласно М.Л. Ковшовой, стереотип, с одной стороны, связан с неким фрагментом окружающей действительности, а с другой – является «результатом отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира», но личности коллективной, поэтому стереотип инвариантен [Ковшова 2018: 126].

Пословицы выступают «своеобразным хранилищем информации о жизни людей, неким зеркалом, отражающим не только жизнь, но и историю верований, обычаев, обрядов народа» [Савенкова 2002: 8]. ПЕ также способствуют «формированию родного специфического оценочного отношения к вещам и процессам и явлениям реального мира, которое происходит в процессе отражения

объективной действительности обыденным сознанием» [Кулькова 2014].

Э.И. Швец высказывает мнение о том, что наличие в семантике паремиологической единицы стереотипного компонента, является одним из ее типологических признаков [Швец 2016: 350]. При этом исследователь трактует стереотип как зафиксированное в языковом выражении и проявляющееся в поведении ментальное образование информативного плана, которое сложилось в рамках лингвокультуры в ходе исторического развития [там же].

Таким образом, паремиологическая картина является одной из важнейших составляющих языковой картины мира, а единицами хранимой ими информации являются выражаемые в ПЕ стереотипные представления, лингвокультурные установки, широкий спектр этномаркированных коннотаций.

1.1.3. Инструментальный код культуры в русском и китайском языках

Языковые единицы – и в том числе пословицы – отражают видение представителями определенного этноса самых различных областей жизни. Это и взгляды на растительный и животный мир, и характеристика сфер труда и бытовой жизни социума, и отражение сформировавшихся в обществе представлений об этике, морали и эстетике. Особенности мировидения проявляются как в отборе самих характеризующих предметов и явлений и частоте их освещения, в спектре выявляемых их качеств и признаков, так и в системе используемых при этом образов и эталонов, отражающих культурные коды. Не случайно в рамках лингвокультурологического направления сформировался подход, ориентированный на изучение и описание реализации в языке различных *кодов культуры*.

Под кодом культуры понимается система глобального уровня, включающая в себя характеристики объектов картины мира определенного этноса, которые объединены одним общим категориальным свойством [Карасик 2001: 45]. В основе культурного кода лежит система номинаций, «сформированная стереотипами этнокультурного сознания совокупность знаков и механизмов их применения», с помощью которой осуществляются, во-первых, образование довербальных

смыслов и, во–вторых, «их вербализация в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определенной коммуникативно–прагматический парадигмы» [Алефиренко 2010: 61-62].

Согласно В.Н. Телия, код культуры – это то, что кристаллизуется из ряда текстов, т.е. «совокупность окультуренных представлений» о картине мира этноса – «о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах» [Телия 1999: 20].

Образно код культуры воспринимается В.В. Красных как «сетка», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир», что позволяет его членить, структурировать и оценивать. Коды культуры, соотносясь со сложившимися представлениями человека, «образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» и участвует в «структурировании и оценке материального мира» [Красных 2001: 19].

Исследователь выделяет и называет коды культуры, которые «являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры» – в них зафиксированы наивные представления о мироздании: 1. соматический (телесный); 2. пространственный; 3. временной; 4. предметный; 5. биоморфный; 6. духовный [там ж].

Система культурных кодов может выглядеть иначе – с более дробным делением: акциональный, антропоморфный, зооморфный (анимистический), мифологический, орнитологический, пищевой (гастрономический), природно–ландшафтный, растительный, фетишный, анимический и др. [Гудков 2004, 2005, Дормидонтова 2009, Ковшова 2019, Пименова 2007, Токарев 2003 и др.].

Н.Г. Меркуловой культурный код рассматривается как «набор основных понятий, установок, ценностей и норм (элемент психики человека)», которые входят «в структуру ментальности конкретной человеческой общности» [Меркулова 2015: 194]. Он позволяет получить представление о характере материальной и духовной деятельности человека, «понять скрытые за языковыми знаками смыслы, установить соответствие между номинацией и ее значением и расшифровать глубинные смыслы культурных явлений и феноменов» [там же: 190].

Коды культуры выявляются с привлечением широкого языкового материала и в разных аспектах. Так, О.В. Виноградова, анализируя поэзию А. Ахматовой, рассматривает проявления таких наиболее продуктивных культурных кодов, как акциональный, мифологический, антропоморфный, хотя в целом их круг существенно шире [Виноградова 2011].

В рамках лингвокультурологического направления на изучение и описание реализации в языке различных кодов культуры направлено внимание целого ряда исследователей, поскольку такое знание может служить ключом к пониманию социокультурных норм и стандартов, важных и/или характерных для представителей того или иного лингвокультурного сообщества, «ограничений и установок по отношению к разным видам деятельности (коммуникативной, преобразовательно–технологической, семантической, аксиологической, познавательной, эстетической и т. п.)» [Аванесова, Купцова, 2015: 35].

В.М. Савицкий подчеркивает многогранность культурного кода и разнообразие его трактовок, определяемых отраслью знания, рассматривающей это понятие – философией, культурологией, лингвистикой [Савицкий 2019: 68]. При этом, несмотря на различные подходы в интерпретации статуса и функционирования культурного кода, ученые единодушны в том, что, культурный код «не столько описывает культурные явления, сколько является частью культурного процесса, его смысловым ядром [Изотова 2020: 8].

Признавая роль культурного кода как ключа к пониманию культуры этноса и рассматривая фразеологию в качестве источника разнообразных сведений об образе жизни народа, складе его характера и ментальности, исследователи обращаются к устойчивым единицам языка в поисках проявлений в них единиц культурных кодов, уникальных особенностей национально–культурного менталитета, наследуемых от предков. Как пишет Н.В. Худолей, «в этом смысле тексты фольклора — пословицы, поговорки, а также тексты русской классической литературы наиболее полно фиксируют национальный код культуры, оставаясь актуальными механизмами его сохранения и трансляции в условиях современного информационного общества» [Худолей 2017: 650]. Поэтому знакомство с

пословицами и поговорками участвует в формировании в целом национального кода культуры, поскольку именно эти тексты «фиксируют те базовые социальные и духовные ценности/антиценности национальной культуры, которые обеспечивают сохранение ее целостности в условиях ценностного плюрализма и позволяют нации оставаться в состоянии аксиологической определенности» [там же].

Мнение о возможности выявления и систематизации кодов культуры на основе лингвокультурологического анализа единиц фразеологического фонда языка разделяет Е.А. Хомяков, убежденный в том, что коды культуры являются, с одной стороны, субстанциональными (это связано с материальной природой выражения), а с другой – концептуальными, вытекающими из идейной природы выражения [Хомяков 2014: 153].

Д.Б. Гудков иллюстрирует возможность и целесообразность привлечения фразеологического материала для демонстрации сходств и различий в национально–культурных кодах представителей различных культур – в частности, финнов и русских, которые, несмотря на многовековую историю контактов и близкие формы хозяйствования, могут по–разному видеть и трактовать отдельные явления окружающего мира [Гудков 2005].

Видя в культурных кодах важные составляющие языковой картины мира, А.М. Мягкова рассматривает их в аспекте межкультурной коммуникации. К единицам с «наиболее полным смысловым содержанием и культурологической образностью» она относит такие вербализаторы культурных кодов, как фразеологизмы и поговорки. Поэтому «образная презентация культурно–коннотативных особенностей лексем имеет большое психологическое и лингводидактическое значение, ибо человек мыслит образами», а инокультурные факты, образно репрезентированные в сравнении с фактами родного языка, усваиваются лучше и прочнее [Мягкова 2016: 69].

Итак, ученые, расставляя различные акценты в определении статуса культурного кода, исходят из того, что в его основе лежит «представление о наборе правил, способных послужить предпосылкой к появлению феноменов культуры», код является «смысловой матрицей культурного процесса» [Меркулова 2015: 192],

позволяющей соотносить отдельные ее знаки с фрагментами информации, квантами смысла. Именно так нами понимается код культуры в данной работе. Таким образом, культурному коду принадлежит некоторый набор основных понятий, ценностей, норм и установок, необходимый для прочтения текстов культуры [Свирепо 2002], эталонов и стереотипов.

Значительное место в системе кодов культуры занимает *предметный (предметно–вещный) код*, охватывающий представления о весьма значительном количестве вещей окружающего мира. Среди них выделяется группа предметов, используемых человеком при выполнении определенных действий и имеющих закрепленное за ними назначение; ср. *инструмент, иголка, шило, черпак, мотыга, веретено, молоток, веник, скалка* и др. Успешность любого вида деятельности определяется оснащением (оснасткой), включающим инструменты и приспособления. Не случайно в толкованиях многих действий упоминаются конкретные инструменты, необходимые для осуществления отдельных видов работы. Так, например, для столярно–плотницких работ важны, в частности, *топор, долото, молоток, рубанок*, а для кузнечных – клещи, наковальня и молот: ср. *Без клещей кузнец, что без рук; Для того кузнец клещи кует, чтобы руки не ожечь; Кузнец клещи берет – от огня руки береже; Кому до чего, а кузнецу до наковальни (должно быть)*. Попутно отметим, что среди наименований орудий труда важное место занимают *топор*, как универсальный инструмент, и *соха (сошка)* – главное орудие земледельца.

Будучи единицами народного происхождения, именно поговорки во многом касаются хозяйственной деятельности людей, – земледельческого труда, в котором используется широкий спектр специальных инструментов и приспособлений, столярно–плотницких, кузнечных, ткацко–прядельных и других видов работ. ПЕ отражают, во–первых, трудовые процессы с использованием инструментов. Так, в дефиниции деятельности кузнеца приводится, в первую очередь, глагол *ковать (выковать)* и названы используемые для этого инструменты: ‘Обрабатывать раскаленный металл ударами *молота* или нажимами *пресса*, изготавливать (изготовить) что–л. из раскаленного металла, придавая предмету нужную форму’.

Новгородские оружейники ковали такие мечи, которым не было равных по всей Руси [БТСРГ: 221]; *До позднего вечера кузнец ковал железные скобы* [БТСРГ: 174]. Наиболее характерный и необходимый для этого вида работы инструмент – *молот (молоток)*.

В поговорках также отражаются отношения членов социума к самим артефактам, выработанного и передаваемого людьми в ходе их многовековой деятельности: *Без сохи – не пахарь, без молотка – не кузнец; Без косы сена не накошишь; За лопату держись – сохранишь жизнь; Без сохи и бороны и царь хлеб не найдет* и т.д.

Следует отметить, что набор наиболее распространенных инструментов и приспособлений, использовавшихся в русских ремеслах, в целом обозрим и есть и такие инструменты, необходимые специалисту для выполнения определенных работ, которые не выступают в роли компонентов поговорок (например, *зубило, тесло*)².

С другой стороны, наименования инструментов и приспособлений могут входить в состав ПЕ не только о труде, ремеслах, мастерстве и отсутствии квалификации, лени, но и в изречения, с трудом, как таковым, не связанные. Так, в поговорке *Шила в мешке не утаишь; шило* – очень острый инструмент, который в основном используют сапожники или работающие с кожей ремесленники для проделывания отверстий. Однако в этой поговорке речь вообще не идет о работе, но о том, что любой секрет, любая информация, всегда выплывет наружу, как бы ее ни старались скрыть. Аналогичным образом в китайских выражениях образ иглы выступает в метафорическом значении: 针无两头利 – букв. «Нет иглы с двумя острыми концами», т.е. никто не идеален; 针无两头尖 – букв. «Не существует иглы с двумя остриями», т.е. в житейских делах всё идеально не бывает.

Пласт поговорок с компонентами – наименованиями

² Отметим, что в ПЕ не встречаются, в частности, упоминаемые в словаре В.И. Даля «плотничьи орудия» *зубило* ('род долота') и *тесла (тесло)* – последний связан с глаголом *стесывать* – 'Удалять (удалить) верхнюю часть чего-л. (обычно деревянного предмета) столярным инструментом, делая поверхность ровной; ср.: *Плотник так долго и тщательно стесывал кору с бревен для новой баньки, что в конце концов подогнал их друг под друга очень точно.*' [БТСРГ: 211].

инструментов и приспособлений для осуществления человеком хозяйственной деятельности, в русском и китайском языках достаточно обширен. Это объясняется в целом проявляющимся в паремике вниманием к семантике труда и образу труженика, к мастерству, к лени и безделью и т.д. [Басова 2004, Гоннова 2004, Жуков 2004; Кацюба 2011, Савенкова 2002, и др.].

Однако при значительном внимании в целом к паремиям семантической сферы «Труд. Работа» [Балькова, Савенкова 1998; Бочегова, Самойлова 2019; Кутлимуратова 2022, Островская 2005, Радзиевская 2004, Токарев 2002 и др.] ПЕ, касающиеся орудий, инструментов и приспособлений для осуществления трудовой деятельности, отдельно не рассматривались, хотя «предметы и орудия труда» называются исследователями в качестве основных составляющих понятия труда [Гоннова 2003].

Несмотря на активность разработки данного научного направления, лингвокультурологический потенциал русских ПЕ на фоне иноязычных остается по-прежнему актуальным: обращение к паремиям с компонентами-наименованиями важных для человеческой жизни атрибутов позволяет не только увидеть роль предметов бытовой культуры в жизни отдельных этносов, но и глубже проникнуть в тонкости аксиологической оценки деятельности индивида.

1.2. Пословицы и поговорки в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах

Паремии составляют особый пласт языковых единиц, рассматриваемых с разных сторон и с расстановкой различных акцентов. Остановимся на вопросах определения их статуса, функций и специфики на фоне других единиц языка.

1.2.1. Признаки русских паремий и их место в фонде устойчивых единиц языка

Для понимания сущности пословиц и выработки критериев отбора материала в данной работе следует остановиться подробнее на их отличиях от поговорок как наиболее близких к ним единиц.

При широком понимании фразеологии пословицы и поговорки долгое время

не имели в российской науке четко оговоренных критериев разграничения, хотя в свое время еще В.И. Даль, автор собрания «Пословицы русского народа», дал одно из первых определений пословицы, стремясь отграничить их от поговорок. Пословица – это «*краткое* изречение, *поучение*, в виде притчи, *иносказания* или в виде *житейского суждения*; поговорка есть соль языка или национальной речи, она не складывается, а возникает сама собой, она есть движущая мысль народа» [Даль 1880: 466]. Помимо краткости, как видим, Даль акцентирует, с одной стороны, иносказательность пословицы, т.е. форму передачи смысла – возможность не прямых толкований изречения, а с другой – поучительность, т.е. содержательную и прагматическую сторону суждения, его функцию.

Убедительные критерии разграничения двух типов устойчивых единиц языка – поговорок и пословиц – привел Г.Л. Пермяков, использующий структурный критерий. По мнению ученого, пословицы – это закрытые предложения (замкнутые, целиком клишированные структуры), состоящие из устойчивых элементов, мало подверженных изменениям (*Мал золотник, да дорог*), а поговорки — незамкнутые структуры, изменяемые или дополняемые в речи (*Стреляем/ стреляет/ стреляю из пушки по воробьям*). Отличие состоит в следующем: если первый пример воспроизводится в речи целиком и практически без отступлений от инвариантной формы, то второй пример приобретает окончательную форму и конкретное содержание лишь в определенном контексте общения [Пермяков 1979: 96]. Исследователь при этом отмечает легкость, с которой один тип изречений может приблизиться ко второму, т.е. пословица может принять форму поговорки: *Из пушек по воробьям не стреляют* → *Ты стреляешь из пушек по воробьям* [там же].

Применение структурного критерия как способа разграничения пословиц и поговорок является важным и для В.П. Жукова, который, во-первых, отграничивает от пословиц и поговорок фразеологизмы как единицы, не равные предложению и синонимичные слову или словосочетанию (таким образом, его классификация включает три позиции). К ним относятся обороты *глаза на лоб лезут* у кого-либо, *искры из глаз посыпались* у кого-либо, *медведь на ухо наступил* кому-либо и др., «ибо каждое из них может быть противопоставлено переменному словосочетанию

такого же лексического состава и обладает лексическим значением» [Жуков 2000: 9-10].

Во-вторых, В.П. Жуков выделяет пословицы и поговорки в разряд единиц с замкнутой структурой, обладающих такими признаками предложения, как «смысловая и интонационная завершенность, синтаксическая членимость (если пословица употреблена в буквальном смысле), предикативность и модальность». От поговорок пословицы отличаются своей двуплановостью, что наглядно показано на примере изречения *Кашу маслом не испортишь*, которое может выступать в буквальном значении – как кулинарная рекомендация (‘Пища хороша, если она жирна’) и в переносном – в значении ‘Полезное никогда не повредит, даже в большом количестве’ [Жуков 2000: 10-11]. К безобразным паремиям относятся, в частности, такие, как *Деньги – дело наживное* и *Коса – девичья краса*.

В.П. Жуковым отмечены также и другие признаки пословиц – их народное происхождение, высокая степень обобщенности смысла и «приложимость» паремий ко многим ситуациям, возможность перехода в пословицы крылатых выражений, имеющий литературный источник (ср.: *В чужом глазу сучок видим, а в своем бревна не замечаем; Делу время, а потехе час; С милым рай и в шалаше* и др.).

Л.Б. Савенкова решает вопрос о разграничении пословиц и поговорок, опираясь на семантический критерий: в пословице носителями переносных значений должна быть хотя бы часть компонентов, в то время как поговорка, обладая, несомненно, определенным уровнем обобщения информации, может иметь исключительно прямое значение [Савенкова 2002: 86-87]; см. также специально посвященную проблеме разграничения отдельных типов паремий статью Л.Б. Савенковой [Савенкова 1999].

В.М. Мокиенко видит иное решение терминологической и дефиниционной проблемы. Он предлагает, «оставляя неизменным традиционное определение терминов *пословица* и *поговорка*, принять само сущностное распределение пословиц на две категории, как и предлагал В. П. Жуков: 1) образные пословицы и 2) безобразные пословицы» [Мокиенко 2021: 10]. В. П. Жуков в свое время выбрал для этих двух типов единиц принципиально различающиеся подходы

– развернутую дефиницию для каждой образной пословицы и её отсутствие для безобразной, поскольку «образы, кодирующие смысл паремий первой категории, нуждаются в интерпретации, в то время как назидательный смысл пословиц безобразных прямо вытекает из сложения их словесных компонентов» [там же].

Критерии отграничения пословиц от иных типов фразеологических единиц могут быть сведены, как пишут А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, к трем основным; это: 1) наличие «кванторного значения всеобщности в плане их содержания», т.е. высокой степени обобщенности (вербально это может быть выражено словами типа *всякий, каждый* и/ или обобщенно–личной формой глагола); 2) наличие в семантике пословиц «рекомендательной силы»; 3) бóльшая независимость пословиц по сравнению с идиомами–высказываниями (например, *На ловца и зверь бежит*) [Баранов, Добровольский 2008: 69].

Известный американский паремиолог Вольфганг Мидер (W. Mieder), признавая некоторые трудности определения пословицы и детально рассматривая отдельные ее признаки, видит в ней «*короткое, хорошо известное фольклорное изречение, выражающее народную мудрость, традиционные взгляды и нравственные нормы в метафорической устойчивой запоминающейся форме, переходящее из поколения в поколение*» [Mieder 2004: 4; перевод наш – Л. Ю.]. Помимо уже названных признаков, Мидер обращает внимание на известность и распространенность (традиционность) идеи, выражаемой в изречении, фольклорное происхождение паремий и удобную для запоминания форму. Содержательная сторона ПЕ уточняется В. Мидером словосочетанием *нравственные нормы*. Косвенно речь идет и об *авторитетности* пословиц, передаваемых от поколения к поколению и, следовательно, отражающих опыт предков, предшественников, на который принято опираться.

Определений пословиц дано в теоретической литературе немало, при этом во многих случаях называемые в них признаки если не повторяются буквально, то пересекаются. Исследователи ПЕ, помимо народного происхождения (по В. Н. Телия, это «принципы народной жизненной философии» в форме сентенции) и синтаксической структуры законченного высказывания, отмечают такие их

стороны, как:

- образность и экспрессивность [Мокиенко 2021, Подюков 1982, Селиверстова 2017: 25 и др.];
- оформление языком бытовой, обыденной культуры [ЯККН: 88]
- назидательность, поучительность, мудрость паремий [Бабкин 1964: 25–27; Телия 1996, Чернышева 1997: 78 и др.];
- фиксация нравственных норм и установок морали, указание на предпочтительные модели поведения и поступки [Селиверстова 2017: 5; Шувалова 1998: 103–104; Телия 1996, Taylor 1975: 79 и др.];
- способ реализации коммуникативного намерения [Комова 2019: 82; Сидоркова 1999];
- лингвокультурологическая ценность [Алефиренко 2014, Мокиенко 2021: 16; Зиновьева 2016, Шан Вэньцин 2022 и др.];
- отражение стереотипов национального сознания [Зиновьева 2016, Телия 1996, Токарев 2013, Хакимова 2013 и др.];
- ценностные (аксиологические) установки [Кирилина 1999, Ломакина 2018, Саньярова 2019 и др.].

1.2.2. Особенности паремий китайского языка в научном освещении

В настоящее время теоретическая разработка взглядов на устойчивые единицы китайского языка осуществляется достаточно активно. С одной стороны, на них направлено внимание в культурологическом аспекте – при решении проблем культурной идентичности и интегрированного языкового поведения в условиях кросс–культурной коммуникации. Так, этномаркированное поведение китайцев во многом объяснимо сформулированными в виде устойчивых фраз правилами, восходящими к философии Конфуция – такими, как 严于律己, 宽以待人 (букв. *Будь строг к себе, будь снисходителен к другим*), 身在福中不知福 (*Человеку неведомо, если он живет в благословенные времена*).

Как в русской паремике проявляется традиционное отношение носителей языка и культуры к вопросам веры, восприятие и осмысление ими Бога (*Бог и на*

печи найдет; На Бога надейся, а к берегу плыви; Бог не в силе, а в правде и др.), так и у китайцев проявляется в устойчивых выражениях специфика даосизма и буддизма – основных вероисповеданий китайцев; ср.: 无色无相, 无嗔无狂 (*Ни цвета, ни внешнего проявления, ни гнева (упреков), ни безумия (буйства)*), т.е. ‘человек должен принимать мир спокойно, без чрезмерных эмоций’, 没有信仰之根, 难有佛法之株 (*Без корня веры трудно иметь дерево Дхармы; дерево дхармы символизирует мудрость, постижение истины*).

В филологической науке внимание к подобным и иным устойчивым единицам базируется на признании языка продуктом многолетней языковой деятельности народа, в котором зафиксированы опыт предшествующих поколений и сведения из различных областей жизни этноса. При этом, рассматривая единицы одного языка – например, русского, на фоне единиц китайского языка, исследователь должен понимать как различия в типах устойчивых выражений, входящих в систему существующих единиц национального языка, и в их источниках, так и в способах оформления выражаемых ими смыслов и самого их содержания.

Исследователи, отмечающие этномаркированные особенности китайских устойчивых выражений, уже неоднократно выстраивали типологию китайских единиц [Синь–и 2004, Пи Цзянькунь 2016, Тянь Цзюнь 2001, Шан Вэньцин 2022 и др.], отмечая трудности разграничения отдельных их видов в силу специфичности рассматриваемых единиц. Так, Ван Синьцзюй пишет, что в китаистике «вследствие специфики материала преобладает широкое понимание фразеологии, выделяются иные типы ФЕ и разработана собственная терминология» [Ван Синьцзюй 2018: 7].

В качестве общего названия для устойчивых китайских выражений используется термин «шуйюй (суйюй) цюнь (цунь)», охватывающий обороты и изречения разной структуры и содержания, принадлежащие как письменной, так и устной речи – и это использование термина в широком – так считают Люй Хуннян (吕洪年) [1983], Сюй Цзунцай (徐宗才) [1994] и Ван Цзе (王捷) [1992], признающие и правомерность его использования в узком смысле. Однако в отношении узкого

понимания суюй (шуйюй) 俗(熟)наблюдаются расхождения: одни их воспринимают как общепонятные народные образные предложения, другие – как поговорки, включая пословицы, недоговорки–иносказания и другие устойчивые выражения [Шан Вэньцин 2022: 47].

Тем не менее в китайской лингвистической традиции уже сложился разделяемый большинством исследователей взгляд на типологию устойчивых выражений. Так, Чжао Чжицян, подчеркивая большие расхождения между языками в области грамматики, характеризует особенности каждого из выделяемых разрядов единиц и предлагает изображение структуры в виде формулы. Единицы первого разряда – **чэньюй** (成语) – состоят из односложных слов с широкой синтаксической валентностью и формулой «определение + подлежащее – определение + сказуемое – определение + дополнение» (ОП–ОС–ОД). Ср.: *huà shé tiān zú* 画蛇添足 (букв. рисовать змею, добавить ноги, переборщить; ‘абсолютно лишнее; пятое колесо в телеге’). Чэньюй чаще всего не нуждается в служебных словах. Реже чэньюй представляет целое предложение – например, *yú gōng yí shān* 愚公移山 (букв. Юйгун передвинул горы – близкое к рус. *Терпенье и труд всё перетрут*) [Чжао Чжицян 2012: 10].

Устойчивая единица второго разряда – **яньюй** (谚语) – равна целому предложению – простому или сложному; ср.: букв. «Нет такой стены, сквозь которую не прошёл бы ветер» (т.е. ‘тайное всегда становится явным’); букв. «Когда в горах нет тигра, то и мартышка – царь зверей (ср. рус. *На безрыбье и рак рыба; На безлюдье и Фома дворянин*). При этом подчинительные связи здесь реже сочинительных, а бессоюзная связь весьма для яньюй характерна [там же]. В работе Синь-и приводится такой пример фольклорной по происхождению яньюй: букв. «Не забравшись в логово тигра, не поймает тигренка», что аналогично русской ПЕ *Волков бояться – в лес не ходить* [Синь-и 2004: 5].

К этому разряду паремий относятся и весьма типичные именно для китайской традиции выражения, состоящие из двух синтагм, разделённых запятой, и представляющих собой две части, создающие особую форму с лексико–

семантическим и грамматическим параллелизмом. Ср.: букв. «Полная бутылка не издаёт звуков, а наполненная наполовину – булькает (ср. рус. *Полная бочка молчит, а пустая гремит*; аналогичны ПЕ о порицаемой похвальбе при отсутствии для этого оснований: *В пустой бочке звону больше; Пустой колос голову кверху носит*) [Чжао Чжицян 2012: 10].

Выделяемые всеми исследователями единицы (3) *сехоуэй* (歇后语) представляют собой законченное суждение. В предложении из двух частей первая содержит образное иносказание, которое без осуществляемой во второй части расшифровки не всегда или не совсем понятно; их поэтому называют также «недоговорками»: букв. «Бить муху на голове тигра — жить надоело» [Синь-и 2004: 5] – подобные выражения для передачи на русский язык нуждаются в развертывании и комментарии – например: «Не следует выполнять заведомо опасное дело – это рискованно и не очень умно», – что сближает их с русскими пословицами. Шан Вэньцин в качестве примера сехоуэй приводит такое выражение: «Носить воду в бамбуковой корзине – остаться ни с чем», т.е. ‘нет смысла заниматься бесполезным делом’ [Шан Вэньцин 2022: 48].

В классификациях присутствует и четвертый вид устойчивых выражений – *гуаньюньюй* (惯用语), наиболее близких к оборотам русского языка, называемым терминам «поговорка», «идиома», «фразеологизм»: это словосочетание состоит обычно из трех–четырёх компонентов и синонимично в своем значении слову или словосочетанию; особой структуры не имеет. Переосмысленной в этом выражении может быть только часть компонентного состава; ср.: букв. «маленькие глаза сердца» — ‘о человеке с ограниченными нравственными понятиями’ [Го Синь- и 2004: 4-5]; букв. «гнать утку на насест» — ‘требовать невозможного (невыполнимого)’. Здесь отмечаются обороты, номинирующие лицо, действие или признак: букв. «мягкий нож» — ‘коварство; коварный человек’; букв. «потерять лицо» — ‘оскандлиться, опозориться; ударить в грязь лицом’ [Чжао Чжицян 2012: 11]; букв. «ни три, ни четыре» — ‘безобразный, беспорядочный’ [Шан Вэньцин 2022: 47].

Исследователи–фразеологи иногда дополняют эту типологию иными видами устойчивых выражений – например, «*дяньгу*» — это «специфический прием использования широко известного классического текста философского, исторического, поэтического, драматического характера. В его основе некая вербально квалифицируемая ситуация, которая соотносится говорящими с наблюдаемым в современном дискурсе. Например, букв. «Куафу гонится за солнцем» — 'предпринимать дело свыше своих сил' [Синь–и 2004: 5]. На наш взгляд, это выражения, близкие к русскому изречению типа «А Васька слушает да ест» из басни Крылова «Кот и повар», которое стало знаком ситуации, «когда один говорит, убеждает, а другой не слушает его, не считается с говорящим, продолжая делать своё (обычно предосудительное) дело» [БСРПог; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/13773/A>].

Более детальные классификации китайских изречений называют и иные единицы, которые также близки по своим функциям к русским пословицам, но квалифицируются в китайской традиции как отдельные разновидности, отличные по форме, содержанию и функции. Так, Го Синь–и называет, помимо названных, выражения *миньянь*, куда входят 2 подвида: авторские изречения, именуемые также *гэянь*, и *цзинцзюй* – «сентенции, полезные советы, прописные истины, предостережения», такие как «Тот, кто в молодости не прилежен, будет каяться в старости» или «Если потерпеть немного — наступит полное спокойствие, а отступить на шаг назад – будет необъятная ширь» [Го Синь–и 2004: 5].

Таким образом, ориентируясь на принцип отбора русского языкового материала, исключая выражения, синонимичные слову и словосочетанию, мы подходим к китайскому языковому материалу с аналогичным критерием и включаем в поле нашего зрения устойчивые единицы со структурой предложения, с различной степенью проявления образности, способные квалифицировать типичную жизненную ситуацию, содержащие – имплицитно или эксплицитно – наизидание или вывод, мораль, народную мудрость и стереотипное представление, типичное для образа мыслей китайцев. Естественно, мы рассматриваем лишь паремии, включающие лексические компоненты, номинирующих инструмент.

1.2.3. Лингвокультурологический потенциал паремий: опыт изучения русских и китайских пословиц

Паремии реализуют коммуникативную функцию в языке в неразрывной связи с функцией трансляции культуры: они обеспечивают передачу накопленного опыта – как речевого опыта, так и жизненного опыта социума [Семененко 2005: 52]. Возникая на определенном этапе развития языка и общества, ПЕ причисляются к общемировоззренческим текстам, поскольку в них – при компактной форме и сравнительно небольшом количестве используемых средств – отражается специфика национально–маркированного мировидения носителя языка и культуры [Балова 2011].

Будучи связанными с представлениями человека о разных сторонах жизни человека, общества и окружающего мира, пословицы таят в себе огромный информативно–познавательный потенциал и имеют этнографическую, лингвострановедческую ценность, а как единицы определенного фольклорного жанра они отмечены и художественной ценностью.

Пословицы, входя в состав языковых единиц любого из языков, вербализуют в них как универсальные смыслы, близкие носителям разных культур и языков, так и этномаркированные установки и стереотипные представления. Это делает их важным материалом для изучения особенностей проявления в языке ментальности этносов, бытовых и социальных условий их существования, взглядов на различные стороны жизни и место человека. Исследователи оперируют при этом термином *стереотипные представления*, понимая под ними «устойчивые обобщенные представления о психологических и поведенческих характеристиках этнических, национальных, культурных сообществ людей» [Щекотихина 2008: 70].

В последние годы весьма активно проявляется интерес ученых к различным фрагментам русской паремиологической картины мира, рассматриваемой на фоне иных языков с целью выявления особенностей взаимодействия языка и культуры двух или более языков. Такие исследования проводятся с привлечением материала разных пар языков – русского и английского [Дежужаева, Сарангаева 2020;

Иванова 2006, Храмова 2010 и др.], русского и белорусского [Иванов 2014], русского и французского [Домбровская 2006, Нелюбова 2019, Швец 2016], русского и русинского [Ломакина 2016], русского и шведского [Алешин 2020], русского и узбекского [Кутлимуратора 2022], русского и чешского [Селиверстова 2019, 2021], а также на материале нескольких языков [Иванов, Ломакин, Нелюбова 2021] и др.

Ю.А. Храмова, сопоставляя паремии с семантикой лицемерия и искренности в русской и английской лингвокультурах, устанавливает «варианты развертывания ценностных характеристик и дидактической направленности пословиц» – как реализующих семантику искренности, так и говорящих о лицемерии и ханжестве. В результате анализа ею выявлены национально–специфичные когнитивные признаки и суждения концепта «искренность» в английском и русском языковом сознании. В частности, она приходит к выводу о том, что англичане руководствуются в своем поведении стремлением к вечности и рациональному восприятию мира, а носители русского языка и культуры руководствуются в первую очередь эмоциональными факторами [Храмова 2010].

Е.И. Селиверстова, анализируя паремийный материал нескольких языков – и не только европейских, – показывает, в частности, что очень многим народам близко наблюдение о способности плохого, хотя и малого, испортить нечто большое и хорошее – эта установка находит различные образные претворения, определяемые национальной образной системой; ср.: *Ложка дёгтя портит бочку мёда* и выражения из английского («Одна капля яда испортит всю бочку вина»), чешского («Немножко желчи испортит целого гуся»), испанского («Немного желчи сделает горьким весь мед») [Селиверстова 2020: 206].

Н.Ю. Нелюбова, заостряя внимание на ценностных аспектах мировидения тувинцев, русских и французов и обращаясь к устойчивым единицам трех языков, показывает в своей работе сходства и различия между ними в видении явлений окружающего мира. Сходство рассматриваемого материала видится автору в близости структурно–семантических моделей ПЕ, а различия состоят в содержании этномаркированных ключевых понятий, отражаемом при лексикографическом описании тувинских пословиц и этнокультурных комментариях к ним,

обнаруживающих самобытность языка, культуры и ментальности тувинского народа [Нелюбова 2022: 234–240].

Широко представлены в современной лингвистической литературе работы, основанные на материале русского и китайского языков и рассматривающие паремии с лингвокультурологических позиций [Го Лихун 2021, Го Синь–и 2004; Зиновьева 2020; Селиверстова, У Яньшань 2020; Тянь Цзюнь 2001, Цао Цзяци 2021, Чжан Мянью 2017, Чжан Янь 2019, Шан Вэньцин 2022 и др.].

Так, в работе Е.И. Зиновьевой и Цао Цзяци внимание сосредоточено на общих и различающихся установках культуры, вербализуемых в паремиях с образами насекомых в русских и китайских пословицах [Зиновьева Е.И., Цао Цзяци 2020].

Чжоу Хунсин на материале устойчивых выражений вьетнамского и китайского языков показывает перспективность лингвокультурологического подхода, позволяющего выявить сходства и различия между двумя языками и систематизировать их [Чжоу Хунсин 2016].

Обращение к устойчивым единицам русского языка, отражающим стереотипные представления о женщине и рассмотренным Лю Бо на фоне соответствующего материала китайского языка, позволило увидеть особенности вербализации гендерных стереотипов в традиционном мышлении представителей русской и китайской культур. Сопоставление гендерно значимых образов позволяет выявить как общие черты, так и отличия в представлениях говорящих на русском и китайском языках [Лю Бо 2009].

Тема семейных отношений широко вербализуется паремиологическими единицами, что нашло отражение в статье Го Лихун. Автор избрал в качестве предмета исследования изречения, отражающие традиционные отношения между членами семьи, не связанными кровными узами. В частности, показано сходство и различия в осмыслении представителями двух культур своеобразных отношений между свекровью и невесткой, тещей и зятем, золовкой и невесткой [Го Лихун 2021].

Результатом подобных изысканий стало расширение лингвокультурных представлений этносов, что даёт почву для эффективных межкультурных контактов, имеющих важное значение в современном глобализованном мире

[Шагиахметова 2020: 119].

1.3. Теория лексико–семантического поля в применении к компонентному составу паремий

1.3.1. Свойства семантического поля и лексико–семантической группы

Поскольку исследуемый в данной работе материал органичен паремиями с компонентом–наименованием инструмента, остановимся на вопросе о принципах систематизации лексики русского языка и компонентом составе фразеологических единиц – в частности, пословиц.

В основе развития представлений о системном строе языка лежат представления немецкого исследователя Й. Трира, который одним из первых предложил новый (системный) подход к описанию лексического состава языка [Trier 1931]. В этот же период швейцарский лингвист Ф. де Соссюр выдвинул лингвистическую концепцию, основанную на идее, что язык есть система знаков, а элементы системы состоят в определенных отношениях – как отношениях между элементами целого, так и между целым и отдельными элементами [Соссюр 1998]. Ученый писал, что «рассматривать слово просто как соединение какого–то звучания с каким–то понятием» является ошибочным. «Определять слово подобным образом – значит изолировать его от системы, часть которой оно составляет», в то время как исходить при изучении лексики «из сложного единства, чтобы путем анализа дойти до составляющих его элементов» [Соссюр 2007: 153].

В этом проявился новый подход к изучению словарного состава языка – с распределением языковых единиц по нескольким уровням, образующим иерархию, и установлением отношений между единицами одного уровня и типами их комбинаций. Лексическое значение слова – это понятие, мысль о неких признаках, которая находит свое место в системных отношениях словарного фонда языка.

Изучение содержательной стороны языковых единиц привело в науке XX в. к становлению лексико–семантического направления, в рамках которого учеными выделяются совокупности слов, объединенных в семантические группы по принципу общности их значения – см., например: Васильев 1990, Денисов 1980,

Кузнецова 1989 и др. Основанием для этого послужило признание важности связей слов по смыслу, по выражаемому ими содержанию. Постепенно стали накапливаться и обобщаться наблюдения над составом и своеобразием отдельных группировок слов языка, составляющих самую сложную систему в языке – лексику. А.И. Смирницкий писал, что лексику следует сделать предметом изучения и изложения. «Надо увидеть в лексике данного языка не кучу разнообразных примеров, но специфическую для этого систему лексических единиц». Это позволит выделить в ней существенное и характерное [Смирницкий 1956].

Задавшись вопросом, распадается ли лексика языка на ряд отдельных «полей» или групп, или она представляет собой единое целое, в котором сказывается «взаимодействие самых отдаленных звеньев» (Ю. С. Сорокин), ученые пришли к выводу о системном характере лексики, который проявляется в том, что слово соотносится с другими словами по близости, совпадению или противопоставленности значения, но также – по признаку отнесенности ряда слов к одной общей семантической категории [Сорокин 1965], к некой группе «сополагаемых единиц». С точки зрения Ю.С. Сорокина, системность в лексике проявляется, помимо прочего, «в семантических связях и отношениях слова с другими словами» – синонимии, антонимии, объединениях слов в лексико–тематические группы, отдельные терминологические ряды, семантические микросистемы [Сорокин 1965: 13].

Как пишет Джон Лайонз, «нельзя определить значение слова независимо от значений других слов, с которыми оно (семантически) связано и которые определяют границы его смысла» [Лайонз 2003: 117]. Подобные лексические отношения относятся к сфере парадигматики. Так, Е.И. Зиновьева пишет о выделении в лексической системе языка групп слов, связанных общностью в области значения: «Системные связи охватывают и целые классы слов, единых по своей категориальной сущности (выражающие, например, значение предметности, признака, действия и т. д.). Такие системные отношения в группах слов, объединяемых общностью признаков, называют парадигматическими» [Зиновьева 1990: 31].

Основной полевому подходу к лексике стало, таким образом, признание того, что. «входя в лексико–семантическую систему, каждый ее элемент занимает в ней вполне определенное место», противопоставляясь другим подобным и сочетаясь в тексте с известным кругом слов. «Место в системе определяется для каждой единицы семантическими свойствами последней» [Новиков 1987: 8–9].

Ключевым в области лексической парадигматики является понятие *лексико–семантического поля*, под которым понимается «сложная лексическая микросистема, которая объединяет слова по семантическому принципу, обладает специфической полевой структурой» [Куренкова 2006: 176]. В лексико–семантическое поле входят более дробные поля (микрополя) – совокупности языковых единиц, выражающих – и не только синонимически – одну и ту же идею, «один и тот же внеязыковой феномен», но разными способами [Воробьев 2008: 23–24]; эти поля называют также идеографическими, и между ними существуют иерархические отношения. Одни поля могут проникать друг в друга – иметь зоны пересечения, другие могут содержать в своей структуре несколько полей. Поле характеризуется такими чертами, как отсутствие четких границ, незамкнутость, автономность, взаимодействие с другими полями, наличие лакун, специфичность в разных языках и др. [Куренкова 2006: 176]. Лексико–семантическое поле, отражая внеязыковое содержание языковых единиц (знания о мире), помогает выявить «единый когнитивно–смысловый континуум», который позволяет видеть точки сближения всех языков и человеческого знания о мире [Манакин 2007: 32–33].

Для нас, таким образом, важно в данной работе, что все рассматриваемые нами языковые единицы объединены интегрирующей семьей и принадлежат одной части речи, образуя некую совокупность. Таким объединением является лексико–семантическая группа – это важное для нас понятие, поскольку критерием отбора паремий для последующего анализа является выявление в их составе единиц, принадлежащих за пределами ПЕ к одной лексико–семантической группе.

Лексико–семантическая группа – основная крупная составляющая поля, выделяемая рядом исследователей. П.Н. Денисов, в частности, называет ее среди

иных групп слов – синонимического ряда, тематической группы, словообразовательного гнезда, антонимической пары и др. [Денисов 1980: 119]. Это мнение разделяет Е.И. Зиновьева, называя лексико–семантические группы в числе языковых объединений различного типа [Зиновьева 2005: 34]

Лексико–семантические группы объединяют в парадигмы – такие, например, как «глаголы с семантикой ментальной деятельности» [Гуднов 2013], «глаголы понимания» [Ветюгова 2004], «глаголы с семантикой физического воздействия» [Скребцова 1996], «прилагательные–цветонаименования» [Крапивник 2013], существительные со значением «наименования степеней родства», имена особой семантической сферы «животный мир» [Уфимцева 2002: 112] и другие. Основанием для включения слова в подобные группы является общность интегрирующей семы. представление о совокупности таких явлений, которые обнаруживают определенную взаимосвязанность и соотношения, поддерживаемые действием определенных внутренних сил.

Общность семантики языковых единиц языка зависит от их единственного внеязыкового содержания, которое находит отражение в идеографическом словаре. Принцип составления такого словаря, по мнению Ю. Н. Караулова, универсален, поскольку объясняется «принципиальной общностью разных языков как знаковых систем и общностью языкового поведения людей» [Караулов 2014: 269]. Структура идеографического словаря отражает структуру предметного мира, человека и его отношений с природой, т. е. в определенной мере является отражением языковой картины мира.

В данной работе наше внимание обращено к единицам, объединенным в одну лексико–семантическую группу на основании общего интегрального признака «наименование инструмента (орудия труда)».

1.3.2. Наименования инструментов в русском языке: идеографический подход

Прежде чем перейти к паремиологическому материалу, обратимся к семантическим границам самого понятия «инструмент», что позволит уточнить,

какие номинанты объединены в лексико–семантическую группу общим интегральным признаком ‘инструмент, орудие’, обратимся к толковым и этимологическим словарям русского языка и приведем последовательно несколько дефиниций слова *инструмент*. Для наглядности приведем определения – с выделением основных сем.

Так, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля приводит следующую дефиницию слова *инструмент*: ‘орудие, снаряд, прибор, струмент; всякого рода ручное пособие или устройство, для какой–либо работы, дела, начиная от рычага, ножа и топора, до компаса и секстана’ [Даль 1998: 371]. Отметим, что в определении В.И. Даля не подразумеваются никакие иные инструменты, кроме тех, что предназначены для труда. В толковом словаре С.И. Ожегова находим следующее определение инструмента: ‘орудие, приспособление для каких–либо работ’ [Ожегов 2009: 303]. Толковый словарь Д.Н. Ушакова, в свою очередь, предлагает следующую дефиницию данного понятия с акцентом на цели применения инструмента, его предназначении: ‘ручное или механическое орудие, или совокупность орудий, которые целенаправленно применяются человеком для выполнения определенных работ, с целью получить результат’ [ТСУ 2008: 303].

«Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой указывает, что это ‘орудие, преимущественно ручное, для производства каких–либо работ’ [СРЯ.1: 670]. «Русский семантический словарь» предложил наиболее краткую дефиницию: инструмент – это ‘орудие для производства каких–н. работ’ [РСС 2007: 97].

По сведениям этимологического словаря, слово *инструмент* пришло из латинского языка и утвердилось в значении ‘орудие для работы’ [Цыганенко 1989: 158]. В качестве синонимов к слову *инструмент* словари приводят такие лексемы, как «орудие», «приспособление», «снасть», «снаряд», «прибор» и т.д. [Абрамов 2000: 244].

Общность семантики языковых единиц языка зависит от их единственного внеязыкового содержания, которое находит отражение в идеографических словарях, к которым мы прибегли и при разработке критериев отбора материала для данного

исследования. Принцип составления такого словаря универсален, поскольку объясняется «принципиальной общностью разных языков как знаковых систем и общностью языкового поведения людей» [Караулов 2014: 269]. Структура идеографического словаря отражает структуру предметного мира, человека и его отношений с природой, т. е. в определенной мере является отражением языковой картины мира.

Русские наименования инструментов составляют обширный языковой пласт, который сформировался в ходе развития ремесел и приобретенных человеком профессиональных навыков и умений в различных областях. В отсутствие сложных технических механизмов инструменты были представлены, большей частью, орудиями для исполнения работ вручную – таких, как *шило, топор, пила, зубило, игла, веретено* и др.

В рамках данного исследования к наименованиям инструментов мы будем относить такие лексические единицы, семантическое значение которых включает следующие признаки: ‘механический или ручной прибор (приспособление)’, используемый ‘для выполнения той или иной работы’, которая приносит ‘осязаемый результат’.

В дефинициях орудий, приводимых в «Русском семантическом словаре» (РСС) указывается их назначение; ср., например, *соха* – ‘В старину: простейшее сельскохозяйственное орудие для вспашки земли. *Кто ленив с сохой, тому весь год плохой. Одни с сошкой, а семеро с ложкой*’ [РСС: 105]. *Лопата* – ‘ручное орудие для копания, сгребания с рукояткой и широким отточенным концом’ [РСС: 149]. Группу слов, называющих ручные приспособления и орудия для сельского труда в данном справочнике, составляют лексемы, различающиеся по своему устройству, материалу, назначению и принципам применения [РСС: 158]. Ср., например:

вилы	Ручное орудие – несколько длинных металлических зубьев на деревянной рукояти.
грабли	Ручное орудие – насаженная на длинную рукоять колодка с зубьями для сгребания сена, для рыхления земли.

коса	Ручное орудие – большой изогнутый нож на длинной рукоятке для срезывания травы, злаков.
мотыга	Ручное орудие для рыхления, копки– металлический или каменный наконечник, насаженный на длинную рукоятку лопатки.
цеп	Ручное орудие для молотьбы – деревянный валик, привязанный к длинной рукоятке.

Единицы инструментального кода в русском языке, как показывает словарь, многочисленны и разнообразны – они предназначены для выполнения широкого спектра различных действий и классифицируются в зависимости от области их применения. Так, слова *веялка, волокуша, грабли, жатка, косилка, орало, плуг, рыхлитель, соха* и др. входят в ЛСГ «Сельскохозяйственные машины; орудия для обработки земли» [РСС: 104–105]. К ней примыкает небольшая группа слов под общим названием «Части машин, орудий» – *лемех, маркёр, сошник* [РСС: 105]. Значительную группу составляют названия «устройств для обработки, сверления, дробления, давления, удара, резания, разглаживания», среди которых мы находим такие слова, как *молот, молоток, мялка, ножницы, пила, тёрка, мех* [РСС: 108–109] и др. Некоторые из них – но далеко не все – выступают в роли компонентов паремий.

Среди приведенных в словаре лексем немало таких, которые обозначают современные машины и механизмы и их детали, что ставит под сомнение возможность встретить их в составе ПЕ – ср.: *генератор, дизель, перфоратор, пилорама* и др. Во-первых, для паремий характерно скорее использование названий таких инструментов, которые знакомы широкому кругу носителей языка, а не только узким специалистам. И здесь важны, в первую очередь, инструменты, использовавшиеся в повседневной жизни для ручного труда, доступного многим. Во-вторых, учитывая время возникновения основного массива паремий, можно предположить, что названия многих технических новшеств войти в состав ПЕ не могли в силу их сравнительного позднего появления (изобретения): это, например,

таких приспособления, которые работают с применением электричества и газа. Поэтому одним из шагов, предваряющих отбор материала из словарей, стало выявление тех названий, которые фигурируют в составе ПЕ; при этом основным ориентиром служил словник «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

В большей степени в составе паремий встречаются в качестве компонентов слова, включенные в словаре в группу «Ручные инструменты, приспособления. Простейшие орудия физического труда», включая некоторые из «приспособлений для резания, рубки, строгания, шлифовки,ковки, завинчивания, точки, прокалывания и др.» [РСС.2: 146–150]. Таким образом, конечный перечень наименований инструментов, положенный в основу отбора паремий, определялся данными двух словарей – «Русского семантического словаря» (том 2) и «Большого толкового словаря русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко, верифицированными с привлечением «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

В данной работе наше внимание сосредоточено на лексико–семантическом поле, единицы которого объединены общим интегральным признаком ‘наименование инструмента, используемого для ручного труда в ходе производственной деятельности’. Таким образом, наименования, например, музыкальных инструментов из области нашего внимания исключаются.

1.3.3. Наименования инструментов в китайском языке: идеографический подход

Для определения списка слов, называющих инструменты в китайском языке и составляющих лексико–семантическую группу «наименования инструментов», мы также обратились к словарям.

Понятие «инструмент» трактуется в толковых словарях следующим образом:

Толковый словарь китайского языка Синьхуа (1998)	Орудие, используемые при производственном труде [ТСКЯ 1998: 597].
--	---

Источник китайских слов (1983)	Приборы, используемые в работе [ИКС 1983: 761].
Большой словарь китайского языка (2008)	«Приспособления, используемые в производственном труде» [БСКЯ 2008: 507].

Для передачи семантики *‘инструмент’* используются такие идеограммы, как 工具 (инструмент), 器具 (приспособление), 器物 (орудие) и т.д. Они относятся к разряду синонимичных существительных. Следует отметить, что в дефинициях инструментов в китайском языке обязательно приводится указание на их назначение – использование в работе.

Согласно мнению китайского ученого Мэн Циньяня, «взаимосвязь между инструментами и трудом несомненна, а инструменты являются основой для осуществления работы» [Мэн Циньянь 2006: 140]. Ученый считает инструменты также «плодами труда». Являясь продуктом человеческого труда, они символизируют мощь человека в практической деятельности. Орудия производства выполняют посредническую функцию, поскольку с их помощью «люди продолжают культивировать и преобразовывать природу, и область красоты, создаваемой трудом, продолжает расширяться за счет продуктов человеческого труда» [там же].

Представления об использовании инструментов широко отражаются в китайских поговорках. В Китае как ориентированном в своей истории преимущественно на земледелие, не могло не появиться значительное количество поговорок, говорящих о нем. С другой стороны, в Китае насчитывается более 70 видов народных промыслов – таких, как, например, ткачество, изготовление посуды и украшений, плетение из бамбука и соломы, резьба по кости, рогу, нефриту, раковинам и т.д., вырезание из бумаги, строительство. Однако в поговорках отражаются преимущественно наиболее типичные и широко освоенные инструменты, доступные многим, распространенные.

Китайский язык также располагает словарями, аналогичными идеографическим словарям русского языка, однако отбор китайских поговорок

производился иначе. Ср.: 工具 (*инструмент*) – в «Энциклопедическом словаре китайского языка» сопровождается дефиницией: ‘приборы, используемые на работе’ [ЭСКЯ 2009: 407]. «Толковый словарь китайского языка Синьхуа» приводит следующее определение слова 工具 (*инструмент*): ‘Оборудование, используемое в производительном труде’ [ТСКЯ 2009: 407].

Из того, как названы и как описываются инструменты, видно, каковым представляется носителям языка и культуры назначение инструментов. Например, 斧头 (*топор*) – ‘Инструмент для рубки предметов, вещей, в основном используемый для колки дров. Он также применялся в древние времена в качестве оружия’ [ТСКЯ 2009: 329]. 锤子 (*молоток*) – ‘Инструмент для заколачивания (вколачивания) предметов’ [ТСКЯ 2009: 201]. Использование этих слов отражает особенности применения инструментов для ручного труда, отразившиеся в китайской паремике, преимущественно в единицах, говорящих о труде.

1.4. Вывод по главе

Изучение научной литературы, касающейся заявленных в данной работе материала и подхода, позволило прийти к следующим выводам.

Характеристика лингвокультурологии как одного из направлений лингвистических исследований свидетельствует, что это современная сложная отрасль науки, возникшая на основе взаимодействия языкознания и культуры.

В любом языке складывается картина мира – особым образом преломляемая информация, которая накапливается человеческим сообществом: это и опыт наблюдения за собой и миром, и результаты осмысления увиденного. Изучение языковой картины мира, в которой вербализуются представления человека об окружающем мире и отношение к нему, задаются правила и нормы поведения людей и отражается опыт жизнедеятельности в самых разных сферах, осуществляется учеными и на материале пословиц, т.е., по сути, исследуются особенности уже паремиологической картины мира носителей определенного языка.

Паремии, согласно классификации В.А. Масловой, занимают законное место

среди девяти типов лингвокультурологически нагруженных единиц, представляющих собой сложные единицы синтаксиса и отражающих в своей семантике культурные объекты. В паремиях отмечены говорящими типичные ситуации, обнаруженные в происходящем вокруг закономерности и вытекающие из этого одобряемые или порицаемые модели поведения. Пословицы содержат важные прескрипции и оценки, демонстрируют систему характерных для национального мышления эталонов и образов, выражая тем самым стереотипные представления и установки культуры. Под «установками культуры» в данном исследовании понимаются суждения, вербализованные на паремиологическом уровне и выражающие важные универсальные или этномаркированные прескрипции и/или фиксирующие типичные жизненные ситуации, подлежащие осмыслению и выведению умозаключений.

Типологии русских и китайских паремий, предлагаемые исследователями, обнаруживают различия в принципах построения и особенностях и сферах функционирования отдельных типов устойчивых единиц, поэтому классификации паремий в целом различаются как по количеству выделяемых разрядов единиц, отмеченных определенными признаками, так и в их дефинициях. Это, однако, не мешает включению в объект исследования разноструктурных единиц китайского языка, если основываться при этом на способности единиц выражать стереотипные представления лингвокультурного характера.

Паремиологическая картина мира, кумулируя мудрые мысли носителей языка, отражает стереотипные представления говорящих и лингвокультурные установки, сложившиеся в национально–маркированной ментальности и особым образом оформленные. В ней немало единиц, характеризующих деятельность с использованием инструментов и орудий различного назначения (*нож, топор, молоток*), в том числе – предназначенных для выполнения операций в узкой сфере деятельности или людьми определенных профессий (*молот, рубанок, соха, мотыга, цеп, веретено* и др.).

Обращение к идеографическим словарям русского языка показывает, что, в соответствии с теорией полевой организации лексики наименования

приспособлений, орудий и инструментов для выполнения определенного рода работ составляют в языке определенную группу, выделяемую на основании общего признака – они включают семантический элемент ‘использование для выполнения той или иной (преимущественно ручной) работы, которая приносит очевидный результат’. Это позволяет очертить круг паремий, включаемых нами в объект исследования.

Стереотип признается в данной работе неким представлением действительности (объекта/ситуации), преломленным сознанием носителей языка и культуры, т.е. он не рассматривается как отражение реальности. Принадлежа определённой культуре, стереотипные представления, выражаемые языковыми средствами, способны показать степень их универсальности – для носителей разных культур или же национальной специфичности, что выявляется в ходе анализа пословичного материала одного языка на фоне другого.

Обширные сведения о национальной маркированности мировидения могут быть получены в результате исследования паремиологического фонда одного языка на фоне массива единиц другого языка.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, ОТРАЖАЕМЫХ РУССКИМИ И КИТАЙСКИМИ ПОСЛОВИЦАМИ С КОМПОНЕНТАМИ–НАЗВАНИЯМИ ИНСТРУМЕНТОВ

Как показывает собранный нами материал, в анализируемых паремиях говорящие высказывают идеи относительно инструментов, связывая их с несколькими основными аспектами. Так, первый аспект составляет указание на зависимость результата труда от наличия или отсутствия соответствующего инструмента и его надлежащего качества. Вторым важным условием получения хороших результатов являются навык, мастерство работника, связанное с применением инструментов, и его усердие. Обстоятельства и условия использования инструментов во многом влияют на качество конечного продукта труда и своевременность его получения. При этом обнаруживаются как изречения, исключительно в прямом смысле указывающие на закономерное соответствие процесса того или иного вида крестьянского труда его результату. С другой стороны, выявленная на уровне прямого смысла закономерность может проецироваться на широкий круг явлений из иных жизненных сфер. Так, выражение *С косой в руках погоды не ждать* может касаться труда косаря, для которого важно не упустить в ожидании хорошей погоды нужное время косьбы. Но оно также служит рекомендацией приступать к делу, не выжидая лучших условий, если все уже готово для осуществления практически любой деятельности. Двуплановость ПЕ отмечается и в китайской паремике, как, например, в изречении *一锹挖不成水井, 一天盖不成罗马城* – букв. «Невозможно одним взмахом лопаты вырыть колодец; невозможно построить Рим за один день», в переносном смысле констатирующем невозможность быстро и без усилий добиться успеха, поэтому следует постепенно и планомерно двигаться к цели не только в рытье колодца, но и в любом другом деле (ср. рус. *Москва не сразу строилась*).

Пословицы в данном разделе анализируются поэтапно: последовательно рассматриваются русские и китайские паремии с компонентами–названиями инструментов, которые содержат общие (близкие) установки культуры, затем

приводятся стереотипные представления, выражаемые только русскими пословицами или только китайскими изречениями.

Обратимся к стереотипным представлениям, выражаемым русскими и китайскими поговорками с компонентами–названиями инструментов.

2.1. Стереотипные представления о наличии и качестве инструментов как залого осуществления работы и ее эффективности

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2022б, Лю Юэ 2022г, Лю Юэ 2023].

Успешность деятельности определяется оснащением (оснасткой), включающим инструменты и приспособления. Не случайно в толкованиях номинаций действий людей определенных профессий нередко упоминаются различные виды инструментов, применяемых в данной сфере. Например, если речь идет о столярно–плотницких работах, то для них важны такие инструменты, как *топор, долото, молоток, рубанок, клещи* и др. Об этом говорят и поговорки, в которых названия конкретных инструментов отсутствуют, но имеется компонент, являющийся обобщенным названием приспособлений для работы (ср. *плотницкая снасть*) – как, например, в ПЕ *У кого больно чист инструмент, тот плохой мастер (работник)*. Так, в пословицах в шуточной форме подчеркивается, что даже примитивных действий без соответствующего инструмента не совершить (*Без снасти только блох ловить; Без снасти и виши не поймаешь*), не говоря уже о реальной работе: *Без снаряда и лаптя не сплетишь* – хотя плетение лаптей также требует известной сноровки.

В китайском языке также немало пословиц и поговорок, вербализующих стереотипные представления о зависимости успешной деятельности от наличия инструмента или приспособления. Ср.: 无梭难织布, 无针难绣花 – «Трудно вязать без челнока, трудно вышивать без иглы»; 手中无网看鱼跳 – «Без рыболовной сети только беспомощно смотреть (на рыбу)»; 农具齐全, 干活周全 – «Если сельскохозяйственные орудия в комплекте, то работа может быть выполнена безупречно», т.е. хорошая подготовка и нужный арсенал инструментов

очень помогает делу.

2.1.1. Лингвокультурная установка «Человек, владеющий ремеслом, не может обходиться без надлежащего инструмента»

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2023а, Лю Юэ 2023б].

Итак, паремии утверждают, что залогом осуществления работы является инструмент. Без инструмента нет ремесленника, владеющего профессией: инструмент ему жизненно необходим, и умение им пользоваться нередко полагается само собой разумеющимся: *Без топора не плотник, без иглы не портной; У молодца – не без долотца*. Необходим топор и лесорубу: *Без топора по дрова не ходят* и др. И хотя не все орудия, применяемые профессионалами при выполнении работ, выступают в роли компонентов пословиц, в них представлен достаточно широкий набор инструментов, которые использовались в традиционных ремесленных работах и получили широкое хождение в народных изречениях о труде, лени, ремеслах, мастерстве и неумении. Ср.: *Без клещей кузнец что без рук; Бескосый – не косец; Без косы сена не накосишь*.

Наиболее часто здесь упоминаются инструменты столяра и плотника – в первую очередь *топор*: *Плотник без топора, что изба без угла; Веру соблюдают постом, а трудятся топором*. О топоре говорится как о жизненно важном инструменте: *Кабы Бог не дал топора, так бы топиться давно пора*. Он нужен в любом хозяйстве – с ним человек не пропадет: *Топор всему делу голова; С топором весь свет пройдешь*. При этом подчеркивается, что инструменты, способные рубить, могут быть разными, но именно топор предназначен для этого наилучшим образом: *Не все топор, что рубит*.

О важности топора как одного из наиболее важных инструментов при работе с деревом (древесиной) свидетельствуют и такие китайские изречения: 匪斧不克, 匪媒不得 – «Без топора нельзя срубить дерево, без свата нельзя обвенчаться»; 伐木必用斧, 引线必用针 – букв. «Для рубки дерева нужен топор, чтобы вдеть нитку в иголку, нужна игла».

Важность для столяра инструмента для обработки дерева подчеркивается с помощью традиционной клишированной формы *отец родной* (ср. также *мать родная*): *Клеёк да рубанок столяру отцы родные*. Ср. ПЕ *Нож в дороге товарищ*.

Тяжелый труд земледельца также невозможен без орудий – *бороны, сохи, плуга*: *Крестьянин не языком работает, а плугом; Без сохи – не пахарь, без молотка – не кузнец*. Здесь находим традиционную для паремий клишированную формулу, указывающую на связь труженика и его орудия: *Плуг – хлебопашцу верный друг*. В ПЕ *Промеж сохи да бороны не схоронишься; Меж сохой да меж бороной не ухоронишься* указывается, по свидетельству М.И. Михельсона, на то, что «мужик одной лишь пашней без промысла не обойдется» [Михельсон 1997.2: 137]; здесь названы два основных необходимых орудия для работы на земле.

Молот и молоток – основные инструменты для работы с металлом (железом) и характеризуют в первую очередь труд кузнеца: *Вскипело б железо, а молотки сыщутся; Тяжело молоту, тяжело и наковальне; Золото не в золото, не побыв под молотом*. Ср. также и ПЕ, указывающую на взаимосвязь молотка и железа, но с иной семантикой – она характеризует возможности богатого человека: *Золотой молоток и железные ворота прокует (двери отворяет)*.

Встречаются в ПЕ и другие орудия труда, указывающие на характер действия, совершаемого с их помощью, или профессию деятеля: *Был бы ловец ('охотник'), а ружье будет; Не все те повара, у кого ножи долгие* – в данном выражении содержится намек на разбойников, также вооруженных ножами.

Паремии расставляют и некоторые акценты в важности наличия тех или иных инструментов и их частей. Ср. ПЕ, указывающие на большие потери, случающиеся в погоне за малым и незначительным: *Погонишься за шилом – топор потеряешь; Погнался за топорщиком, а топор утопил*; ср. также фразеологизм *сменит шило на мыло*.

В китайской паремике идея необходимости иметь для выполнения определенной работы положенный инструмент реализуется, во-первых, с упоминанием людей определенных профессий, которые им пользуются: 没有不带

锯的木工, 没有不带刀枪的士兵 – *«Нет плотников без пил, нет солдат без ружей»*); 木匠的斧子、厨子的刀摸不得 – букв. *«Топор столяру, нож повару»*, поскольку без них нет ни столяра, ни повара; 落雨天的伞, 木匠师傅的锤 – букв. *«Как зонт в дождливые дни, так и молоток для мастера–плотника»*. Не менее часто эта идея выражается в общем виде, т.е. без компонентов, называющих людей отдельных профессий (кузнеца, столяра, лесоруба и проч.). Ср. ПЕ с типичной для китайских устойчивых выражений двухчастной структурой, позволяющей сопоставить явления конкретные и абстрактные: 没有铁锹挖洞难, 没有志气进取难 — *«Без лопаты трудно вырыть яму, без честолюбия (амбиций) трудно добиться успеха»*, где первая часть создает понятную носителям языка образную основу для вывода установки во второй части.

Пословица 七分家什, 三分行家 гласит, что *«возможность сделать что–то быстро и качественно на треть зависит от умения человека (квалификации работника), а на две трети от качества инструментов»*. Другими словами, при наличии инструмента на ту же работу будет затрачено существенно меньше усилий. Несколько иная пропорция представлена в ПЕ, также акцентирующей приоритет инструмента против мастерства: 三分手艺, 七分家伙 – букв. *«Три очка за мастерство, семь очков за инструменты»*.

Выражение 打铁先得锤子 касается кузнечного дела, работы с металлом: букв. *«Сначала сделай молоток, прежде чем ковать железо»*, т.е. кузнец в своей деятельности обойтись без молота (молотка) – основного своего инструмента. Сочетание металла и молота (молотка) легло в основу многих китайских ПЕ: 打铁还得锤子硬 – букв. *«Чтобы изготовить железо, необходимо, чтобы молоток в вашей руке был прочным»*; 好铁靠千锤, 好钢靠火炼 – букв. *«Хорошее железо зависит от тысячи молотов, хорошая сталь очищается огнем»*.

В ПЕ не случайно подчеркивается связь между ремеслом, т.е. сферой деятельности, и соответствующим им инструментом: *кузнец – молот, плотник – топор, столяр – рубанок, землепашец – соха, борона* и др. Аналогичным образом

сочетаются наименования инструментов и выполняемых с их помощью действий; ср.: *Коси, коса, пока роса*; кит. 树要锯开看, 人要行动看 – «Дерево нужно распилить пилой, чтобы увидеть, насколько оно деревянное, а человека можно оценить по его поступкам» со значением ‘Не следует полагаться на поверхностные наблюдения и воображение’.

В двух китайских ПЕ – 木不刨不光, 人不学不明 – «Без рубанка гладко дерево не остругать, а человек, если не учится, не будет понимать (не станет понятливым)» и 绳缺长度难打井水, 人无远志难成大事 – «Трудно черпать колодезную воду в отсутствие веревки, и человеку трудно добиться большого успеха без амбиций» – ситуация отсутствия инструмента и вытекающих из этого последствий проецируется на другие жизненные сферы, для которых подобная связь также является актуальной. Такое построение изречений весьма типично для китайской паремиики.

Китайские ПЕ говорят, что **даже умелый мастер не может обойтись без инструментов**: 能工无梭难织布, 巧匠无钻难雕花 – «Умелому мастеру трудно ткать без челнока, а умелому мастеру трудно вырезать узоры без ручного сверла». Продолжая эту мысль, китайская паремия утверждает, что даже небольшой по размеру инструмент в руках труженика позволяет достигнуть нужного результата: 小木头烧得起大火, 小斧头砍得倒大树 – «Даже маленький кусочек дерева может разжечь большой костер, а маленький топор может срубить большое дерево».

2.1.2. Лингвокультурная установка «Результативность труда зависит от наличия в арсенале работника качественного инструмента»

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2023а].

В русских и китайских пословицах получило отражение стереотипное представление о том, что успешное выполнение работы определяется качеством инструмента, его пригодностью: *Хочешь сделать работу хорошо – сначала наточи инструменты; Топор острее, так и дело спорее, где спорый* – ‘О работе,

деятельности: быстрый и успешный'. Инструмент должен иметь надлежащую форму и пригодность к эффективному выполнению работы – здесь преимущественно подчеркивается необходимость остроты орудия: в паремии *На острую косу много сенокосу* говорится о том, что острой косой можно охватить бóльший объем работ. На готовность инструмента и его хозяина к осуществлению работы указывается и в ПЕ *Жатва поспела, и серп изострен*. В ПЕ *Не коса косит, а косок* акцентируется, как именно часть косы должна быть особенно острой; *коском* называют лезвие косы, ее режущую и натачиваемую часть. Пословица *После поры не точат топоры* указывает на важность не только остроты топора, но и своевременности его заточки. В пословице *Остер топор, да и сук зубаст* приведены достойные «противники», однако косвенно здесь указано на то, что справиться с «зубастым суком» под силу только острому топору.

К острым инструментам относится инструмент для прокалывания чего–либо – *шило*. На это его качество указывают как паремии, говорящие о профессиональном ремесле – *Пчела что сапожник: шило на воск всегда с собой носит; Погонишься за шилом – топор потеряешь*, так и выражения, в которых акцентируется острота кончика шила (*На шило кулаком не замахивайся* и распространенное в русской речи *Шила в мешке не утаишь Шилом горох хлебает, да и то отряхивает* – ‘о скупом человеке’) и в силу этого его непригодность для выполнения некоторых действий (*Летом молоко весёлкой едят, а зимой шилом – ‘летом молока много, а зимой мало’; Шилом моря не нагреешь* и др.

Китайская пословица 快刀斩乱麻 буквально переводится как «Спутанную коноплю острым ножом срезают», что указывает на эффективность и быстроту действия, в то время как метафорически она означает, что в сложившейся ситуации требуются быстрые и решительные действия (ср. *разрубить Гордиев узел*). Острота важна как для ножа (人在事上练, 刀在石上磨 – «Человек практикуется в деле, а нож затачивают на камне»), так и для топора: 赶马鞭子要长, 砍树斧子要快 – букв. «Кнут должен быть длинным, чтобы управлять лошадей и погонять ее, а топор должен быть острым, чтобы рубить деревья».

Интересно, что в ПЕ 利斧可断坚木, 闲言能伤人心 – «*Острый топор может срубить твердое (прочное) дерево, но случайные обмолвки могут разбить сердце человека*» параллельные расположенные части не согласуются по смыслу – скорее противоречат: то, что хорошо для топора, плохо для участвующих в беседе: ‘слово может больно ранить’ – эта идея реализуется многократно как русскими, так и китайскими ПЕ.

К свойствам инструмента предъявляются определенные требования. Ср.: 想牵烈马缰绳要长, 想砍大树斧把要长 – «*Если вы хотите вести норовистого коня, повод должен быть длинными; если вы хотите рубить большое дерево, рукоятка топора должна быть длинной*». Важной является и острота пилы, которую затачивают с помощью другого полезного инструмента – напильника: 多锉出快锯, 多做长知识 – «*Регулярно обрабатывайте зубья пилы напильником, чтобы сохранить ее остроту; Чем больше вы практикуетесь, тем больше ваши знания*».

Идея должного качества инструментов может реализоваться и без указания на их остроту, хотя для режущих инструментов это обычно главное условие их пригодности и эффективности. Ср.: 宝刀不老 – «*Хороший нож никогда не ржавеет*». Это выражение аналогично русским ПЕ, говорящим о сохранении опыта и навыка даже в пожилом возрасте: *Старый конь борозды не испортит; Старый ворон не каркнет мимо* и др.

Китайские ПЕ утверждают, что, пока инструмент остер, вам не стоит беспокоиться о трудностях, с которыми вы сталкиваетесь. Наличие добротного инструмента способствует решению многих серьезных задач. 刀快不怕脖子粗 – «*Если у вас острый нож, вам не стоит беспокоиться о твердых предметах*», что в переносном смысле указывает на возможность решения трудной проблемы при наличии хорошего навыка и качественного инструмента. Ср. также: 刀快不怕韧牛皮 – «*Острый нож не боится крепкой шкуры*». 斧快不怕木柴硬 – «*Острый топор не боится твердой древесины*»; 锯快不怕树粗 – «*Если пила острая, тогда вас не должна пугать толщина дерева*». Выражения широко используются в переносном

смысле, характеризуя правильные методы и подходы, позволяющие справиться с самыми сложными ситуациями.

Китайцы считают важным иметь надлежащий инструмент – эта идея представлена в пословицах очень широко, ср. синонимичные ПЕ 手艺好还要家伙妙, 手艺好不如家什妙; 手巧不如工具好; 人巧不如家伙妙, реализующие общее значение *«Каким бы хорошим ни было умение (навык), лучше всего иметь нужные инструменты»*, где компоненты–существительные 家伙 и 家什 обозначают инструмент, орудие труда и выступают как синонимы. Более того, ***наличие качественных инструментов может быть важнее высокого мастерства***: 好手艺不如好工具 – *«Хорошие инструменты лучше, чем хорошее мастерство»*.

Примечательно, что в обоих языках имеется упоминание тупых инструментов, которые продолжают быть полезными или же опасными. Ср. китайскую ПЕ 快锯不如钝斧 – *«Тупой топор лучше, чем острая пила»*, поскольку топор больше, чем пила, предназначен для стесывания, подравнивания, придания формы.

«Даже с тупым инструментом следует быть осторожным, он может причинить боль» – утверждают поговорки обоих языков: рус. *Тупой серп руку режет хуже острого*; кит. 钝刀子割肉, 越割越疼 – *«Тупой нож режет плоть; чем больше порез, тем больнее»*. Вероятно, менее интенсивная, не острая, но продолжительная боль может переноситься человеком хуже. В китайской культуре образ тупого ножа применяется и для характеристики стиля поведения человека: ПЕ 钝刀子割肉 – *«Тупой нож повреждает плоть»* – указывает на то, что дело начато, но по причине медлительности не может быть доведено до конца, т.е. действие оказывается безрезультатным и напрасным.

Как видим, указание на качество используемого инструмента косвенно говорит и об опыте работника, его понимании выполняемого дела и его специфики, готовности к работе и желании ее выполнить. Так, китайское выражение 没有钝斧子砍不了的树 – букв. *«Не бывает деревьев, которые нельзя разрубить; бывает тупым топор»* – часто используется в переносном смысле, как указание на тех, кто

не ищет возможностей справиться с трудностями. Нет трудностей, которые нельзя было бы преодолеть – есть нерадивые и немотивированные работники.

2.1.3. Лингвокультурная установка «Инструмент должен соответствовать виду деятельности, поставленным задачам и объему работы»

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2022в, Лю Юэ 2023б].

Использование в паремиях компонентов – названий инструментов производится в сочетании с теми глаголами, которые номинируют соответствующие действия с применением этих орудий труда: *Мал топор большое дерево рубит; Топор своего дорубится; И велика лесина, да обухом бить; Без нитки да иголки шубы не сшить; Игла не шило, сапог не шила* и др. Мы обнаруживаем эти действия и в ПЕ, которые не связаны напрямую с трудовой сферой; ср. ПЕ *Что написано пером, не вырубишь топором* – ‘о невозможности изменить, исправить написанное и ставшее известным многим’ [РПП: 105]; *Нашего горя и топоры не секут* – говорящий сокрушается о своих бедах, считая их куда более тяжкими, чем выпавшие на долю других.

Мастерам хорошо известно, какого рода действия производятся с применением каждого из инструментов – и это также закрепляется в устойчивых выражениях (*Пилить пилою – гнуться спиною*). Например, гвозди забивают молотком или обухом: *Не сам гвоздь лезет в стену, его молотком забивают. Гвоздь хорошо знает, как бьет молоток; Не винен гвоздь, что лезет в стену, – обухом колотят*. В переносном смысле эти выражения могут указывать на отсутствие свободы действий, зависимость от кого–либо более сильного или авторитетного. *Обух* – ‘выполненное из металла тупое окончание топора, противоположное острому лезвию’. Он достаточно тяжелый и прочный, что отражается во многих ПЕ, акцентирующих эти качества: *Плетью обуха не перешибешь; Отказ не обух, шишек на лбу не будет; С дураком дружись, а обух за поясом держи* – ‘Следует проявлять осторожность и иметь при себе орудие для

защиты от дурака’.

В паремике отражается и близость функций отдельных инструментов и сферы их применения. Ср. в шуточных выражениях, размещенных в словаре В.И. Даля в разделе «Толк – Бестолочь» и характеризующих человека, плохо разбирающегося в инструментах и их применении: *Не молотом, а обухом; Не цепом, а молотилом* – сопоставляются орудия для битья, забивания чего-либо, два орудия для молотьбы.

В ПЕ может и прямо указываться на то, что **нельзя произвольно выбирать инструменты**. Нож, например, не может быть в определенных сферах деятельности заменен топором: *Не почто с ножом, где топор заложен*³. Ср. иронически звучащее в ПЕ *За комаром не с топором* и *За мухой не угоняешься с обухом* несоответствие между обыденным действием и готовностью применить для этого привычный, но все же слишком серьезный – профессиональный – инструмент. Охотник не может противостоять медведю, используя вместо рогатины шило: *Шилом медведя не одолеешь*. Сапожнику, помимо иглы, обязательно нужно шило (*Игла не шило, сапог не шила; Пчела что сапожник: шило на воск всегда с собой носит*).

Звучит иронически и упоминание бороны, используемой для весенней пахоты, в связи с зимним сезоном: *Зимой с бороной, а летом в извозе* – речь идет об использовании лошади, вовлеченной весной и летом в земледельческие работы.

Близкой к названным является китайская поговорка 宰以鸡鸭, 焉用牛刀 – «резать курицу или утку ножом для убоя быков»; 拴鸡绳子拴不住大象 – «Веревкой, которой привязывают курицу, нельзя привязать слона»; 钥匙不能劈柴, 斧子不能开锁 – букв. «Нельзя нарубить дров ключом, нельзя открыть замок топором»; 镰刀不能砍大树, 斧头不能割青草 – букв. «Косой нельзя срубить дерево, топором нельзя срубить траву».

³ Об этом говорят и иные ПЕ, указывающие на принципиальные различия между двумя парами наименований: одно является полезным орудием в военном деле (*пушка, пуля, тесак*), а второе не годится для этого: *Пукля не пуля (пушка), коса не тесак; пукля – это ‘букля, локон, завиток из волос’ [Д.3: 371].*

Инструменты предназначены для четко определенных в трудовой практике действий, и их применение в других целях ошибочно: *Погнался за топорщищем, а топор утопил* – паремия сопровождается комментарием, что топором пытались ловить плавающее в воде полено для изготовления из него нового топорщища. *Топору* в ПЕ часто противопоставляются *обух* и *топорщище* – важные части топора, хотя, конечно, более важным является режущее лезвие: *Пень топорщища не боится* (ср. также: *Лес топорщища не боится* – понятно, что пень, как и любое дерево, «страшится» острого металлического топора, а не деревянного топорщища. Оно нередко подлежит замене – при одном и том же топоре.

Интересна шутливая и необычная на первый взгляд русская ПЕ *На притчу и грабли стреляют*, что указывает своей внутренней формой на выполнение граблями – сельскохозяйственным инструментом – невозможного для них действия, в то время как иносказательный смысл состоит в высмеивании говорящих, склонных приукрашивать рассказываемые истории и фантазировать.

Важным является и порядок применения тех или иных инструментов на определенных этапах трудового процесса. Так, паремия *Соха ябедница, а борона праведница* отражает последовательность работы с сохой и бороной. Если соха использовалась для грубой вспашки земли – она позволяла отваливать в сторону пласт земли, то с помощью бороны далее рыхлили и выравнивала почву, удаляя из нее сорняки и делая ее более пригодной для посевов. Т.е. после применения *сохи* можно сокрушаться о видимых на пашне огрехах, но *праведница борона* ('правильная, без пороков') эти недостатки устраняет.

Сочетание двух орудий труда, рекомендуемых для последовательного использования в земледелии, представлено в ПЕ *Тот землю уходит, кто за серпом соху водит* ('раньше пашет'); *уходить* – 'заботливо ухаживать, печься о чем-л.' (Д.4: 526). После сбора урожая с применением серпа земля подлежит основательной обработке – с использованием сохи.

В ПЕ *Жатва поспела, и серп изострен* прочно связаны период уборки урожая – преимущественно зерновых – и применяемый для этого инструмент.

Китайские ПЕ также содержат указания, на каких этапах в цикле работ и для

чего применяются отдельные орудия труда: 犁是犁路, 耙是耙路 – букв. «Плуг используется на земле, которую следует пахать плугом. Борона используется на земле, которая должна обрабатываться бороной».

Близкой к русской является китайская поговорка 谷熟用镰割 – букв. «Когда зерно (хлеб, зерновые) созреет, его можно убирать серпом», также указывающая на необходимость использования инструмента в подходящее для этого время.

Интересна и необычна по содержанию китайская ПЕ, в которой сочетаются названия трудовых действий (*пахать, мотыжить*) и соответствующих инструментов: 耕者忘其犁 – букв. «Те, кто пахут, забывают о своих плугах, а те, кто мотыжат, забывают про свои мотыги». Поговорка метафорически описывает ситуацию, когда работающие на полях забывают обо всем при виде очень красивой девушки.

Среди инструментов, входящих в китайской культуре в сельскохозяйственный инвентарь для земледельческих работ *бороны* и *плуга* занимают особое место, они упоминаются в значительном количестве поговорок, образующих в совокупности целую энциклопедию земледельца. Ср. ПЕ: 耕而不耨, 不如作暴 – букв. «Если после вспашки по земле не пройтись бороной, то это напрасное использование (траты) почвы, и ее лучше оставить»; 三耕六耙九锄田, 一季收成抵一年 – «Тремя движениями сохи пахать, шестью взмахами граблями и девятью взмахами мотыгой обрабатывать поле – тогда урожай одного сезона не уступит урожаю целого года»; 秋收打谷又犁田, 来年又是丰收年 «Во время осенней жатвы и обмолота зерна, вспахивают поле сохой, чтобы наступающий год стал еще одним урожайным годом». Из поговорок видно, что процессам правильной обработки земли с использованием орудий труда уделяется в китайской культуре большое внимание.

2.1.4. Лингвокультурная установка «Инструмент должен быть у каждого мастера собственный»

При написании данного раздела нами используются материалы ранее

опубликованной статьи [Лю Юэ 2022б, Лю Юэ 2023а].

Паремии отмечают, что инструментом нельзя пользоваться поочередно, это мешает успешной работе. Так, ПЕ *Рубить семерым, а топор один* выражает иронию, оценивая ситуацию, когда исполнители оказываются к работе не готовыми, что исключает ее продуктивность. Ср. также насмешку, выраженную в ПЕ *В лес идут, а на троих один топор берут*. Логичным поэтому представляется выражаемое паремиями неодобрение и удивление по поводу отсутствия необходимых и самых важных инструментов у профессионалов: рус. *У кузнеца нет ни ножа, ни топора* (ср. *Сапожник без сапог; У кузнеца лошадь бывает неподкованной*) и кит. 铁匠家里无菜刀 – «Отсутствует кухонный нож в доме кузнеца». В сфере женского труда также актуальна мысль о необходимости собственного орудия труда: *Чужое веретенце бери, да свое припаси*.

В свете приведенной установки **наличие или отсутствие у человека орудий труда может свидетельствовать о его материальном состоянии**: о бедности говорит, например, ПЕ *Нивка не моя, а серп чужой*. Вероятно, и рвение, проявляемое на чужой земле, также является сомнительным.

В паремике часто встречается противопоставление своего и чужого с акцентом на приоритетности своего, пусть и более простого, более дешевого, неказистого и проч.: *Свой хлеб слаще чужого калача; Свое не мыто – бело, не катано – гладко; Свой сухарь лучше чужих пирогов*. Серп в пословице *Лучше свой серп, чем рукоятка чужой сабли* воспринимается как уступающий, вероятно, по красоте рукоятке сабли, но, несомненно, видится более полезным и необходимым.

Наличие или отсутствие орудия труда и в китайских паремиях может указывать на материальные условия работника и его семьи: 田无一铧, 地无一垄 (букв. *В поле ни одного сошника, нет ни кусочка земли для посевов*; т.е. нет ни одного орудия труда, как и самой возможности сельскохозяйственного труда. 'О крайней бедности'). На бесполезность замены одного инструмента – в его отсутствие – другим, не соответствующим, указывается в китайской ПЕ 拿着铁锹当锅使 – букв. *Имея лопату, использовать ее как кастрюлю* – 'о нищенском положении кого-л.'.

На крайнюю бедность указывает отсутствие в доме пространства даже для небольшого инструмента: 无立锥之地 – букв. *Нет ни пятнышка места, даже для иголки*. Ср. также китайское изречение 木匠手里借斧子 – букв. *«Одолжить топор у плотника»* (перен. ‘О человеке, потерявшем работу, лишившемся куска хлеба’). Китайское изречение 断粮不卖磨, 断炊不卖锅 – рекомендует не расставаться с мельницей для помола зерна: *«Не продавайте своей мельницы даже без зерна, не продавайте своих горшков, даже если вам нечего в них варить»*.

Качество и наличие инструмента, как мы уже сказали, необходимо для того, чтобы сделать работу более продуктивной и получить желаемый результат, но определяющим итогом труда является сам труженик. Итоги анализа, проведенного в разделе 2.1., представлены в Таблице 2 Приложения (стр. 147).

2.2. Стереотипные представления о работнике и его деятельности с применением инструментов

Как показывают пословицы, эффективность любого труда, будь то труд земледельца, кузнеца, плотника, столяра, портного, лесозаготовителя, пряжи и т.д., и ощутимость его результатов определяется не только наличием и состоянием инструмента, но и проявлением в работе самого исполнителя – его *навыками и умением*, т.е. *уровнем владения ремеслом*, и определяемым этим *качеством выполнения действия* – скоростью, обстоятельностью и старательностью, подготовкой к трудовому процессу.

2.2.1. Стереотипные представления о важности подготовки инструментов

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2022б, Лю Юэ 2022в].

Как мы уже упоминали, готовность инструмента к работе – важный, с точки зрения носителей языка, аспект, и в этом также виден привычный к работе труженик, или, наоборот, новичок, но возможно – просто нерадивый или ленивый работник. Ср. рус. *Хочешь сделать работу — сначала наточи инструменты*, иначе

работника ждут осложнения: *Худая снасть и отдохнуть не даст. Снасть* выступает в значении – ‘Совокупность инструментов, орудий, приспособлений для какого–л. занятия ремесла. *Бондарная снасть. Плотницкая снасть*’[СРЯ.4: 163].

Хороший мастер заранее озаботится состоянием своих инструментов, поскольку, согласно ПЕ, *Не все топор, что рубит; Кривое дерево только пила исправит* – но только в том случае, если она пригодна к работе.

Под подготовкой инструментов и орудий чаще всего понимают необходимую для этого заточку. Остроты требует коса, которую специально отбивают перед началом косьбы: *Косу остря, на траву смотрят; Косу острят на траву, а меч – на главу.* В ПЕ неоднократно указывается на преимущество острого топора: *Острее топоры – толще дерева.* Острый нож – один из наиболее часто используемых в хозяйстве инструментов: *Острый нож и без мыла бреет; Которая рука крест кладет, та и нож точит* – переносный смысл касается разбойника, который, хоть и верует в Бога, способен посягнуть на жизнь человека (ср.: *От праведника до разбойника – один шаг*). Ножами пользуются и люди иных профессий – коновал и мясник: *У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко; Сам нож точит, а говорит: не бось (не бойся).* Пословицы *Нож тупой – хозяин скупой (плохой)* и *У плохого мастера плохая (тупая) пила* говорят о нерадивом хозяине, который не содержит инструменты в порядке.

Ножу полагается быть острым, даже если этот признак не вербализуется в пословицах; ср.: *Без ножа хлеба не отрежешь; Лизать нож – порезать язык; Бешеному не давай ножа в руки* – ‘острый предмет в руках такого человека опасен’. В ПЕ *Кто тонет – нож подай, и за нож ухватится* имеется в виду безвыходная ситуация, когда спасение утопающего возможно с риском порезаться острым ножом. Как видим, круг действий с использованием ножа в паремиях не очень широк (*Одним желанием чести не добьешься, а бесчестье и ножом не соскоблишь*) – в реальной действительности его применение намного шире.

Поэтому говорящие иронически отзываются о *тупом инструменте, не пригодном для работы* – и чаще всего о ноже: *Этим ножом хорошо старого на печь подсаживать; На этом ноже – хоть верхом да вскачь.* Ср. также: *Он меня*

тупым ножом режет, т.е. доставляет горе, страдания. Тупой нож в хозяйстве характеризует владельца не с лучшей стороны: *Какие ножи – такой и хозяин; Ножик туп – хозяин глуп*. Паремия *Не ножа бойся, а языка* – далеко не единственная, где язык (речь, слова) сравнивается по остроте и неприятности последствий с ножом. Способность ножа ранить (выступать в роли оружия) обыгрывается и в ПЕ, никак не связанной с процессом труда: *Слово не нож, а до ножа доводит*; ; *нож* здесь – метафора острого спора, драки.

Согласно паремиям, нож – это не только инструмент для работы, это и оружие, способное причинить вред или защитить: *За ковш, так и за нож; за чарку, так и за драку* – ‘о выпивших и начинающих задирать других, нарываться на конфликт’.

О необходимости перед работой наточить инструмент, т.е. привести его в порядок, говорят и китайские пословицы: 工欲善其事, 必先利其器 – букв. «Если мастер хочет хорошо выполнить свою работу, он сначала наточит свои инструменты»; 镰刀不快不下田 – «Не наточив серп, чтобы он хорошо резал, не сможешь работать в поле».

Требуется следить за состоянием инструментов и тщательно готовиться к работе – так говорят паремии 与其耍花招, 不如先磨刀 – «Чем хитрить и прибегать к уловкам, лучше сначала наточить свой нож». Ср. рус.: *Чем ловчить, лучше ножи точить*. В ПЕ 刀不误砍柴工 (букв. «Заточка лезвия топора не задержит рубку») реализуется представление о том, что, потратив время на заточку, вы сэкономите на времени проведения самой работы, ускорив ее.

О заточке топоров говорят и ПЕ, акцентирующие важность своевременности подобных действий: *Во время поры точи топоры; а пройдет пора, не надо и топора; После поры не точат топоры*. Эти ПЕ используются и в переносном смысле, рекомендуя своевременность совершения любых действий.

В китайских ПЕ также указывается **на бесполезность тупого инструмента**: 快刀不磨是块铁 – букв. «Нож – это просто кусок железа, если он не заточен (не остер)»; 刀子不磨快难砍柴, 孩子不教育难成才 – букв. «Трудно рубить дерево, если топор не заточен, и детям трудно пробиться, если они не получают

образования».

Интересная мысль о *существенном отличии собственных действий от помощи со стороны*, высказанная в китайском изречении 靠人磨镰刀背光, 靠人舀饭尽喝汤 – букв. «Когда другие помогают наточить косу, они часто затачивают лезвие только с одной стороны; наливая кому-то суп, чужие часто зачерпывают только жидкость, а гущу оставляют внизу». Указанные в ПЕ модели поведения способствуют формированию следующего смысла: ‘не стоит доверять другому подготовку инструмента для своей работы – этим нужно заниматься самому работнику’. Ср. русскую ПЕ, говорящую о том же, но с определенной долей самоиронии: *Дай, боже, все самому уметь, да не все самому делать!*).

Определенный стереотип связан с тем, что, помимо подготовки инструмента к трудовой деятельности, для работника важен *факт его изготовления* с соблюдением определенных технологических правил: 若不铸铁, 无法作犁 – букв. «Если железо не плавить и не заливать в форму, плуга не сделаешь»; 好铁靠千锤, 好钢靠火炼 – букв. «Хорошее железо зависит от тысячи молотов, хорошая сталь очищается огнем».

Приведенный материал свидетельствует о том, что в русской и китайской паремике нашли отражение устойчивые стереотипы о *необходимости своевременной подготовки инструмента к работе*. Помимо этого, китайцы *не доверяют посторонним* подготовку своего инструмента, тогда как в русских ПЕ подобное представление не отмечено.

2.2.2. Стереотипные представления о важности в работе навыков и мастерства

Такие русские пословицы, как *Инструмент хорошо работает в умелых руках; Не топор тешет, а плотник* и многие другие, указывают на то, что в ПЕ с использованием наименований разных инструментов вербализуется идея *важности*, в первую очередь, *самого работника и его усилий*. Это касается

труженика и сопоставляемых с ним инструментов в разных профессиональных сферах; ср. ПЕ: *Не кует железа молот, а кует кузнец; Не топор кормит мужика, а июльская работа – всякая работа с применением инструментов осуществляется человеком*. Косвенно на производителя действия указывается и в ПЕ *Не бравшись за топор, избы не срубешь*, акцентирующей взаимосвязь процесса труда с использованием топора – и его результата.

В пословице *Не игла шьет, а руки* исполнитель действия указывается через использование приема метонимии: *любая работа – дело рук мастера*. О мастерстве говорят и многие фразеологизмы: *На свои руки топора не уронит* – ‘об опытном’; *И косолоп, – да цеп из рук не валится* – ‘о прочном навыке’; *Он без снасти встреч воды поплывет* – ‘о возможности достижения желаемого даже без инструмента / орудия’.

Практически во всех пословицах за инструментом кроется тот, кто им пользуется, т.е. мастер, исполнитель того или иного действия, участник процесса – в том числе в тех ПЕ, где номинации работающих отсутствуют. Не случайно ПЕ, подчеркивающие важность отдельных орудий труда, таких, как, например, плуг и соха, нуждаются в комментариях для тех, кто не знает, кто и как ими пользуется. Ср.: *Если пахать плугом, земля станет лугом* – «Хорошее качество земли – результат применения плуга (землепашцем)». А безбедное существование крестьянской семьи, на которое в пословице *У матушки сошки золотые рожки* метафорически указывает компонент *золотые*, возможно лишь в результате усиленного труда земледельца – и лошади как тяглового средства, в ПЕ не названных. Нельзя не отметить в ПЕ *Держись за сошенку, за кривую ноженку*, рекомендующей больше внимания уделять вспашке, проявления в форме ее компонентов *сошка, сошенка* особого – ласкательного – отношения к этому важному орудью труда. Ср. также *плужок* наряду с *плуг* в ПЕ *Не ленись с плужком – будешь с пирожком*. Китайские паремии также содержат указание на зависимость хороших результатов от применения инструментов работником: 鋤地耕耘，自有收获 – букв. «Вспахивайте и рыхлите мотыгой землю, и вы соберете собственный

урожай».

Пословицы достаточно подробно освещают разные аспекты деятельности труженика, определяющие возможные результаты его работы и его оценку со стороны говорящих.

Пользоваться инструментом могут многие, но *определяющими конечный результат работы являются во многом опыт и мастерство*. Не каждый умеет пользоваться топором – так говорит ПЕ о хвастуне, у которого дерево не поддается топору, хотя это наиболее подходящий для рубки материал: *У пьяного кулаки дерево рубят, у трезвого и топор не берет*.

Выше мы уже говорили на том, что *мастерство и опыт проявляются и в соответствующей подготовке инструмента к работе*. Назовем и иные пословичные идеи, связываемые с представлениями о квалификации исполнителя работы.

Опыт и знание дела проявляются, во-первых, в правильном выборе последовательности действий с применением разных инструментов и орудий. Например, работа пилой должна опережать действия, осуществляемые топором, поэтому обратная их последовательность высмеивается: *Отрубивши, да за пилу*. Аналогично и замечание – о неправильной последовательности в применения теслы: *После рубанка теслою; тесла* – плотничье орудие, подобие топора, но с поперечным относительно ручки расположением лезвия [Д.4: 403], им пользуются перед обработкой рубанком.

В ПЕ *После ужина горчица, [что] после скобеля топором* за счет параллелизма двух близких по смыслу частей также достигается усиление акцента на ошибке в последовательности использования инструментов. *Скобель* – ‘орудие в виде ножа с ручками на концах для сдирания коры с бревен и первичного остругивания’ [СРЯ.4:112], производимого уже после обработки топором.

Во-вторых, *опыт проявляется в знании возможностей применения отдельных инструментов и закрепившихся за ними особых функций*. В ПЕ *Гвоздем (шилом) моря не нагреешь* указывается на малый размер инструмента, что мешает осуществлению действия – даже если раскаленный гвоздь поместить в воду.

Ср. также приведенную ранее ПЕ *Не почто с ножом, где топор заложен*.

О бестолковом работнике говорится в ПЕ *Зимой с бороной, а летом в извозе* – имеется в виду использование лошади в особом промысле (в перевозках грузов и людей), который кажется более практичным зимой, когда лошадь не занята в сельскохозяйственных работах. Аналогично и выражение, порицающее несообразное использование сельскохозяйственных инструментов – *С бороной по воду поехал, а цепом рыбу удит*, что может характеризовать в переносном смысле широкий спектр не соответствующих друг другу действий и способов их осуществления и человека, не имеющего опыта в каком-либо деле или просто чудака или глупца.

В-третьих, *мастера выдает знание тонкостей работы в своей области, умение использовать*, помимо основного инструмента, необходимые *приспособления*, как, например, клин, используемый в плотницких работах (*Клин плотнику товарищ*), при рубке дров (*Без клина и плахи не расколешь*) и т.д. Клин – ‘заостренный книзу и расширяющийся кверху кусок дерева или железа, употребляемый для расщепления, раскалывания чего-л.’ [СРЯ.2: 58]. Широко используется в русском языке выражение *Клин клином выбивают* – результат сокращения более полной ПЕ *Клин клином выживается, вор вором губится*. В швейном деле важным приспособлением является, например, наперсток, сохраняющий пальцы швеи: *Для того наперсток сделан, чтобы руки не наколоть*. Мастера используют отвес для проверки вертикальности возводимых стен, о чем говорится в ПЕ *На глаз надейся, а отвесом проверяй*, подчеркивающей, что даже опыта может оказаться недостаточно. Непрофессионализм отмечается паремиями и в других сферах деятельности: *Портной изгадит — утюг загладит; Иглой дороги не меряют* – о слишком длинной нити, тянущейся за иглой.

В-четвертых, признавая безусловную важность инструментов, паремии отмечают необходимость *сноровки* в их толковом применении, смекалки, поскольку *даже качественный инструмент еще не гарантирует успешного результата*. Так, в ПЕ *Топор остер, да руки туповаты* указывается на противоречие, которым можно объяснить неэффективность труда. Ср. насмешливую пословицу о неумёхе, неумелой молотбе, заканчивающейся

физическим увечьем: *Не столько намолотила, сколько цепом голову наколотила*. Казалось бы, не самая трудная задача – вытесать деревянный клин для дальнейшей работы – также требует мастерства: *Клин тесать – мастерство казать*.

Жаловаться на качество инструментов – удел непрофессионалов, не имеющих нужных навыков работы: *У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут* – неумелый работник не справляется даже с простым делом, вполне доступным другим. Ср. также китайское изречение: *技术拙劣的工人抱怨自己的工具* – «*Мастера с низкой квалификацией жалуется на свои инструменты*», т.е. неумехи ссылаются на обстоятельства и якобы объективные условия, не позволяющие им хорошо работать.

Все сказанное подводит к тому, что мастерство труженика определяется совокупностью составляющих. **Идея важности мастерства как влияющего на конечный результат работы** хорошо иллюстрируется ПЕ *Человек неученый — что топор неточеный: можно и таким дерево срубить, да трудов много*. *Неученый* – не имеющий опыта в определенной сфере деятельности, для получения прочного навыка ему требуется долгая практика. Ср. также: *Не за шило платят, за правило*, где *правило* – это инструмент «более высокого уровня», ‘линейка для проверки правильности каменной кладки’ [СРЯ.3: 352] – в отличие от сравнительно простого шила как орудия для прокалывания отверстий.

Интересна мысль, выражаемая паремиями *Вскипело б железо, а молоток сыщется; Были бы руки, а молотило дадут (найдем)*. По пословице, **труднее найти толкового работника, чем орудие труда** – ср. *Будет плуг, да не будет рук*, – поскольку, если есть желающие и способные работать, необходимый (недостающий) инструмент найдется. И наоборот: отсутствие труженика – даже при наличии орудия труда – не даст результатов. Возможно, в ПЕ имеются в виду именно умелые руки, определяющие качество работы; не зря русская ПЕ говорит, что *Дело мастера боится*.

В работе опытного мастера также возможны трудности, которые представляются говорящим вполне закономерными и даже неизбежными – так

говорит опыт прошлого: *Налетает и топор на сук; Остер топор – да и сук зубаст; Налетел острый топор да на крепкий сук*. Попадающийся в древесине сучок способен затруднить работу с ней – рубку, стесывание и т.д. Идея возникающего «конфликта» может распространяться метафорически и на иные ситуации (ср. *Нашла коса на камень*). В китайских ПЕ противостояние и резкое противоречие выражаются с использованием образов других инструментов: 针锋相对 – «*Кончик иглы к кончику иглы*», т.е. ‘Резко противоречить друг другу, конфликтовать’. Ср. также ПЕ о конфликтности (针尖对麦芒 – букв. «[Приставлять] кончик иглы к ости пшеницы») и непримиримости: 好石磨刀铁盆撞了铁扫帚 – букв. «*Железный таз бьется с железной метлой*».

Опыт и навык труженика проявляется и в его выносливости, способности работать много и в полную силу. Не случайно в паремиях осуществляется сопоставление разных видов деятельности – физического труда, требующего напряжения сил и выносливости, и иных занятий: *Перо легче сохи; Перо легче цепа* – т.е. писать легче, чем пахать или молотить.

Работа земледельца (хлебопашца, пахаря) испокон веков признавалась одной из наиболее трудоемких и изнурительных. И хотя обучиться грамоте и научиться писать – это похвально, при сопоставлении говорящими двух видов деятельности сравнение не в пользу пера. Возможно, эта ПЕ характеризует также простого труженика, критикуемого за его неграмотность. Интересно, что представления о смысле этой ПЕ могут быть разными: с одной стороны, «грамоту легче освоить, чем научиться хорошо работать сохой». Второе из возможных осмыслений – указание на то, что «грамотой много не заработаешь, в отличие от сохи»: *Грамота – не соха*. Допустимо, как нам кажется, и еще одно прочтение: *Грамотей – не пахарь*, т.е. не работник; у него нет навыка и опыта – вряд ли можно на него рассчитывать, если нужны основательные усилия.

В паремиях также указывается, что ***физическая работа тяжела, она изнуряет и приводит к утрате здоровья, увечьям***: *Пилить пилою – гнуться спиною; Серп не богатит, а горбатит*. Ср. также: *От работы не богатеют, а*

горбатеют. Интересно, что китайские ПЕ ни в процессе работы, ни в одном из инструментов не видят угрозы здоровью, скорее наоборот: 生吃萝卜喝热茶, 大夫改行拿钉耙 – букв. «Если питаться сырой репой и запивать ее горячим чаем, то врачу придется менять квалификацию, например, браться за плуг и заниматься земледелием».

Китайские пословицы вербализуют многие из прозвучавших в русских ПЕ установок. Так, профессионал хорошо разбирается в используемых инструментах, в сфере их применения и возможностях: 木匠知道到什么时候, 就用什么锤子 – «Плотник знает, когда какой молоток использовать».

Полученный трудовой навык, говорит ПЕ, помогает в других видах деятельности: овладев одним навыком или методом, работник без труда усвоит и другой (аналогичный) навык или метод; ср.: 会推磨就会推碾 – «Если вы умеете крутить мельницу, вы также можете толкать каменный каток».

Таким образом, умело и грамотно применять соответствующие инструменты, следить за ними и использовать их с максимальной пользой для достижений конкретных целей является главной заботой высокопрофессионального труженика. Итоги анализа, проведенного в разделе 2.2., представлены в Таблице 3 Приложения (стр. 151).

2.3. Стереотипные паремийные представления об отношении к выполняемой работе и результатах труда

2.3.1. Личные качества работника (трудолюбие, рвение, старание, терпение) и его отношение к трудовой деятельности

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2023а].

Важным, по свидетельству русских и китайских паремий, помимо нужных инструментов и мастерства, **является должное отношение к работе, рвение, старание, от которых зависит результат** (ср. *Глубже пахать, больше хлеба жевать*). Паремии и прямо, и косвенно поощряют трудолюбие и «горение» на

работе – ср. русские ПЕ *Терпение и труд все перетрут*. У старательного кузнеца *От молота и наковальня звенит*.

О работе в поте лица говорят многие паремии: *Пот ключом льет, а жнец свое берет*. У землепашца *Плуг от работы блестит, поле от пота родит*, т.е. поле полито потом усердного труженика. Инструменты земледельца – соха и борона – представляются самыми надежными: *Держись ближе сохи Андреевны: она не выдаст; Держись крепче сохи да бороны*.

Работа на земле может быть непрерывной, особенно в пору вспашки, посадки, уборки, молотьбы: *Богу молись, крепись да за соху держись! За сохой идти – не оглядываться* – нет времени на отдых; *Мужика не шуба греет, а цеп*.

Интересна мысль, высказанная в ПЕ *Хороший плотник – и в поле работник*: ‘привычный к труду человек работает хорошо везде – не только в своей области’.

Труд рассматривается как великая ценность, дающая труженику возможность существования и улучшения материальных условий: *Плуг – хлебопашцу верный друг* – об инструменте, незаменимом при обработке земли под посев зерновых культур; *Где пашет сошка, там хлеба крошка* – труд на земле дает возможность заработать на жизнь.

Китайские ПЕ также поощряют упорный труд и настойчивость в достижении цели: 砍柴不断不丢斧, 打鱼不着不收网 – «Если вы не умеете рубить дрова, не откладывайте топор; если вы не умеете ловить рыбу, не откладывайте сеть». Видно, что даже если инструменты вовлечены в рабочий процесс, его результат зависит от отношения самих работников к работе. Ещё пример: 本领是利刃, 勤奋是磨石 – «Способность – это острое лезвие ножа, усердие – точильный камень»; только способностей недостаточно, требуется усердие работников – так же, как нож нужно довести до остроты на точильном камне.

В русской и китайской паремике представлена одна из главных смысловых оппозиций – противопоставление труда и лени. В пословицах **позитивно оцениваются усердие и трудолюбие работника и порицаются лентяи**. Не зря ПЕ *Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто* высмеивает лодыря, якобы

способного трудиться, но не делающего этого. Аналогична и ПЕ *Он бы и рад косить, да некому косу носить*. Ср. также *Что мне соха – была бы балалайка; Работник с сошкой – лодырь с ложкой* – у труженика и бездельника принципиально различающиеся «инструменты», и др.⁴ Согласно русским ПЕ, те, кто усердно работает, над лентяями, с пренебрежением относящимся и к работе и к инструменту, посмеиваются: *Коса любит молоток, косец любит холодок* (ср. *С плохими косцами плох и укос; Где косарь гуляет, там сено пропадает*). Серьезно порицается отказ от работы лишь в тех случаях, когда речь идет о лентяе, претендующем на плоды чужого труда: *Не по работе еда. И того не намолотит, что проглотит*. Об отлынивающих от работы, которой заняты все остальные, говорят следующие ПЕ: *Один в бороне, а все в стороне; Один в соху да в борону, а другой к черту да в сторону*.

О людях, не привыкших к физическому труду, говорят и китайские ПЕ: 秀才推磨, 难为圣人 – букв.: «*Пусть сюцай⁵ попробует вращать жернов: ему будет очень трудно*» ('о белоручках, не желающих заниматься физическим трудом'). Близка к этой и ПЕ 不担担子不知重, 不走长路不知远 – буквально «Невозможно определить тяжесть нагруженного коромысла, пока не понесешь его сам», т.е. человеку, не знакомому с определенным видом работы, нелегко определить его трудоемкость и предпринимаемые другим усилия.

Очевидно и противоречие между ленью и неумением, т.е. отсутствием усилий, с одной стороны, и желанием пользоваться труда – с другой: 不能耕而欲黍粱, 不能织而喜采裳, 无事而求其功, 难矣 – буквально «*Не умеют пахать сохой, но хотят собирать урожай, не умеют ткать, но хотят носить красивую одежду*», т.е. хотят воспользоваться результатами чужого труда. В свете китайских ПЕ отношение к человеку формируется его отношением к труду: 勤劳的人, 锄头扛肩头; 懒惰的人, 酒壶别腰间 – «*Трудолюбивый человек носит свою мотыгу на*

⁴ Идея неспешности в работе, возможности отложить ее «на завтра» весьма распространена в русской паремике: *День к вечеру, а работа к завтраму; Работа не волк – в лес не убежит* и др.

⁵ Учёная степень или звание в различных системах государственной аттестации учёных в Китае.

плече; у ленивого человека висит на поясе чайник для вина».

Таким образом, в ПЕ обоих языков общим является порицание не столько нежелания работать, сколько **желания без труда получать выгоду или жизненные блага**: *Вилкой — что удочкой, а ложкой — что неводом; Чисто мои жнецы жнут, что на стол подадут.* Отметим, что к такому пороку, как лень, в русской традиции чаще относятся насмешливо и иронически.

Работе противопоставляется и праздная необременительная болтовня: *Если косить языком, спина не устанет; Работа с зубами, а леность с языком.* Здесь фигурируют наименования инструментов и названия трудовых действий – ср. ПЕ: *Врать (брехать) – не цепом махать, [спина не болит]; Брехать – не пахать, брехнул да отдохнул; Брехать – не топором махать, брехнул – да и отдохнул,* – что позволяет указать на несравнимость затрачиваемых усилий и выразить неодобрение болтуну.

При этом в пословицах может вербализоваться **рекомендация не расставаться с орудиями труда**, прямо указывающая или косвенно намекающая на несомненную пользу, но без ее конкретизации, например: *За лопату держись –охранишь жизнь; Подержись за мотовило, подержись за молотило, а дудка (веселье) сама придет; дудка – вероятно, символизирует и возможность отдыха, и радость от выполненной работы.*

2.3.2. Зависимость результатов труда от личных качеств работника

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2023а].

Одним из наиболее важных мотивов, реализуемых в паремике, это представление о том, что **работник, используя инструменты, зарабатывает себе и своей семье на жизнь** – на еду, одежду и прочее необходимое. Иначе говоря, усердный труд с применением орудий и инструментов дает необходимый для поддержания жизни результат – и это наиболее значимая лингвокультурная установка, отражаемая ПЕ с компонентами – названиями инструментов: *Топор – <плотнику> кормилец; Плуг кормит, а лук портит; Соха кормит, веретено*

одевает, [а подати на стороне]; *Соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят*. Труд в любой форме идет на благо семьи: *Соха кормит, ремесло поит, промыслы одевают, обувают*), однако общая установка «инструмент – кормилец» реализуется преимущественно с использованием образов топора и сельскохозяйственных орудий: *Держись за соху: она – кормилица; Плуг кормит, а сорняк портит; Держись сохи (плуга) плотнее, так будет прибыльнее*.

Гарантом получаемого заработка, дохода служит и применение работником других инструментов. В ПЕ *Топор одевает, топор обувает; Топор обувает, топорщиком подпоясывается* компонент *топор* выступает в метонимической функции, указывая на мастера, умеющего обращаться с топором и обеспечивающего свою семью. В таком же значении выступают ПЕ, трактующие пользу женского труда: *Гребень (Прялка) не бог, а рубаху дает; Веретеном оденусь, сохой укроюсь; Иглою да бороной деревня стоит* – ‘не только труд на земле дает доход’. О способности жернова, используемого для помола муки, кормить людей говорит и ПЕ *Жернова сами не едят, а людей кормят*, хотя здесь допустима несколько иная трактовка: с помощью жернова не зарабатывается на жизнь, а превращается из малосъедобного зерна в муку для выпечки хлеба.

К этой ПЕ близко китайское изречение 犁鋤不離手，吃穿样样有 – «*Плуг и мотыга не покидают ваших рук – у вас есть что есть и что носить*» – следовательно, вы ни от кого не зависите. Паремия *Не топор кормит, а работа*, однако, подчеркивает, что не сам инструмент обеспечивает человека средствами к существованию, а его труд.

Эта идея вербализуется и в ПЕ, характеризующих труд хлебороба: *В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой* – за счет сопоставления двух разрядов инструментов – сельскохозяйственных и столовых – реализуется причинно–следственная связь между трудом и результатом; метонимически названия столовых приборов указывают на наличие еды. Нельзя здесь не упомянуть и ПЕ *Один с сошкой, а семеро с ложкой*, указывающую на несоответствие количества работников и нахлебников и косвенно порицающую лентяев.

В ПЕ *Ни ножа, ни топора, ни помолиться, ни зарезаться* показана критичность ситуации, когда отсутствие инструмента и возможности заработать становится угрозой для жизни, хотя сама ситуация не обязательно определяется личными качествами работника.

Пословицы показывают, что **вознаграждением за труд (результатом труда) является достойный урожай, хлеб**: *Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится; Без сохи и бороны и царь хлеб не найдет; Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах.*

В паремиях вербализуются и представления о нерадивых или недостаточно умелых работниках, не получающих, что закономерно, хороших результатов: *Кто ленив с сохой, у того и хлеб плохой; Кто ленив за сохой, тому весь год плохой.*

Отразился в ПЕ и отказ от работы на земле – в пользу других промыслов и поисков заработка в иных местах: *Тебе соха да борона, а мне чужая сторона; Бросил соху, бороны, да любиму сторону – пошел в люди.*

Необычна на фоне других ПЕ поговорка *Волынка да гудок, собери наш домок; соха да борона разорили наши дома*, в которой сохе и бороны отводится совсем иная функция. Горький смысл ПЕ в том, что, несмотря на упорный и тяжелый труд на земле, русский крестьянин вполне мог оказаться в бедственном положении.

Интересно, что китайские поговорки не делают акцента на лентяях и нежелании работать – в них просто подчеркивается результативность прямо противоположного подхода: **трудолюбие**, и ничто иное, **является залогом высоких результатов труда**: 锄头里出黄金 – «Золото рождается из-под мотыги», золото выступает как метафора обильного урожая, полученного в результате усиленного труда с применением мотыги; 三铲三耩, 粮食满仓 – букв. «Много раз землю разравнивать лопатой и много раз пройти по ней бороной – амбар будет полон зерна»; 锄头落土不亏人 – «Трудолюбивый человек усердно работает мотыгой, и земля вознаградит его обильным урожаем, избавит его от голода»; 稻子出在犁头上, 勤耕深耕长得壮 – букв. «Рис растет на лемехе плуга, старательное и глубокое рыхление почвы обеспечит хороший рост посевов»: плодотворна та работа, когда

труженик не жалеет сил.

Идея о связи умелого применения орудий труда и создания хороших материальных условий реализуется в китайской паремике и с использованием компонентов–названий других инструментов: 拿斧的得柴禾, 张网的得鱼虾 – букв. *«Тот, кто берет топор, получает дрова, тот, кто пользуется сетью, получает рыбу и креветки»*. Очень выразительна паремия о работе прялкой, обеспечивающей семью доходом: 纺车就是摇钱树, 天天摇着自然富 – *«Прялка – как денежное дерево: если трясти ее каждый день, то с нее будут сыпаться деньги»*.

Китайская поговорка гласит, что не используемые орудия труда не могут служить источником материальных благ: 镰刀挂上壁, 家里没有吃 – *«Серп висит на стене, еды в доме нет»*.

Важным в китайской культуре является коромысло – его часто использовали земледельцы и торговцы для транспортировки продуктов и товаров. Таким образом, коромысло как привычное и полезное приспособление получило положительное освещение в ПЕ 扁担是条龙, 一世吃不穷 – *«Коромысло – это сокровище, полагаться на него всю жизнь – не быть бедным»*.

Одним из представлений, отражаемых китайскими паремиями, является мысль **о необходимости самому выполнять работу, а не перекладывать ее на других**: 打铁要亲自把钳, 种田要亲自下地 – *«Чтобы ковать по железу, нужно самому крепко держать клещи; чтобы обрабатывать землю, надо самому пахать землю»*.

В китайских ПЕ отразилось и представление о необходимости терпения при выполнении некоторых видов работ: 拉锯如抓痒 – букв. *«Когда пилите пилой, не дергайтесь, как будто расчесываете зудящее место»*; т.е. не следует спешить или демонстрировать нетерпение (из опыта плотника); 一锤打不出好刀, 一木搭不成好桥 – букв. *«Нельзя выковать хороший нож одним взмахом молота, нельзя построить хороший мост из одного куска дерева»*, т.е. идти к результату нужно постепенно. Итоги анализа, проведенного в разделе 2.1., представлены в Таблице 4 Приложения (стр. 151).

2.4. Стереотипные представления об условиях осуществления деятельности с применением инструментов

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2022г].

Учет сопутствующих условий касается в первую очередь тех видов деятельности, которые входят в цикл сельскохозяйственных работ: *результаты труда крестьянина*, пусть и трудолюбивого, проявляющего рвение и владеющего необходимыми орудиями труда, *зависят* во многом *от погодных условий и времени проведения определенных работ* – об этом говорят многие русские пословицы: *Коси коса, пока роса, роса долой – и мы домой*.

В ПЕ *Не топор кормит мужика, а июльская работа* подчеркивается важность именно земледельческих работ, обеспечивающих крестьянскую семью урожаем, хлебом. Июль и лето в целом – это горячая пора, на которую приходится основная работа на земле, в то время как топор, символизирующих иные вид работ – в частности, плотницких, применим и в любое другое время года.

Своевременность проведения полевых работ отражена в русской ПЕ с инструментальным компонентом: *Спелому колосу – серп удалой, девице красной – жених удалой*. Отметим, что данная паремия указывает на еще одну важную особенность жизни крестьянина – окончание работ по уборке урожая традиционно знаменовалось на селе большим количеством осенних свадеб.

В китайской паремике также отразилось представление о *важности жатвы*, которую нельзя сместить на желательное для исполнителей время. Поэтому *в ней участвуют все – от мала до велика*: 麦收无大小, 一人一镰刀 – букв.: «Когда приходит время убирать пшеницу, у взрослых и детей – у каждого в руках своя коса, независимо от величины урожая пшеницы». Уборка урожая – будь то хорошего или плохого – общее дело. Ср. русские ПЕ *Во время жатвы каждый человек в строю; Пока зерно в колоске, не засиживайся в холодке*.

О *пользе совместного труда* в различных сферах трудовой деятельности говорят и другие ПЕ. Ср. рус. *У дружных соседей и сохи свились вместе*; также

кит.: 你一镰刀, 我一斧 – букв. «Ты взмахнул косой, а я топором», т.е. немного усилий со стороны каждого – и результат достигнут; 千斤担子万人挑 – букв. «Коромысло весом в тысячу фунтов должны нести десять тысяч человек». Примечательно, что в обеих культурах идея **положительного влияния на труд совместных усилий** опирается на инструментальный компонент. Пословицы отмечают ценность такого сотрудничества не только в земледелии, но и в других сферах трудовой деятельности.

2.4.1. Стереотипные представления о важности соблюдения календаря работ

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2023а].

Поскольку с древних времен земледелие было основным занятием русского народа, его многовековой опыт в этой сфере деятельности отразился в многочисленных ПЕ. Зимой и ранней весной крестьяне готовились к вспашке и севу и при этом наблюдали за природой, чтобы определить, каким обещает быть год и какая предвидится погода. Своевременность проведения отдельных видов работ – во многом залог хороших результатов, доброго урожая, поскольку труд земледельца сезонный и не в последнюю очередь зависит от природы и погодных условий и во многом ими определяется. Ср.: *Весною оглобля за ночь травой зарастает* т.е., если лениться, то любой инструмент быстро придет в негодность; *В сентябре мужика не изба греет, а цеп* (о молотье зерна); *Декабрь мостит мосты без топора, без гвоздей, без досок*, т.е. реки покрываются льдом, телеги сменяются санями – это стереотипное представление о зиме важно, поскольку в отсутствие хороших дорог замерзшее русло реки в старину считалось удобным и безопасным транспортным путем.

Последним фактором объясняется наличие в языке значительного количества фольклорных единиц, составляющих «народный календарь» и отражающих обобщенные носителями языка законы природы и отдельные закономерности: *Через 6 недель после первого снега с морозом становится зима;*

Зима без трех подзимков не живет; В день Благовещения и Светлого Христова Воскресения бывает одинаковая погода (весна); В августе до обеда – лето, а после обеда – осень; В октябре на одном часу и дождь и снег и др.

Отразились в паремике и приметы, фиксирующие результаты народных наблюдений – связи причинно–следственного характера между наличием определенных условий и последующими явлениями или событиями: *приметы* – это ‘сохраняющиеся в народе и передаваемые из поколения в поколение различные признаки, указывающие на предстоящие явления погоды’ [СРЯ.3: 423]. Это «речевые сентенции прагматического свойства», имеющие ряд коммуникативных функций и специфическое построение [Путина 2022: 5]. Например: *Если пчелы рано закупориваются, то будет ранняя и строгая зима, и наоборот: когда они заводят в другой раз детку, то будет продолжительная и теплая осень.*⁶ Некоторые из паремий указывают именно на время земледельческого труда: *Как в мае дождь, так и будет рожь; Весна красная, а лето страдное; Июль – месяц ягод, зеленая страда; страда* – ‘напряженная летняя работа на полях (в период косьбы, жатвы, уборки хлеба), а также время, пора такой работы’ [СРЯ.4: 280]. Здесь немало важных для крестьянина установок, указывающих на время, отведенное под конкретные работы (*Июнь – время длинных трав и сенокосов; Кто в августе спит, тот голодный будет ходить*). В отношении осени говорится, что это пора, когда все виды работ заканчиваются: *В сентябре огонь и в поле, и в избе; Октябрь ни колеса, ни полоза не любит.*

В результате длительных наблюдений сформировалось стереотипное представление о том, что, ***занимаясь земледелием, следует помнить об определенных календарных вехах и наблюдать за природой.*** Не случайно В.И. Даль в собрании «Пословицы русского народа» отводит под приметы специальный раздел, где обнаруживаются и паремии с компонентами – названиями используемых в определенное время сельскохозяйственных инструментов: *Июнь с*

⁶ [Даль 2017: 33]. См. также специальный раздел – «Месяцеслов» в собрании «Пословицы русского народа» в котором отдельные периоды и дни года фигурируют в связи с необходимостью проведения определенных земледельческих работ.

косой по лугам прошёл, а июль с зерном по хлебам побежал; В августе серпы греют, вода холодит. Следует, однако, заметить, что на более чем 50 страницах «месяцеслова» [Даль 1879. Т. 2. С. 488–534], встречается лишь несколько пословиц и примет, регламентирующих время проведения крестьянских работ и содержащих компонент–название инструмента. Вероятно, это объясняется тем, что инструмент здесь играет не столь важную роль, как временной параметр. В этом специальном разделе собрания паремий В.И. Даль приводит выражения, отражающие ежедневную крестьянскую трудовую деятельность, – в соответствии с датами православных христианских праздников и днями памяти православных святых: *На которой траве **коса** переломится в Иванову ночь⁷, та и разрыв–трава, Доставай (ладь) **косы и серпы** к Петрову⁸ дню; На Егорья⁹ выезжает ленивая соха. Егорий ленивая сошка* – т.е. ‘еще нет спешки со вспашкой земли под посевы’.

Отмечены у В.И. Даля и некоторые ритуалы: после окончания полевых работ, в первый *Спас*¹⁰ женщины, готовясь к зимним домашним работам приговаривают (катаясь по ниве): *Жнивка, жнивка, отдай мою силку: **на пест, на колотило, на молотило, на кривое веретено***¹¹. Содержатся в паремиях и запреты на проведение некоторых работ: *На Предтечу¹² не рубят капусты, не срезавают мака, не копают картофеля, не рвут яблок, не берут в руки **косаря, топора, заступа.***

Китайские крестьяне также накопили опыт понимания законов природы и трактовки времен года. Однако здесь важно помнить, что климатические условия Китая и средней полосы России существенно отличаются: в некоторых регионах Китая можно снимать не один, а несколько урожаев в течение года.

В традиционной китайской культуре сельскохозяйственный год делится на 24 периода, каждый из которых отнесен к определённому месяцу по лунному

⁷ Рождество Иоанна Предтечи, 7 июля (24 июня по старому стилю).

⁸ Святых апостолов Петра и Павла, 12 июля (29 июня по старому стилю).

⁹ День памяти Св. Георгия Победоносца, 7 мая (23 апреля по старому стилю).

¹⁰ Празднество Всемиловитовому Спасу и Пресвятой Богородице, 14 августа (1 августа по старому стилю).

¹¹ [Даль 2017].

¹² 11 сентября (9 августа по старому стилю). Усекновение главы Иоанна Предтечи.

календарю.¹³ Это отражается и в паремике: мудрые народные наставления, указывающие на важность правильного выбора времени для проведения конкретных сельскохозяйственных работ, содержатся в очень многих изречениях. Например: 到了夏至节, 锄头不能停 – букв. «В период летнего солнцестояния (21–22 июня) следует обрабатывать землю мотыгой непрерывно».

Каждому инструменту отведено в цикле работ свое время – на это указывает ПЕ 春耕在锄, 秋获在镰 – букв. «Заслуга весенней вспашки принадлежит мотыге, а успех осенней жатвы определяется серпом». В переносном значении ПЕ может служить указанием на важность в деле ключевой позиции – основного орудия труда. 春来一把籽, 秋来一把镰 – букв. «Весной сеют семена; когда наступает осень, серпом собирают урожай». Урожай соберет тот, кто усердно работает на всех этапах трудового процесса.

В ПЕ 麦凭耕得深, 秋凭锄得勤 – букв. «Под посадку пшеницы полагается глубокая вспашка плугом, осенью полагается усердно рыхлить мотыгой» – ключевыми словами являются компоненты, выражающие отношение к проводимым работам: глубокая вспашка и усердное использование мотыги – такой подход гарантирует результат. 麦子下镰, 早秋锄完 – букв. «Пшеницу убирают серпом, а окучивание заканчивают ранней осенью [после уборки пшеницы]».

Упоминания рабочих инструментов земледельца мы находим и в выражениях, характеризующих работы, рекомендуемые в определенные интервалы по лунному календарю. Наиболее важны для земледельца весенние месяцы – от них больше всего зависит будущий урожай: 小满暖洋洋, 锄麦种杂粮 – «Когда наступает сяомань («молочная спелость», с 21–22 мая), климат теплый и благоприятный, обрабатывают мотыгой пшеницу и выращивают различные зерновые». Ср. также: 春犁宜浅, 秋犁宜深 – букв. «Весной вспашка сохой должна быть мелкой, а осенью

¹³ Это такие периоды, как 白露 (белые росы – один из 24-х периодов года с 8–9 сентября), 寒露 (холодные росы, с 8–9 октября), 腊月 (12-й месяц по лунному календарю), 秋分 (осеннее равноденствие, с 23–24 сентября, отнесён ко второй половине 8-го лунного месяца), 立秋 (начало осени, с 8–9 августа, отнесён к первой половине 7-го лунного месяца), 处暑 (конец жары, с 22–24 августа), 立夏 (начало лета, с 6–7 мая, отнесён к первой половине 4-го лунного месяца), 小满 (молочная спелость, с 21–22 мая, соотносится с серединой 4-го лунного месяца), и т.д.

глубокой».

Отражением опыта земледельцев, из года в год возделывающих землю, являются и ПЕ, содержащие рекомендации относительно сроков уборки урожая: 立秋忙打甸, 处暑动刀镰 – «Начало осени (с 8–9 августа) занято заготовкой травы для скота на зиму, а в конце жары (с 22–24 августа) взмахами серпа собирают урожай яровой пшеницы». 秋收打谷又犁田, 来年又是丰收年 – букв.: «Во время осенней жатвы обмолачивают зерно, а поле перепахивают сохой, чтобы следующий год стал еще одним урожайным годом».

Если время для работы выбрано верно, то и инструмент работает должным образом. Так, хорошо наточенный серп издает при скашивании травы чистый и звонкий звук: 白露镰刀响, 秋分砍高粱 – «Во время «белых рос» (8–9 сентября) серп [во время работы] звенит, а в осеннее равноденствие (23–24 сентября) положено срезать серпом сорго». В представлениях китайцев осень с ее холодными росами – самое подходящее время для снятия урожая: 秋风镰刀响, 寒露割高粱 – «Когда осенью серп звенит на осеннем ветру и росы холодные (примерно с 8–9 октября), тогда серпом пожинается урожай».

Отметим также вербализованные в китайских поговорках связи, установленные эмпирическим путем между созреванием отдельных видов плодов и временем проведения определенных работ, например: 锄花要趁黄梅信, 锄头落地长三寸 – букв. «Рыхлить мотыгой хлопковые поля нужно во время сезона созревания слив, тогда всходы хлопка будут расти очень быстро». 枣儿红肚, 磨镰割谷 – букв. «Когда финики начинают краснеть, пора начинать точить косу, чтобы косить зерновые». В русском календаре, как мы уже отметили, называют точную дату для подготовки инструментов к таким работам: это нужно сделать к 12 июля, ко дню памяти первоверховных апостолов Петра и Павла). Отметим, что фазы луны отмечает и русский народный календарь, однако такие ПЕ в большинстве случаев являются приметами или суевериями, а не руководством к началу и проведению работ (ср.: В новолуние сеять – червь поест).

Период, когда работы по уборке урожая закончены, также получает отражение в паремиях: 冬前锄划好处多 – букв. «Под зиму обрабатывать землю мотыгой очень полезно» – это делает почву рыхлой и облегчает в будущем укоренение пшеницы. 立罢秋, 挂锄钩, 消消停停等秋收 – букв. «С наступлением осени нет необходимости ухаживать за посевами: мотыги можно убрать и ждать отправки урожая на хранение»; 秋后棉花锄三遍, 絮厚绒白粒饱满 – «Поздней осенью следует трижды прорыхлить землю мотыгой, тогда следующей весной хлопок вырастет густым и плотным».

Китайская пословица 腊月里的镰刀闲挂 – «Коса спокойно висит на стене в 12-м месяце по лунному календарю» указывает на то, что в холодные зимние месяцы года сельскохозяйственными работами не занимаются.

2.4.2. Стереотипные представления о важности осадков в цикле сельскохозяйственных работ

Несомненная важность осадков – преимущественно дождей, обеспечивающих полив растений и посадок, представлена в русских паремиях достаточно широко: *Весенний дождь растит, осенний гноит; Дождь не потеря, а находка.* Не случайно дождь называют кормильцем, обеспечивающим мужика хлебом: *Дождь — кормилец; Дождь — мужику рожь, а бурлаку — вошь; Дождь в мае хлеба поднимает; Весной дождь парит, а осенью мочит.*

Однако дождь не во всякую пору желателен – он мешает, например, уборке урожая: *Тут дождя ждут, а он идет, где жнут; Тут дождя просят, а он идет, где косят.* Природа своевольна, погодные явления не всегда совпадают с ожиданиями крестьянина: *Дождь прибьет хлеб, да трава встанет, град в лоск уложит; Дождливое лето хуже осени.* Если сеять под ожидаемый дождь – это обещает хороший полив и большой урожай (*Сеи под погоду, будешь есть хлеб год от году*), а жать хлеб и сгребать (копнить) солому лучше по сухой погоде: *В каждой копне, коль сгребена не в дождь, – пуд меду найдешь.*

С другой стороны, паремия предупреждает, что, начав косьбу, не стоит затягивать работу в надежде на другие погожие дни; их попросту может большее не

случиться: *С косой в руках погоды не ждать. Ср. Мотыга ни жары ни холода не знает.* Известно, что самая напряженная работа земледельца приходится на летние дни: *Летний день год кормит; Не столько роса с неба, сколько пот с лица.*

Однако при значительном акценте в ПЕ на важности самих инструментов и умения ими пользоваться в соответствующих видах деятельности русские паремии практически не выражают представлений о связи погодных условий и применения соответствующих орудий труда. Примеры подобных сочетаний компонентов немногочисленны, тем более что такая зависимость касается только земледельческого труда. Так, в паремии–примете *За бороною пыль* (т.е. сухо, дождей нет), *будет блин* – говорится о перспективе получить хороший урожай гречихи, поскольку погода стоит сухая. В других ПЕ зависимость урожая от количества полученной землей влаги находится вне вербализованной связи между компонентами: *Много снега – много хлеба; Зима без снегу – лето без хлеба; Больше снега на полях – больше хлеба в закромах.*

В китайских паремиях, напротив, представления об осадках связаны во многом с возможностью применения орудий и инструментов: 三月雨，贵似油；五月雨，好动锄 – букв. «*Мартовский дождь стоит дорогого масла, майский дождь хорошо подходит для работы мотыгой*»; в марте дождь важен для пробуждения земли, а в мае – для ее размягчения и удобства обработки мотыгой.

Отсутствие осадков тревожит крестьянина: 立夏不下，犁耙高挂 – букв. «*Если в начале лета (период с 6–7 мая) не будет дождя, то плугу и бороне висеть высоко на стене; нет возможности ими воспользоваться*». Здесь отражается **зависимость между погодными условиями и возможностью надлежащего применения сельскохозяйственных орудий**: при отсутствии дождя нет смысла проводить вспашку и сев (посадки). 一犁雨 – букв. «*Весной, когда идет дождь, глубина воды как раз на высоту лемеха*», что указывает на важность для сельскохозяйственных культур своевременных и умеренных весенних дождей.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, использование сельскохозяйственных орудий у китайцев привязано к рабочему календарю

крестьянина, определяемому опытом проведения различных видов работ. Подобные выражения составляют разряд своеобразных единиц, составляющих, по сути, народный календарь земледельцев Китая.

Следовательно, применительно к приведенным выше паремиям можно говорить о нескольких лингвокультурных установках:

- «памятуя о календаре работ, следует загодя готовить необходимый инструмент»,
- «в природе все взаимосвязано»,
- «нужно проявлять наблюдательность для своевременного начала работ – важно не упустить время»,
- «посев, уход за будущим урожаем и его уборка проводятся в строго регламентированные сроки»,
- «для хорошего урожая важны осадки (полив)». Если следовать этим наставлениям, можно получить достойный урожай.

Этот вывод справедлив по отношению как к русским стереотипным представлениям, так и к китайским. Существенным различием можно считать тот факт, что в китайских ПЕ больше внимания уделяется самим используемым в определенный период инструментам – особенно среди них выделяется мотыга. Итоги анализа, проведенного в разделе 2.1., представлены в Таблице 5 Приложения (стр. 151).

2.5. Образно–символическое использование в паремиях компонентов со значением «инструмент»

При написании данного раздела нами используются материалы ранее опубликованной статьи [Лю Юэ 2022а]

Отдельный разряд составляют пословицы, в которых компонент– название инструмента или орудия носит образный характер, т.е. лингвокультурологически ценным является не только указание, например, на то, как пользоваться топором или косой, а содержащаяся в паремии позитивная оценка опыта, старания, которая распространяется не только на данный конкретный вид деятельности, но и на

любые действия вообще. Данные ПЕ в большой степени обладают притчевостью (термин В.И. Даля¹⁴) и обобщенностью, что придает им черты «санкционированной мудрости» (Ян Мукаржовский); ср.: *Против притчи не поспоришь; Смысл не селянка: его ложкой не расхлебаешь*).

Речь идет о паремиях, которые выражают метафорическое значение эксплицитно. Например, *топор* как наиболее востребованный в хозяйстве инструмент становится в русской паремике *символом* не только мужского труда, но и самого *труженика* – мужчины, тогда как *прялка и веретено олицетворяют женский труд* (прядение) и *женщину*. Пословица *Семь топоров (Два топора) вместе [лежат], а две прялки врозь (врознь)* позволяет выразить следующий смысл: «Мужчинам больше, чем женщинам, подходит коллективный труд». Паремийный бином *топор – прялка* участвует в характеристике нрава мужчины и женщины «Женщины менее уживчивы, чем мужчины»; «Женщин отличает вздорность, а мужчин покладистость»: *Прялка рогата, топор комоват; рогатый – ‘норовистый, своенравный, конфликтный’* (ср.: *Мужик богатый, что бык рогатый*). Ср. также ПЕ *Смирен топор, да веретено бодливо* и т.д., что позволяет прогнозировать трудности или успех выполняемой работы. Функциональные особенности такого предмета домашнего обихода как *коромысло*¹⁵ – отразились в характеристике изворотливого и недоступного для понимания женского ума: *Бабий ум, что бабье коромысло: и косо, и криво, и на два конца*. Маскулинность усматривается и в таком инструменте, как *коса (Две косы и рядом, и в кучке, а две прялки – никак)*, хотя косьбой в крестьянском хозяйстве, пусть и в меньшей степени, занимались и женщины. Паремийная мысль склоняется к тому, что несколько мужчин скорее найдут общий язык и будут дружно работать.

Пословицы с инструментальными компонентами способны указывать на различные стороны человеческой природы, характера, поведения, на взаимоотношения людей, особенности жизни представителей различных

¹⁴ «*Не выноси сору*, как и всякая иная неискаженная пословица, в которой заключается притча, пряма и права, в прямом и переносном смысле: дело право, только гляди прямо» [Даль. Напутное].

¹⁵ *Коромысло* – приспособление для ношения двух ведер на плече в виде толстой изогнутой палки с крючками или выемками на концах' [СРЯ.2: 106].

социальных слоев. В пословицах данного типа в подавляющем большинстве случаев нет указаний на использование инструмента для выполнения какой-либо работы: значение имеют только его качества, не эксплицируемые в ПЕ, но хорошо известные носителям языка. Важно подчеркнуть, что связанные с техническим прогрессом изменения в сфере земледельческого и иного ручного труда не отменяют лингво- и социокультурных стереотипов народа, сложившихся в пору формирования паремиологической картины мира носителей культуры, что делает по-прежнему актуальным исследование ПЕ не с самыми востребованными сегодня внеязыковыми реалиями, такими как *плуг, соха, коса, серп, мотыга, прялка* и др.¹⁶ Отметим также, что в состав пословиц, освещающих функциональное предназначение различных бытовых орудий и приспособлений, помимо земледельческого и ремесленного инвентаря, входят такие предметы, как *жернов* для размола зерна и превращения его в муку и некоторые другие предметы домашнего обихода (например, *коромысло*), а также кухонная утварь (например, *пест, ступка, мешалка и нож* – как один из самых многофункциональных и востребованных в быту инструментов).

В некоторых ПЕ с этими предметами сравниваются *части тела человека*, в метафорическом значении обозначающие те или черты характера, особенности человеческой природы: *Глазы – ямы, а руки – грабли* – так говорят о завистливом и жадном человеке; ср. *Глаза завидующие, руки загребущие* – от глагола *загребать* (ср. ФЕ *спина коромыслом, глаза как площадки, плавает как жернов* и др.). Ср. кит.: 石碾子脑袋 – букв. «Голова как каменный каток»; метафор. ‘О человеке, с трудом понимающем других; твердолобый, неумный’. В составе ПЕ о жизнедеятельности крестьянина также нередко фигурируют названия животных, используемых в качестве подручной тягловой силы: *лошадь, вол, осел* (*осел* – в большей степени в китайских ПЕ).

¹⁶ Так, в частности, в пословицах о земледельческом труде, не встречаются слова, типа *газонокосилка* или *зерноуборочный комбайн*, что естественно, однако процессы покоса с использованием *косы* или *серпа* отмечены целым рядом как русских, так и китайских пословиц. В трудовой практике современных дачников, работающих на земле, коса и серп востребованы и сегодня.

2.5.1. Использование образа обуха для выражения стереотипных представлений

За отдельными инструментами закрепился круг ассоциаций, реализуемых в устойчивых единицах разного типа – сравнениях, идиомах, пословицах. В данном разделе работы мы остановимся на тех ПЕ, которые содержат частотные наименования инструментов, встречающиеся в качестве компонентов ПЕ. При этом могут реализоваться представления о функциональном назначении орудий, а также об их образном восприятии

Обух

Так, например, ***обух*** – утолщенная и потому особенно тяжелая часть топора, противоположная заостренному лезвию, используется в работе не для рубки, а для удара (ср. ПЕ *Ударь обухом в дерево, дупло само скажется*), для заколачивания чего-либо и т.п. Ср.: «Чтобы выбрать нужное дерево, *ударьте обухом топора* по его стволу – если раздастся долгий и звонкий звук, это то, что вам надо».¹⁷ Тяжесть обуха проявляется и при его шутливо-ироническом уравнивании с молотом: *Не молотом, а обухом* (ср. аналогичные выражения: *Не цепом, а молотилом; Стрижено – нет, брито!*).

Паремия *Наверняка только обухом бьют, да и то промах живет* указывает на назначение обуха, но с акцентом на возможности ошибки, не исключаемой даже для опытного мастера.

Традиционное восприятие обуха как тяжелого и используемого для нанесения весьма ощутимого удара отразилось в таких выражениях с переносным смыслом, как сравнение *ударить/ бить как обухом по голове* – ‘Экспрес. Внезапно, неожиданно ошеломлять кого-либо каким-либо (чаще – неприятным) сообщением, действием, поступком’ [ФСРЛЯ.2: 12].¹⁸

¹⁷ <https://iknigi.net/avtor-elena-dobrova/116-stroim-banyu-elena-dobrova/read/page-2.html>

¹⁸ Образ обуха присутствует в пьесе М. Горького «На дне», где Лука объясняет Ваське причины своей лжи: «И чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, может, *обух* для тебя...». Ср. современное употребление: «Фильм *бьет обухом по голове*, пускает пыль в глаза, казалось бы, сухими и пустыми красивыми картинками, скрывается под толщей монументальной режиссёрской работы» (о фильме «Мастер» – www.kinopoisk.ru).

В паремиях отразились такие свойства обуха, как прочность, твердость. Так, в основу ФЕ *сошлись (столкнулись) как клин с обухом*, характеризующем конфликт, противостояние людей в каком-либо вопросе, упрямство и настойчивость, легло представление об использовании обуха плотником, вбивающем твердый клин для расщепления, разделения на части какого-либо предмета. С прочностью ассоциируется образ обуха в ПЕ *Плетью обуха не перешибешь* – ‘Более слабый вынужден уступить; о бесполезной попытке противодействия’.¹⁹

Тяжесть обуха прочно связывается в сознании говорящих с осязательностью удара, чувством боли от него. Так, ПЕ *Отказ не обух, шишек на лбу не будет* предлагает не бояться проявления инициативы из опасений отказа: в отличие от физического воздействия словесный отпор не приведет к серьезным последствиям. Этот мотив реализуется и в других паремиях: *Спрос – не грех, отказ – не беда*.

Сближается с приведенной и ПЕ о речи, слове, которые также не могут иметь опасных последствий, даже если сам диалог неприятен: *Слово не обух, в лоб не бьёт*.

Интересный аспект осмысления удара обухом обнаруживает паремия *По сытому брюху хоть обухом* – об утрате кем-либо способности к восприятию событий, а в переносном смысле – о бесчувственности довольного (сытого) и обеспеченного – к чужим проблемам и переживаниям; ср.: *Сытый ничему не дивуется; Сытый голодного не понимает*. Ср. также ПЕ *По пусту месту хоть обухом бей*, допускающую разные варианты прочтения.

С обухом – в силу его тяжести – ассоциируется и представление о возможной смерти от удара. В словаре В.И. Даля обнаруживается такая идиома: *под обух идти* – ‘пойти на верную гибель’. В паремике эта ассоциация проявляется в выражениях, говорящих о судьбе, предопределенной ею «форме» невезения или смерти: *Счастливым к обеду, роковой под обух; Кому за тыном окоченеть, того до поры обухом не пришибешь; Кому суждено опиться, тот обуха не боится* (т.е. кому как повезет, все предопределено заранее). Этот мотив реализуется и в иных русских

¹⁹ Об этом говорят и стихотворные строки А.Н. Плещеева «Пусть он [мир] коварной лжи опутан сетью – Не твой картонный меч ее прервет, Перешибить нельзя обуха плетью: Живи же так, как большинство живет».

ПЕ: *Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.*

Мотив сильного или смертельного удара реализуется и в поговорке *и обухом не пришибешь* (кого–л.) – о физически сильном, крупном человеке. С использованием этого эталона дается образная шутливая рекомендация человеку, у которого болит голова, принять самые крайние меры для избавления от боли: *Болит голова – состричь догола, посыпать ежовым пухом, да ударить обухом.*

Антропоцентрическое развитие ассоциаций наблюдается и в ПЕ, рекомендующей – возможно, с некоторой долей сарказма, – сохранять мужество перед лицом неизбежного: *Жди, как вол обуха, а не дрогни!*

2.5.2. Использование образа шила для выражения стереотипных представлений

Стереотипные представления об особенностях шила как рабочего инструмента – «для прокалывания отверстий в виде заострённого металлического стержня на рукоятке. *Колоть шилом. Шило затупилось*» [СРЯ.4: 715] связаны в первую очередь со свойством его тонкого острого окончания. При этом подчеркивается его непригодность для выполнения иных действий (1): в ПЕ *Шилом моря не нагреешь* не столько акцентируется невозможность использования шила как нагревательного устройства, сколько несопоставимость по размеру металлической части шила и моря.

Шило непригодно и (2) как столовый прибор: им невозможно зачерпнуть еды: ср. выраженную в ПЕ иронию по поводу неудачи – *Хватил шилом патоки*, т.е. практически ничего в рот не попало; *Не жалея тещина добра – колупай масло шилом!* – шутливо–ироническая оценка тещи, проявляющей скупость в отношениях с зятем. Это же свойство шила участвует в формировании – с помощью приема гиперболы – характеристики скупого как осуществляющего нереальное действие: *Шилом горох хлебает, да и то отряхивает.*

Ситуация, когда приходится прибегнуть к не слишком подходящим средствам, отразилась в ПЕ *Хоть шило, лишь бы брило* – согласие использовать в случае необходимости любые способы; *У людей долото (шило) бреет, а у нас и*

брита не берет – говорящий сокрушается по поводу собственных неудач или возражает против чьей–либо самокритичности. Между тем это выражение может характеризовать и не слишком умелого и опытного работника, завидующего умельцам.

В русской и китайской паремике существует немало ПЕ, указывающих на бессмысленность утаивания какой–либо информации, чувств или отношений; формирование смысла в них нередко опирается на функциональное свойство шила – его способность прокалывать острым концом отверстия: *Правда, что шило в мешке – не утаишь; Шила в мешке [да любви в сердце] не утаишь* (ср. с иной образностью: *Трещина в горшке скажется*). Аналогично соотношение между образом китайской ПЕ и выражаемой ею семантикой: 口袋里装不住锥子 – букв. «Не стоит класть шило в карман».

В китайской паремике зафиксированы представления о различных свойствах шила. Так, о его остроте и способности уколоть, поранить говорят такие ПЕ: 拔掉锥子忘掉痛 – букв. «Больно, когда шило вонзается в плоть, но, когда его вытаскивают, боль забывается» (ср. рус.: *Крута гора, да забывчива*). «Шило пронзает сердце» – так говорит китайская ПЕ 锥心之痛 о душевной боли, муках, страданиях.

Необычно китайское выражение, характеризующее молчаливого человека, которого, сколько ни пытайся, не удастся разговорить: 三锥子扎不出血来 – букв. «Три прокола (укола) шилом, а крови нет»; ‘слова из него не вытянешь’. Ср. также выражение о необходимости упорно учиться 头悬梁, 锥刺股 – букв.: «Привязываться к балке, колоть шилом ногу», косвенно указывающее на пользу образования, которое не достается легко.²⁰

Акцент на другом признаке шила – его прямизне – осуществляется в ПЕ 饱谷

²⁰ В соответствии с притчами о Сунь Цине, который привязывал себя за волосы к балке, чтобы проснуться от боли, если засыпал за книгой. Чтобы не заснуть за книгой, Су Цин также колот себе ногу шилом. Су Цинь (кит. trad. 蘇秦; 380 – 284 год до н. э.) – выдающийся стратег и дипломат периода Сражающихся царств (Чжаньго) в древнем Китае.

穗头往下垂, 瘪谷穗头朝天锥 – букв. «*Полные зерна колосья свисают вниз головками, колосья же, из которых зерна выпали, голову возносят вверх (устремляются в небо), как шило*». Переносный смысл основан на антиномии пустого и полного, где пустой, легкий – без содержимого – колос становится символом необоснованной заносчивости, в то время как человек, отмеченный талантом, скромн, что намного благоразумнее высокомерия. Образ пустого колоса (*Порожний колос высоко голову держит*) рассматривается как знак бессодержательности, пустоты душевной [Шан Вэньцин 2022: 111, 115]. Ср.: 鼓空声高, 人狂语大 – «*Пустой барабан звучит громко, сумасброд бахвалится*», т.е. ‘выставляет себя пустой человек’; 饱谷穗头往下垂, 瘪谷穗头朝天锥 – «*Полный колос голову вниз клонит, а пустой колос голову носит к небу*» (вспомним рус. *Пустая бочка громче гремит; Пустой человек нос кверху дерет*) и т.д.

2.5.3. Использование образа топора для выражения стереотипных представлений

Топор в первую очередь символизирует ***труд***. Так, шутливо–ироничная ПЕ *В людях живал, свету видал: топор на ногу обувал, топорищем подпоясывался* говорит о большом жизненном и трудовом опыте: человеку доводилось жить своим трудом – плотником, лесорубом – и зарабатывать на еду и на одежду.

Не столько о бедности, сколько о лени говорит, вероятно, поговорка *В семи дворах один топор* – ни одно крестьянское хозяйство не могло бы обходиться без топора. В ПЕ *В лес идут, а на троих один топор берут; Без топора по дрова не исключено указание на людей, не готовых к труду – возможно, неопытных – или на лодырей, живущих чужим трудом.*

По метонимическом принципе топор может указывать на ***человека с топором в руках – мастера***, профессионала. Это мы наблюдаем в ПЕ *От поры до поры все топоры, а пришла пора – нет топора* – ‘о людях, лишь похваляющихся своим умением и готовностью к труду, но в действительности не готовых к работе’.

Поскольку основным достоинством топора является его острота, заточенность (*Остер топор – да и сук зубаст*) и ***способность отсекать, рубить***,

представляется логичным, что это его качество метафорически переносится и на сферы, не связанные с профессиональным применением топора (плотником, столяром лесорубом); ср.: *Хоть топором отрубить, только бы конец; Нашего горя и топоры не секут*. Ср. китайскую ПЕ 一斧子砍不倒一棵大树 – букв. «Одним взмахом топора большое дерево не срубить» – о необходимости терпения и времени для достижения результата (рус. *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; Поспеишь – людей насмеишь*) и идиому 大刀阔斧 – букв. «Рубить большим мечом и широким топором», метафорически указывающую на действия с размахом смелого и решительного человека. ПЕ *Не все топор, что рубит* допускает трактовку ‘обладать каким–либо качеством можно в разной степени, поэтому не стоит переоценивать чью–либо способность к совершению действия’.

Образы острых предметов, участвующих в характеристике речи, способной ранить, разить, в паремике нередки: *Сказал, как топором отрубил (как отрезал) – ‘резко и решительно, не допуская возражений’*. Так характеризуют резкие и обидные слова (*От слова да за нож; Слово не нож, а до ножа доводит*, т.е. приводит к серьезным конфликтам, ссорам), способные повлечь за собой большие неприятности (*Слово не обух, а от него люди гибнут*).²¹ Образ рубящего топора присутствует и в ПЕ о невозможности возврата написанного или сказанного, обещанного – *Что написано пером, того не вырубишь топором*, имплицитно рекомендующей воздерживаться от непродуманной речи. Мотив невозвратности сказанного вербализуется в ПЕ разной образности (*Слово не воробей: выпустя из уст – не воротишь; Оброненное слово языком не слизнешь*), в том числе – с компонентом *топор* (*Сказанное слово и топором не вырубишь*) и другими названиями инструментов (*Слово выпустишь, так и вилóm (крюком) не втащишь*). Китайские изречения имеют аналогичные значения: 口是伤人斧, 舌是割肉刀 –

²¹ Ср. ПЕ близкой семантики, но с иным образом (*Сабля ранит голову, а слово – душу*) и крылатое выражение *Злые языки страшнее пистолета* (А.С. Грибоедов. «Горе от ума»).

букв. «Язык, что топор: разит насмерть; язык – это остро режущий инструмент (можно порезаться)». Мотив ранящего слова для китайских ПЕ весьма актуален: 刀伤易治, 口伤难医 – букв. «Резанные раны легко лечить, но словесные раны трудно заживают».

Топор может представлять собой серьезное **оружие** в руках человека. Это отразилось в следующих паремиях: *С медведем дружись, а за топор держись* – с помощью топора можно оборониться даже от медведя. Символом покушения на жизнь топор становится и в ПЕ о физически крепком человеке, которому это орудие (оружие) не страшно: *Так здоров, что хоть топором руби — не свалишь*.

Компоненты *топор* и *топорище* образуют в паремиологическом пространстве устойчивый **бином** – пару, переходящую из одной ПЕ в другую и осмысляемую в зависимости от контекста. Так в ПЕ *Есть и топорище, да нет топорика* (при отсутствии основной рубящей части топорище бесполезно) они вербализуют семантический контракт ‘важное’ – ‘неважное’; ср. также *Украли топор, так и топорище в печь* – за ненужностью, хотя ПЕ допускает двойственное отношение к данному поступку – как одобрение логичного поступка, так и порицание проявляемой поспешности. Наиболее ярко это противопоставление ценности и ее отсутствия представлено в ПЕ *Тонул – топор сулил; вытащили – и топорища жаль*, выражающей порицание, с одной стороны, человеческой неблагодарности, а с другой – легкого отказа от своих слов и обещаний.

Тяжесть, вес отдельных инструментов нередко используется для акцента на признаке ‘сильный, мощный’ при характеристике удара: (кто–л.) *бьет, как молотом кует; Бей жену как молотом – сделаешь золотом; кулак (у кого–л.), что безмен; Словно топор: не обрежет, так зашибет* – при этом речь может идти как о физической силе, так и о грубости, резкости в разговоре. Аналогична ассоциация, реализуемая в китайском выражении 杵倔横丧 – букв. «Человек, который похож на [кухонный] пест» – ‘о человеке со скверным, жестким характером и грубыми манерами’.

Меньшим количеством единиц представлены другие инструменты.

2.5.4. Молот (молоток) в выражаемых паремиями стереотипных представлениях

Молот и его меньший вариант *молоток* входят в состав ПЕ, говорящих преимущественно о профессиональной деятельности. Работа молотом, как известно, требует больших усилий и доступна далеко не каждому, поскольку молот – и сам тяжелый по весу инструмент (*Не молотом, а обухом*), и работа с ним состоит в многократных сильных ударах по металлу – по наковальне и изготавливаемому предмету: *Тяжело молоту, тяжело и наковальне; От молота и наковальня звенит; Гвоздь от молота визжит, от гвоздя стена трещит*. Здесь фиксируются и звуковые эффекты, сопровождающие действия кузнеца. При этом *наковальня* – ‘специальное приспособление, опора из железа или стали, на которой производится ковка металлических изделий’ [СРЯ.2: 362], будучи предметом, по которому кузнец ударяет молотом, может выступать в переносном значении в роли объекта применения физической силы: *Лучше быть молотом, чем наковальней* – ‘лучше быть нападающим, критикующим, чем объектом нападков’.

Интересно, что звуковая ассоциация вербализуется и в китайской ПЕ 千锤打锣, 一锤定音 – букв. «*Выковывая гонг, тысячу раз ударяют молотом; последний удар служит для установления нужного музыкального тона*». Он звучания гонга определяется последним ударом, что дает следующий переносный смысл: ‘Многие участвуют в обсуждении, один принимает окончательное решение’.

Молот выступает в качестве вербализатора представлений о физической силе и в ПЕ *Золото не в золото, не побыв под молотом*, которую можно воспринимать как объяснение причинно–следственной связи между, например, усиленными воспитательными мерами, принимаемыми к кому–либо, и конечным результатом воспитания. *Золото* – распространенный символ, указывающий на ценность предмета.

2.5.5. *Использование образа сохи, плуга и бороны для выражения стереотипных представлений*

Главными и наиболее востребованными инструментами хлебороба являются соха и плуг. Некоторые различия этих двух видов сельскохозяйственного инвентаря объясняет трактовка их значений, предлагаемая толковыми словарями: *соха* определяется как ‘примитивное земледельческое пахотное орудие’, а также как мера земли, являвшаяся ‘единицей налогового (податного) обложения’ (в старину на Руси) [СРЯ.4: 212]. Отметим присутствующий в данном определении акцент на признак *примитивный* – ср. выражение *от сохи* (разг.) – ‘из крестьян (по происхождению)’ [ФСРЛЯ:]. Значение слова *плуг* трактуется несколько иначе: ‘Сельскохозяйственное орудие с широким металлическим лемехом или диском для вспашки земли’ [СРЯ.3: 146]. Соха как орудие из дерева, вероятно, проигрывала металлическому плугу, однако, судя по пословицам, данное различие особого влияния на их функционирование в составе ПЕ не оказало – ср. *Держись сохи (плуга) плотнее, так будет прибыльнее*. С другой стороны, в паремиях, возникших на фоне технического прогресса в сфере земледелия, происходящие изменения также отразились: *Была соха – и жизнь была плоха; трактор появился – урожай удесятирился; Отдохни, сошка, — сказал дед Тимошка, — теперь не твой час: есть трактор у нас*.

Основной круг ассоциаций, вербализуемых в ПЕ, связан с применением сохи и плуга как необходимых для пахоты орудий. Их функциональное предназначение практически совпадает – это главные сезонные орудия хлебороба и задействованы в самую жаркую пору весенней страды: *Плуг от работы блестит, поле от пота родит*. Только *На Егорья выезжает ленивая соха* (т.е. с пахотой еще можно не спешить). Именно поэтому с ними ассоциируется представление о тяжелом длительном труде. Значимость этих орудий для крестьянина зафиксирована в ПЕ с уменьшительно–ласкательными суффиксами: они включаются в число трудолюбивых, надежных и уважаемых помощников: *У матушки сошки золотые рожки; Держись ближе сохи Андреевны; Было б поле, найдем и сошку*. Ср. ПЕ с

компонентом плуг: *Не ленись с плужком – будешь с пирожком; Плуг хлебопашцу верный друг*. Компоненты соха и плуг, таким образом, реализуют идею близости, некой родственности, душевных отношений; ср.: *У нас и сохи свились вместе* (о дружных соседях).

Тем не менее, включение их в такие поговорки, как *Соха не плуг, приятель не друг*²² и *Новый друг, что неуставный плуг* (ненадежен; ср. *Вешний лед обманчив, а новый друг не надежен*), демонстрирует различия в их восприятии – возможно, это было характерно для определенного этапа освоения плуга как нового орудия труда.

Поскольку оба инструмента обеспечивают важный этап работ, от которого зависит урожай, они – хотя в большей степени соха – воспринимаются как кормильцы (*Соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят; Плуг кормит, а лук портит*). В поговорках проявляется отношение к ним как к незаменимым, ценным – ср., например, ПЕ *Для милого друга и коней из плуга*, выражающую идею готовности принести для друга в жертву жизненно важный инструмент, который без коней к работе не пригоден.

В силу стабильности выполняемого из года в год цикла земледельческих работ сам инструмент – соха, плуг, борона – становятся символами некой неизменности, прочной связи между крестьянином и его орудием и, возможно, безысходности: *Бросил соху, борону, да любиму сторону – пошел в люди; Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны; Тебе соха да борона, а мне чужая сторона; Будет плуг, да не будет рук* (ср. насмешливое *Возьми борону, да расчеши бороду; Он бороной ворота подпирает ‘о бедняке’*).

Отражаются в ПЕ и некоторые детали работы с плугом и сохой: *Горе не плуг, а бороздки* (т.е. морщины) *прокладывает* (сопоставление с плугом, прокладывающим борозду).

Образы сохи и бороны используются и для номинации бездельников и

²² Фрагменты ПЕ типа *не друг, не брат, не свой брат, не сестра* и др. нередки в ПЕ в качестве средства для подчеркивания приоритетности, предпочтительности; ср.: *Бритва остра, да мечу не сестра; Елень быстра – не коню сестра*.

трутней: *Волка в плуг, а он в луг; Плут не возьмется за плуг; Что мне соха, была бы балалайка; Работник с сошкой, а лодырь с ложкой.*

Внешний вид и материал, из которого изготовлены инструменты, практически не попадает в поле зрения говорящих – возможно, потому, что это им хорошо известно. Ведь иначе было бы непонятно, что, например, значит выражение *наступать на те же грабли* или пословицы *Наступил на зубья – граблями в лоб; Либо сена клок, либо вилы в бок (острые)*. В этой связи нельзя не привести ироническую паремию *Дитя падает – бог перинку подстиляет; стар падает – черт борону подставляет*, где образ бороны выступает как вызывающей при падении на нее крайне неприятные ощущения²³ (т.е. детям падение не причиняет боли, в то время как падение старика может привести к серьезным последствиям).

В китайской паремике ПЕ с компонентами *соха* и *плуг* преимущественно выступают в прямом значении: как инструмент, необходимый для подготовки земли – 光叫拉犁, 不给吃草 – букв. «*Постоянно заставляя волов тянуть плуг, но не давать им травы (пищи)*»; 秋收打谷又犁田, 来年又是丰收年 «*Во время осенней жатвы и обмолота зерна, вспахивают поле сохой, чтобы наступающий год стал еще одним урожайным годом*», и как гарант получаемого урожая: 不能耕而欲黍梁, 不能织而喜采裳, 无事而求其功, 难矣 – букв. «*Не умеют пахать сохой, но хотят собирать урожай, не умеют ткать, но хотят носить красивую одежду*». Важность его наличия и использования при любых условиях подчеркивается привлечением в ПЕ образа собаки: 无马狗牵犁 – букв. «*Если лошади нет, то используйте собаку, чтобы тащить плуг*».

Образы кролика и зайца, тянущих соху, позволяют иронически подчеркнуть важность сноровки, умения управляться с тяжелым и создающим трудности в использовании орудием: 兔子拉犁, 寸步难行 – букв. «*Тянет кролик соху, а шагу ступить не может*»; 兔子拉犁, 装老黄牛 – букв. «*Заяц тянет соху,*

²³ Борона — это инвентарь сельского хозяйства, который состоит из рамы и зубьев на ней, которые направлены вертикально (<https://agroexpert.kz/articles/tehnika/borona-v-sx>).

притворяется рабочей лошадкой».

Плуг выступает в китайской ПЕ и как символ конечного результата приложения усилий: 若不铸铁, 无法作犁 – букв. «Если железо не плавить и не заливать в форму, плуга не сделаешь» (ср. русскую ПЕ *Без труда не выловишь и рыбку из пруда; Не терт, не мят, не будет калач*).

Совокупностью паремий формируется, таким образом, обобщенный образ сохи как символ тяжелого, но необходимого труда.

2.5.6. Серп в выражении стереотипных представлений

Серп отмечен в русских паремиях, во-первых, как орудие земледельческого труда – с ним сопрягается представление о практическом применении при полевых работах: *В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой*. Отсюда и вывод о возможных последствиях тяжелого труда: *Серп не богатит, а горбатит*. Во-вторых, это инструмент, без которого полевод обойтись не мог, поэтому он становится в ПЕ символом необходимой вещи: *Лучше свой серп, чем рукоятка чужой сабли*. В-третьих, серп должен быть, безусловно, острым: *Жатва поспела, и серп изострен*.

Китайские ПЕ, помимо представления о серпе как рабочем инструменте («*Не наточив серп, чтобы он хорошо резал, не сможешь работать в поле*»), используют его образ для выражения идеи о коварстве и двуличности человека: 嘴上说得蜜蜜甜, 心头藏把锯锯镰 – букв. «Во рту сладко–сладко, а на сердце – зубчатый серп». Это противоречие реализуется метафорически и в ПЕ с компонентом нож: 脸上带笑, 袖里藏刀 – «*На лице улыбка, в рукаве нож*»; 面带三分笑, 背后暗藏刀 – «*На устах шуточки, а за спиной нож*». Ср. русскую ПЕ *Которая рука крест кладет, та и нож точит; Дружиться дружись, а нож за пазухой держи*. Мотив лицемерия и коварства при демонстрируемом расположении к кому–либо активно вербализуется и русскими ПЕ: *На устах мед, а на сердце лед; Мягко стелет, да жестко спать* и др.

Острота серпа ассоциируется у китайцев, вероятно, с остротой ума; ср.: 三把镰刀, 总有一把利 – букв. «*Из трех серпов один всегда самый острый*», т.е. среди

похожих людей всегда найдется один – лучше и заметнее других.

2.5.7. Стереотипные представления о ноже

С точки зрения частотности употребления в образно–символических значениях компонент **нож** занимает первое место: он встречается более чем в ста русских и китайских ПЕ. Однако, если в китайском языке нож, наряду серпом, считается предметом (в том числе) сельскохозяйственного инвентаря, в русском языке он такого значения не имеет: это, во–первых, ‘инструмент для резания, состоящий из лезвия и ручки, а также режущая часть производственного орудия. *Столовый, перочинный, финский, плужный нож*. [СРЯ.2: 506–507] (ср. кит. 庸医杀人不用刀 – букв.: «Умереть из–за некомпетентности врача, вовремя не воспользовавшегося ножом»). Далее словарь приводит несколько устойчивых выражений с рассматриваемым компонентом: *Нож острый* – о том, что причиняет большие неприятности; *Без ножа резать* (ставить кого–н. в тяжелое, безвыходное положение; разг.); *С ножом к горлу пристать (приступит)*; *На ножах быть с кем* – ‘непримиримо враждовать’ и др.

Исследуемый материал показал, что в китайских пословицах нож часто выступает в качестве боевого оружия, т.е. никак не ассоциируется с хозяйственным, земледельческим инструментом: 兵不血刃 – букв. «*На острие ножа нет крови*» (‘Победа далась легко’); 刀不出鞘, 弓不上弦 – букв. «*Не нужно обнажать нож, не нужно натягивать лук (оставить при себе нож и лук)*», т.е. попытаться обойтись без применения силы и кровопролития.

Нож, будучи достаточно простым инструментом, может применяться весьма разнообразно – может быть кухонным, разбойничьим, сапожным и др. Колющее и режущее (холодное) оружие в русском языке обозначается специальными лексемами, в частности, словами *сабля, кинжал, кортик, шпага* и некоторыми другими. Ср. *Сабля ранит голову, а слово – душу*; <...> *Шпага дороже ножен; Двух шпаг в одних ножнах не живет*. Отметим, что в русской паремике отразилось применение ножа не только в домашнем обиходе, но и как орудие защиты: *Нож в пути товарищ; Дружиться дружись, а нож за пазухой держи*, а также как орудие,

которым угрожают разбойники: *Не все те повара, что с длинными ножами ходят (а есть и разбойники); Которая рука крест кладет, та и нож точит.* Нож представляется опасным: *Бешеному не давай ножа в руки.*

Нож – предмет повседневного использования. Не случайно с ним связаны русские приметы, суеверия и обычаи, о которых пишет в своем словаре В.И. Даль: *Нож со стола упал – гость будет; ложка или вилка – гостья.* Также по русскому обычаю нельзя дарить никому острые и режущие предметы – и в том числе нож: *Образа [иконы] да ножи не дарят, а меняют; Ножа, ножниц не дарят, а купить за грош можно).* Отметим, данный обычай сохранился в русской среде до сих пор.

Помимо уже упоминавшихся ПЕ, можно привести единицы, где компонент *нож* участвует в характеристике человека и различных сфер его деятельности. Так, безвольного человека сравнивают с некачественным ножом: *Человек без воли, что нож без стали.* Ср. кит. 缩着脖子挨刀 – букв. «*Стоять, втянув голову в плечи и попасть под нож*», ‘О безвольном, не умеющем постоять за себя человеке’.

Наточенный нож становится в ПЕ и символом наказания, возмездия и даже смерти: *Он сам на себя нож точит; Растешился боярский сын: се на нож, се на кол, се на виселицу.* Ср. кит. 钢刀虽快, 不斩无罪之人 – букв. «*Хотя стальной нож и быстр на расправу, он не убивает невинных*», т.е. ‘закон может быть суровым, но он не наказывает невинных’, а также 刀锯斧钺 – букв. «*Иметь в наличии орудия: нож, пилу, топор, секиру. Они вместе используются для наказания*»).

О важности правильного поведения «в людях» (в гостях) говорят следующие пословицы: *Не свой нож, не любой кус* – лаконично выраженное правило поведения: ‘в гостях за столом нельзя своевольничать’. *Кашу ешь, а ножом не режь!*

Острота ножа отражается и в выражении *Чтоб тебе на ножах поторчать!* – эти слова во время ссоры произносятся в чей-либо адрес в раздражении и гневе.

Для ножа, пригодного к использованию только при условии хорошей заточки (*Без ножа пера не очинишь*), наиболее важным свойством является именно острота. Она воспринимается как оптимальное качество данного предмета и потому становится символом пригодности, ценности. Ср. *Нож не точить — заржавеет,*

человеку не учиться — отстать — акцентируется важность образования, постоянной работы над собой.

С другой стороны, он выступает как символ опасного — это проявляется в том числе в ПЕ об «остроте» слова, которое может ранить и доставить немало неприятностей: *Слово не нож, а до ножа доводит; Не ножа бойся, а языка.*

Интересно, что нож как необходимый инструмент в любом доме, в профессиональной, ремесленной, деятельности может восприниматься как второстепенный: *Не почто с ножом, где топор положен — ножу с топором не сравниться. Ср. о полном отсутствии каких-либо острых инструментов: Ни ножа, ни топора, ни помолиться, ни зарезаться.*

ПЕ с компонентом *нож* вербализуют представления о разных сторонах человеческих отношений. Например, ПЕ иронично говорит о разочаровании, неприятии: *Рад госпоже, что меду на ноже (прибавка: полизеешь, да и обрежешься); о небрежности: Щербина на ноже, щетина на еже; о недоверии: Хоть на нож, так не хочу.*

Интересна в китайской ПЕ другая подчеркнутая деталь ножа — рукоять: 刀把子送给别人攥着 — букв. «Дайте кому-нибудь другому подержать рукоятку вашего ножа» (т.е. пора отдать власть другому). Ср. рус.: *Что беснующемуся нож в руки, то лукавому власть.*

Степень участия наименований отдельных инструментов и орудий труда в выражении паремиями стереотипных представлений можно представить в целом в виде таблицы (Табл. 1), демонстрирующей также количественное и процентное соотношение русских и китайских ПЕ, включающих названия рабочих инструментов.

Таблица 1. Количественное соотношение русских и китайских паремий, содержащих компоненты — названия определенных орудий труда

Название инструментов	количество	процентное отношение	Количество китайских ПЕ	процентное отношение

	русских ПЕ			
соха	45	11.1%	19	8.9%
плуг	12	2.9%	6	2.8%
борона	30	7.4%	7	3.3%
серп	11	2.7%	21	9.9%
коса	21	5.1%		
лопата	22	5.4%	11	5.1%
грабли	5	1.2%	3	1.4%
мотыга	3	0.7%	18	8.4%
жернов	17	4.2%	21	9.9%
топор	34	8.4%	18	8.4%
обух	12	2.9%	1	0.4%
молоток	35	8.6%	17	8%
нож	45	11.1%	15	7%
пила	13	3.2%	15	7%
клин	23	5.6%	3	1.4%
пест	7	1.7%	4	1.8%
коромысло	6	1.4%	11	5.1%
шило	26	6.4%	6	2.8%
цеп	5	1.2%	0	0%
долото (долотцо)	6	1.4%	2	0.9%
рубанок	5	1.2%	1	0.4%
клещи	4	0.9%	1	0.4%
игла	17	6.4%	12	5.6%
Всего	404	100%	212	100%

Так, совершенно очевидна активность отражения в русских поговорках представлений о роли топора, молотка, ножа, сохи, бороны и др. В китайских же выражениях – при аналогичной картине в отношении сохи, ножа, топора – обращает на себя внимание активность использования образа серпа (косы).

2.6. Образ человека, воссоздаваемый русскими и китайскими ПЕ с компонентами–наименованиями инструментов

Анализ материала показывает, что компоненты–наименования инструментов участвуют в указании в границах поговорочного смысла на черты характера и свойства человека. Приведем примеры подобных эксплицитно и имплицитно представленных характеристик, которые их иллюстрируют.

Так, основными в характеристике работника, мастера являются (1) *трудолюбие и старательность*: *Плуг от работы блестит, поле от пота родит; В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой; Плуг кормит, а лук (оружие) портит; День в день, топор в пень*. При этом интересно что в русских ПЕ нет прямых указаний на такие характеристики – в отличие от китайских, где нередко подчеркивается польза трудолюбия: 锄头落土不亏人 – «Трудолюбивый человек усердно работает мотыгой, и земля вознаградит его обильным урожаем, избавит его от голода»; 犁锄不离手, 吃穿样样有 – «Плуг и мотыга не покидают ваших рук – у вас есть что есть и что носить».

Выносливость – необходимое свойство при выполнении многих видов работ, оно важно как для пахаря, так и для кузнеца: *За сохой идти – не оглядываться; Не умел шить золотом, так бей молотом! Пилить пилою – гнуться спиною*. Ср. ироническую ПЕ *Всея удали у него, что за ложкой потеть; Перо легче цена*. Китайских ПЕ аналогичной семантики нами не обнаружено.

В русских и китайских поговорках отмечены и иные многочисленные характеристики человека – они представлены ниже в виде таблицы 2.

Таблица 2. Свойства и черты характера человека, отражаемые русскими и китайскими поговорками.

Черта характера, свойство	В русских поговорках	В китайских поговорках
О рукастом, мастеровитом человеке	<i>На свои руки топора не уронит; И косолап, – да цеп из рук не валится.</i>	_____
Предусмотрительность	<i>Не припаса снasti, не жди сласти! Бескосый – не косец; После поры не точат топоры; Без ножа пера не очинишь.</i>	镰刀不快不下田 – «Не наточив серп, чтобы он хорошо резал, не сможешь работать в поле».
Бережливость, рачительность	<i>Игла да булабочка, а не пуста лавочка; У молодца – не без долотца; И шильце, и мыльце, и брильце.</i>	只有勤没有俭, 好比有针没有线 – «Быть трудолюбивым, но не быть бережливым – как заниматься шитьём, но без нитки».
Физическая сила	<i>В русском (мужицком) брюхе и долото сгниет</i>	_____
Смелость, стойкость	<i>Жди, как вол обуха, а не дрогни!</i>	龙头锯角 – «Отпиливать рога дракона пилой»
Неординарность	<i>Таращилась нитка, да игла за собой потянула</i>	三把镰刀, 总有一把利 – «Из трех серпов один всегда самый острый»
Щедрость	<i>Жернова сами не едят, а людей кормят</i>	_____

<p>Достоинство (ирон.), самокритичность,</p>	<p><i>В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате молимся</i></p>	<p>—</p>
<p>Лицемерие, коварство</p>	<p><i>Которая рука крест кладет, та и нож точит; Дружиться дружись, а нож за пазухой держи.</i></p>	<p>嘴上说得蜜蜜甜，心头藏把锯锯镰 – «Во рту сладко–сладко, а на сердце – зубчатый серп»; 脸上带笑，袖里藏刀 – «На лице улыбка, в рукаве нож».</p>
<p>Жадность, скупость</p>	<p><i>Шилом горох хлебает, да и то отряхивает; На обухе рожь молотит, зерна не уронит.</i></p>	<p>一个钱看得磨盘大 – «Одна копейка выглядит больше жернова».</p>
<p>Хвастовство</p>	<p><i>Хвалился пест, что поел толокна в ступе; И рад бы косить, да некому косу носить</i></p>	<p>关公面前耍大刀 – «Не размахивай ножом перед Гуань Юем», 鲁班门前弄斧, 孔夫子门前卖经 – «Человек перед воротами Лу Баня размахивает топором».</p>
<p>Леность</p>	<p><i>Перо легче цеха; Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто; Тут, поди молотить! – Брюхо болит. – Тут, поди кисель есть. – Где моя большая ложка?</i></p>	<p>不能织而喜采裳，无事而求其功，难矣 «Не умеют пахать сохой, но хотят собирать урожай, не умеют ткать, но хотят носить красивую одежду»</p>

Халатность	—	靠人磨镰刀背光，靠人舀饭尽喝汤 – «Когда другие помогают наточить косу, они часто затачивают лезвие только с одной стороны; наливая кому-то суп, чужие часто зачерпывают только жидкость, а гущу оставляют внизу».
Расточительность, мотовство	Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял.	脚像钉耙,手像蒲扇 «Ноги как грабли, руки как веера».
Высокомерие	—	牛无力气拉横耙，无理说横话 – «Когда у волов нет сил идти по прямой, они тянут борону по диагонали, а человек ведет себя нагло и неразумно, проявляя высокомерие». 饱谷穗头往下垂,瘪谷穗头朝天锥 «Полные зерна колосья свисают вниз головками, пустой колос держит голову вверх, как шило».
Глупость, бестолковость	Искал мужик ножа, а нашел ежа	碓杵脑袋 – букв. «Мозг как деревянный пестик»
Непоследова	После ужина	丢下耙儿弄扫帚 –

тельность, нелогичность	<i>горчица, [что] после скобеля топором</i>	«Бросив грабли, братья за метлу»;
Навязчивост ь, назойливость	<i>От него ни крестом, ни пестом не отделаешься;</i>	—
Драчливость	<i>Живи, колотило, за рекою, да к нам ни ногою!</i>	—
Трусость, опасливость	—	门后边耍大刀 – букв. «Размахивать ножом из-за дверей», 挑着担子过河 – «Переходить с нагруженным коромыслом через реку», 'дрожа от страха при каждом шаге'.
Непрофессио нализм	<i>Пашет Федот, разинув рот, а толку ни на иголку</i>	剪刀的口, 木杵的手 – «Рот как ножницы, руки как деревянный пестик»
Импульсивн ость	<i>Хватил шилом патоки.</i>	三肿三消东一锄头, 西 一耙子 – букв. «Мотыга с востока и грабли с запада»
Поспешность , торопливость	<i>Не подбивай клин под овсяный блин: поджарится, сам свалится</i>	会打锤不在头三下 – «Если человек умеет работать с молотком, то первые три удара не являются показателем его умения обращаться с этим инструментом»
Уклончивост	<i>Вертляв: в него и в</i>	推磨绕圈子 – «Вращать

ь, неискренность	<i>ступе пестом не угодишь</i>	<i>жернов и ходить вокруг жернова»</i>
Болтливость	<i>Пустая мельница и без ветру мелет</i>	_____
Злословность; сплетник	<i>Сторона – борона: чего не знает, то и бает</i>	«Слово, распространяемое среди людей, может превратить то, что когда-то было малым, как кунжутное семя, в нечто большое, как мельничный жернов»
Грубость	<i>Словно топор: не обрежет, так зашибет</i>	杵 偃 横 丧 – «Грубый человек похож на [кухонный] пест»
Неказистость, неприглядность	<i>Ножки, что сошки, брюшко, как волюночка</i>	_____

Как видим, спектр положительных характеристик человека, передаваемых паремиями с «инструментальными» компонентами, существенно уже, чем отрицательных.

Признавая справедливым замечание о возможности неоднозначного прочтения пословиц, отметим, что некоторые из уже упомянутых выше паремий могут служить иллюстрацией и иных представлений.

2.7. Вывод по главе

Проделанный анализ паремий с компонентом – названием инструмента позволил выявить особенности выражаемых ими стереотипных представлений и лингвокультурных установок.

Русские и китайские ПЕ демонстрируют широкий спектр стереотипных представлений, связанных у носителей языка с использованием инструментов и

орудий труда – о важности наличия инструмента у человека, владеющего ремеслом, как залога результативности труда (*Без сохи не пахарь, без молотка не кузнец*; кит. «*Как зонт в дождливые дни, так и молоток для мастера–плотника*»), о важности качества орудий труда (*На острую косу много сенокосу*; кит. «*Острый топор не боится твердой древесины*») и их соответствия определенным действиям (*Шилом медведя не одолеешь; Не почто с ножом, где топор положен*; кит. «*Косой нельзя срубить дерево, топором нельзя срубить траву*»).

Значительный разряд составляют ПЕ, характеризующие деятеля, мастера, от которого требуются:

– умение и профессионализм (*Не топор тешет, а плотник; У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут*; кит. «*Мастера с низкой квалификацией жалуются на свои инструменты*»; «*Плотник знает, когда какой молоток использовать*»),

– серьезный подход к предстоящей работе и подготовка инструмента (*Человек неученый — что топор неточеный: можно и таким дерево срубить, да трудов много*; «*Если у вас острый нож, вам не стоит беспокоиться о твердых предметах*»),

– старание и терпение (*Плуг от работы блестит, поле от пота родит*; кит. «*Способность – это острое лезвие ножа, усердие – точильный камень*»),

– умение применять различные приспособления (*На глаз надейся, а отвесом проверяй; Без клина и плахи не расколешь; Клин плотнику товарищ*) и т.д.

Большое внимание в ПЕ уделено мастерству, приходящему с опытом, поскольку человек, а не инструмент, является определяющим (*Не игла шьет, а руки*). Поэтому не одобряется попытка не слишком умелого работника пожаловаться на свои инструменты (*У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут*; кит. «*Мастера с низкой квалификацией жалуются на свои инструменты*»). Хотя не исключается и признание возможных трудностей даже для мастеровитого человека: *Налетел острый топор да на крепкий сук*; кит. «*Железный таз бьется с железной метлой*».

И русские, и китайские ПЕ о труде редко звучат нейтрально, что представляется вполне логичным: они ориентированы в целом на одобрение труженика, не жалеющего сил, выражение неодобрения поспешных или несвоевременных действий, лени, насмешку над неумелыми действиями и невладением инструментом, неоправданными или непропорциональными ожиданиями результата – без приложения сил и т.д., но при этом очевидны и различия между носителями двух культур.

Таким образом, в ПЕ обоих языков общим является порицание не столько нежелания работать, сколько *желания без труда получать выгоду или жизненные блага: Вилкой — что удочкой, а ложкой — что неводом; Чисто мои жнецы жнут, что на стол подадут*. Отметим, что к такому пороку, как лень, в русской традиции чаще относятся насмешливо и иронически.

Работе противопоставляется и праздная необременительная болтовня: Если косить языком, спина не устанет; Работа с зубами, а лень с языком. Здесь фигурируют наименования инструментов и названия трудовых действий – ср. ПЕ: *Врать (брехать) – не цепом махать, [спина не болит]; Брехать – не пахать, брехнул да отдохнул; Брехать – не топором махать, брехнул – да и отдохнул*, – что позволяет указать на несравнимость затрачиваемых усилий и выразить неодобрение болтуну.

Китайские ПЕ в большей степени ориентированы на практические советы – это, в частности, касается частотных единиц с календарными ориентирами. При этом русские ПЕ включают даты, привязанные к церковному календарю, а китайский народный календарь весьма детален и называет дни и недели месяцев по лунному календарю и фазы созревания отдельных культур. (*Ладь косы и серпы к Петрову дню; кит. «В конце жары (с 22–24 августа) взмахами серпа собирают урожай яровой пшеницы»*).

Проанализированный материал показывает, что паремии с компонентом–названием инструмента включают единицы, различающиеся по своей способности передавать переносные смыслы. Одни ПЕ указывают исключительно на особенности трудового процесса с применением инструмента (орудия), сопрягая

орудие с соответствующим действием: *топор – рубить, молот – ковать, лопата – копать, соха (плуг) – пахать* и др. (ср. *Пилить пилою – гнуться спиною; Хороводить – не цепом молотить*). Это объясняется тематической направленностью материала. Другие выражения характеризуются двуплановостью – способностью как отражать реально осуществляемые действия с применением инструментов, так и характеризовать деятельность в иных профессиональных сферах и/или ситуации, не связанные с профессиональной деятельностью (*После ужина горчица, [что] после скобеля топором; Мал топор большое дерево рубит; Он бы и рад косить, да некому косу носить*).

Из всех сфер крестьянского труда, включающих труд плотника и столяра, косаря, пахаря, кузнеца, швеца, косаря, молотильщика и др., используемые ими инструменты представлены в ПЕ не в равной степени. Номинации топора и сохи – в их прямом и переносном употреблении – существенно превосходят по числу единиц другие единицы инструментального кода. Отметим также частотность использования компонента *нож* как названия инструмента, применяемого в жизни самым широким образом.

Паремии участвуют в характеристике качеств и поступков человека – отрицательных (*Словно топор: не обрежет, так зашибет*; кит. «Человек, который похож на кухонный пест» – в обоих случаях ‘о злом, жестком, грубом человеке’) и положительных (*Жди, как вол обуха, а не дрогни!* Кит. «Одним ударом ножа разрубить надвое» – о смелости).

Как русские, так и китайские ПЕ с инструментальным компонентом в образных значениях указывают на различные модели поведения и ситуации. Они говорят о благодарности/ неблагодарности (*Тонул – топор сулил; вытащили – и топорница жаль*; кит. «Когда ешь рис, уважай мотыгу»); о бессмысленности утаивания информации (*Правда, что шило в мешке – не утаишь*; кит. «Не стоит класть шило в карман»); о решительных, но не всегда оправданных действиях (*Украли топор, так и топорнице в печь*, кит. «Рубить большим мечом и широким топором»); о богатстве и бедности (*В семи дворах один топор; «Коромысло – это сокровище, полагаться на него всю жизнь – не быть бедным»*); об обманчивости

поспешных выводов (*Не все топор, что рубит; кит. «Если человек умеет работать с молотком, то первые три удара не являются показателем того, насколько он искусен в обращении с этим инструментом»*), о напрасности жалоб на качество инструментов и др.

Все это говорит о том, что единицы инструментального кода составляют важный для носителей каждой из культур пласт единиц, допускающих разностороннее осмысление в составе устойчивых единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к паремиям, содержащим единицы инструментального кода – названия привычных для рабочего человека инструментов, показывает, что в ходе их использования складывается устойчивое представление о том или ином предмете, его функциональных и иных особенностях – о характере их применения, об их собственных свойствах, о человеке, в чьих руках они находятся, т.е. образы инструментов и орудий актуальны в русских и китайских ПЕ в первую очередь для показа сферы профессиональных действий и навыков и связанных с ними установок.

Отражается в паремике и складывающееся в сознании говорящих ассоциативно–образное восприятие отдельных инструментов. Так, *шило* предстает в ПЕ как небольшое орудие – прямое, острое, ранящее, проникающее, с точечным окончанием (острием) – необходимое для прокалывания, но бесполезное в качестве инструмента для еды, а *обух* – тяжелая, тупая часть топора, используемая для сильного удара и поэтому ассоциируемая даже со смертью.

Важность образов этих инструментов иллюстрируется еще и тем, что они проецируются на человека, участвуют в характеристике качеств и поступков человека (*Тонул – топор сулил, вынырнул – и топорщица жаль*), различных жизненных ситуаций. Как и в целом в паремиологическом пространстве, здесь проявляется несопоставимость позитивного и негативного: спектр положительных характеристик человека, передаваемых паремиями с «инструментальными» компонентами, существенно уже, чем отрицательных.

В китайских и русских пословицах обнаруживается немало общих установок и представлений – о важности опыта работника, о вознаграждении за труд, о важности правильного выбора инструментов и многие другие. Однако в таблицах приложения хорошо видны и лакуны, обусловленные особенностями осмысления труда и условий работы, труженика и его инструментария, приоритетов и ценностей. При этом даже совпадающая в двух языках установка может отличаться в деталях ее выражения. Так, в русских довольно много ироничных ПЕ, лишь

косвенно указывающих на необходимость трудиться (ср. *Летом с удочкой, зимой с сумочкой*, т.е. побираться с сумой).

Нельзя не отметить и особенностей построения многих довольно пространственных китайских пословиц, имеющих двухчастную структуру, где одна и та же модель поведения иллюстрируется двумя примерами из разных жизненных сфер, но обнаруживающих близкую логику («*Когда другие помогают наточить косу, они часто затачивают лезвие только с одной стороны; наливая кому-то суп, чужие часто зачерпывают только жидкость, а гущу оставляют внизу*»). Или же паремия состоит из двух частей, выражающих одну и ту же идею прямо и метафорически: «*Когда у волов нет сил идти по прямой, они тянут борону по диагонали, а человек ведет себя нагло и неразумно, проявляя высокомерие*».

Выявленному нами значительному сходству в выражаемых паремиями двух языков установках (ср.: «Опытный мастер не нарушает правильную последовательность использования разных инструментов», «Вознаграждением за труд является достойный урожай, хлеб» и т.п.) не противоречат и лингвокультурные различия. Они обнаруживаются в нескольких аспектах: во-первых, в номенклатуре инструментов, которые выступают в функции компонентов ПЕ: если *борона* и *плуг (соха)* в ПЕ обоих весьма репрезентативны, то паремий с компонентом *мотыга* у русских почти нет, в то время как это один из наиболее частотных в китайских пословицах инструментов. Не фигурирует в китайских ПЕ и *обух*.

Во-вторых, различия видны и в степени активности вербализации отдельных установок. Так, в русских ПЕ неоднократно акцентируется важность именно работника, ведь инструмент «работает» в руках мастера: *Не топор тешет, а плотник; Не кует железа молот, а кует кузнец; Не игла шьет, а руки*. Реализация этого акцента в китайских ПЕ осуществляется иначе – просто на работу с применением инструмента, без акцента на главенстве работника.

В-третьих, этномаркированная специфика состоит в отсутствии в одном из языков отдельных установок и представлений. Отсутствуют в китайском выражения о вреде труда, в русском же, напротив, нет ПЕ о пользе труда для

здоровья. При общности во взгляде на зависимость наличия результатов в виде пропитания, одежды – от самого процесса труда (*Не ленись с плужком – будешь пирожком*; кит. «*Плуг и мотыга не покидают ваших рук – у вас есть еда и есть что носить*»), у русских делается акцент на нахлебничестве (*Один в бороне, а все в стороне; Работник с сошкой – лодырь с ложкой*). Только в русских ПЕ с компонентом «инструмент» говорится о доброте, мудрости, выносливости труженика; только в китайских паремиях – о трусости, глупости, неумении видеть свои недостатки.

Проведение аналогичного анализа с привлечением русских и китайских паремий, содержащих в качестве компонентов названия иных инструментов, позволит расширить и уточнить картину осмысления говорящими важной жизненной сферы – сферы ручного труда с применением инструментов и орудий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск: АНС «СибАК». – №4. – 2015. – С. 28–37.
2. Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы этнокультурного пространства / Н. Ф. Алефиренко // Филология и культура. – №3. – 2014. – С. 11–20.
3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно–смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с.
4. Алёшин А. С., Зиновьева Е. И. Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языка) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – № 1. – 2020. – С. 7 – 21.
5. Бабенко Л. Г. Предисловие // Толковый идеографический словарь русских глаголов: С указанием английских эквивалентов: Проспект. – Екатеринбург: Изд–во Урал. ун–та, 1997. – С. 5–25.
6. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М. – Л.: Наука, 1964. – 75 с.
7. Балова И. Паремии как форма синтеза смысловых миров [Электронный ресурс] / И. Балова, М. Кремшокалова. – Режим доступа: kavkazoved.info/news/2011/10/28.html.
8. Балыкова Т. Ф., Савенкова Л. Б. Концепт «ремесло» в русских паремиях // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 1. – М.: Изд–во МГУ, 1998. – С. 238–240.
9. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
10. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 512 с.
11. Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и

- поговорок): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. – Тюмень, 2004. – 241 с.
12. Бельчиков Ю. А. Русский язык XX век. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 213 с.
 13. Бочегова Н. Н., Самойлова Г. М. Национально–культурные прототипы концептов work, job / труд, работа в английской и русской лингвокультурах // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 3 (54). – С. 5–13.
 14. Бредис М. А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.
 15. Варзинова В. В. Лингвокультурная значимость французских фразеологизмов с названиями инструментов и орудий труда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2022. Том 15. – Вып. 1. – С. 87–92.
 16. Ван Синьцзюй. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2018. – 26 с.
 17. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. – № 5. – С. 105–113.
 18. Вежбицкая, Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
 19. Ветюгова Л. А. Глаголы понимания в немецком, английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 207 с.
 20. Виноградова (Спильник) О. В. Актуализация культурных кодов посредством вербализаций концепта «Судьба» в поэзии А. Ахматовой / Современная филология в международном пространстве языке и культуры: Материалы Международной научно–практической интернет–конференции (Астраханский государственный университет, 21 сентября 2010 г. – 20 января 2011 г.) / Сост. М. Л. Хохлина. – Астрахань. – 2011. – 224 с.
 21. Водясова Л. П., Мартынова Е. А. Национально–культурные константы и их лингвистическая репрезентация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems.

- №6 (26). 2013. URL: www.sisp.nkras.ru DOI: 10.12731/2218–7405–2013–6–48
УДК 101.1: 811.511.152; дата обращения: 7.02.23.
22. Волошкина И. А. Когнитивные признаки фразеоконцепта (на материале французского языка) / Современная филология в международном пространстве языке и культуры: Материалы Международной научно–практической интернет–конференции (Астраханский государственный университет, 21 сентября 2010 г. – 20 января 2011 г.) / Сост. М. Л. Хохлина. – Астрахань. – 2011. – 224 с.
23. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Изд–во КГТУ, 2002. – 142 с.
24. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
25. Выготский Л. С. Мышление и речь. – Санкт–Петербург, 2019. – 431 с.
26. Гаспаров Б. М. Введение в социограмматику // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1977. – Вып. 425. – С. 24–45.
27. Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 210 с.
28. Го Пинтин Репрезентация семейных традиций в русской и китайской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. – Уфа., 2018. – 275 с.
29. Го Лихун. Отражение семейных отношений в пословицах и поговорках русского и китайского языков (на материале фреймов свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка) // Вестник Кемеровского государственного ун–та. – 2021. Т. 23. – №1(85). – С. 211–219.
30. Го Синь–и Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 22 / Го Синь–и. – Москва, 2004. – 28 с.
31. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. – 2004. – № 26. – С. 39–50.
32. Гудков Д. Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского

- слова. – 2005. – № 1(2). – С. 25–31.
33. Гуднов Р. Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке: функционально–семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2013. – 162 с.
34. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 297 с.
35. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 2003. – 616 с.
36. Дежужаева Е. А., Сарангаева Ж. Н. Концепт «лесть» в английской и русской паремии // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки: сб. ст. по материалам II Междунар. науч.–практ. конф., Уфа, 24 апреля 2020 г. – Уфа : ООО «Научно–издательский центр "Вестник науки"», 2020. – С. 167–170.
37. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М., Русский язык, 1980. – 253 с.
38. Дормидонтова О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник ТГУ. – 2009. – № 9 (77), – С. 201–205.
39. Дубровская О. Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2000. – 19 с.
40. Ермоленко Г. М. Культурная коннотация как экспонент культуры в языке // Университетские чтения. – Пятигорск, 2010. – С. 21 – 26.
41. Ефремова М. В. Взаимодействие процессов глобализации и региональной экономической интеграции в современном мировом хозяйстве // Актуальные вопросы экономических наук. – 2012. – № 28, – С. 12–15.
42. Жданова Т. А. Языковая репрезентация орудий труда в социальной памяти народа (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02.19. – Воронеж, 2016. – 162 с.
43. Жуков В. П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Словарь русских

- пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. – 534 с.
44. Жуков К. А. Языковое воплощение концепта «труд» в пословичной картине мира: На материале русской и английской паремиологии: дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 156 с.
45. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология. От теории к практике: учебное пособие / Е. И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ, Нестор–История, 2016. – 182 с.
46. Зиновьева Е. И., Рохлина Е. К. Стереотипное представление об умном человеке в русской лингвокультуре // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 9–4 (51). – С. 133–137.
47. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. – М.: МИРС, 2009. – 291 с.
48. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология (учебник). – СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. – 260 с.
49. Зиновьева Е. И. Основные проблемы описания лексики в аспекте РКИ. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 88 с.
50. Зиновьева Е. И., Цао Цзяци. Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом–названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки НовГУ. – 2020. – №2 (27). – С. 14–20.
51. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. – М.: Ленанд / URSS, 2015.
52. Зыкова И. В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально–знаковое. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2011.
53. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. – № 3. – 2021. – С. 232–248.
54. Иванова М.В., Степанова А. В. Микрополе неопределенно большого количества в разноструктурных языках (на материале английского, русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – №1(89). – 2016. – С. 28–

- 35.
55. Иванов Е. Е. Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – С. 21–24.
56. Изотова Н. Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. – № 4А. – С. 5–11.
57. Исупова С. М., Юй Хунбао Семантический анализ концепта «Труд» в русских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – №12(1). – С. 136–138.
58. Калита И. В. ‘Свой’ – ‘чужой’ в координатах фразеологических стереотипов // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – №2 (27). – С. 85–96.
59. Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. – Томск, 2012. – 21 с.
60. Караджев Б. И. Коммуникативно–прагматический потенциал русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 163 с.
61. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.
62. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
63. Карасик В. И. О категориях лингвокультуры. – Волгоград: Перемена, 2015. – 101 с.
64. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.
65. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
66. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
67. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч.тр. / ред. И. А.Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.

68. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: URSS, 2014. – 360 с.
69. Кацюба Л. Б. Паремии профессиональной сферы: лингвокультурологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 62–64.
70. Кирилина А. В. Гендер: Лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва: Ин-т социологии РАН, 1999. – 155 с.
71. Кириллова Н. Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2002. № 2. С. 129–140.
72. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
73. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
74. Ковшова М. Л. Образы пространства и времени в русской фразеологии и коды культуры: НИГДЕ и НИКОГДА // Prostor in čas v frazeologiji. Mednarodna frazeološka konferenca Ljubljana, 27–28 marca. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, 2016. – С. 481–491.
75. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – 368 с.
76. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2019. – №3 (103). – С. 78–86.
77. Корнилов О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.04. – М., 2000. – 460 с.
78. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
79. Крапивник Е. В. Аспекты систематизации прилагательных-цветонаименований русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013.

– 197 с.

80. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 5–19.
81. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // «Русский язык за рубежом». – 2011. – № 4. – С. 60– 66.
82. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
83. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 264 с.
84. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г. Р. Державина, 2001. – № 1. – С. 6–17.
85. Кузнецова Э. В. Лексико–семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989. – 176 с.
86. Кузьмина Е. А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности: На материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. – 197 с.
87. Куренкова Т. Н. Лексико–семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Сибирский аэрокосмический журнал. – 2006. – № 4 (11). – С. 173–178.
88. Курышева О. В. Социально–психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 7. – Волгоград, 2010. – № 2(12). – С. 105–117.
89. Кутлимуратова Г. К. Обзор исследований, посвященных репрезентации концепта «труд» в русском и узбекском языках // Молодой ученый. – 2022. – № 30 (425). – С. 152–154.
90. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Пер. с англ. В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского; Под общ. Ред. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с. – (Язык. Семиотика. Культуры).

91. Леднева А. В. Паремнологическая картина мира в русском и немецком языках (тематический блок "Человек"): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. – Уфа, 2016. – 154 с.
92. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / – 3-е изд., доп. – Москва: Смысл, 2007. – 510 с.
93. Ли Имо. Лексико–семантические особенности русских зоосемизмов (на фоне китайского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – 21 с.
94. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремнологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – № 4 (54). – С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
95. Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого лингвистический комментарий и лексикографическое описание: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 01 / Ломакина Ольга Валентиновна. – СПб, 2016. – 42 с.
96. Лю Бо. Стереотипные представления о женщине в русской языковой картине мира на фоне китайской (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок) // Мир русского языка. – 2009. – № 4. – С. 33–38.
97. Лю Юэ. Сходства и различия в актуализации лингвокультурных гендерных стереотипов в паремиях с компонентом–названием инструментов в китайском и в русском языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2022а. – №1/2. С. 154–159.
98. Лю Юэ. Лингвокультурный потенциал русских паремий с компонентами – названиями инструментов // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2022б. – №2 (115). – С. 78–83.
99. Лю Юэ. Отражение национальных стереотипов в паремиях с компонентом – названием инструментов для шитья и вязания в русской лингвокультуре на фоне китайской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022в. – Вып. 12. – С. 3849–3853.
100. Лю Юэ, Селиверстова. Взгляд на сельскохозяйственный инструментарий сквозь русских и китайских паремий (лингвокультурологический аспект) // Современный ученый. – 2023а. – №1. С. 119–125.

101. Лю Юэ. Общие и национально–специфические лингвокультурологические черты паремий с компонентами – названиями инструментов кузнеца, столяра и плотника в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023б. – Вып. 3. – С. 943–949.
102. Лю Юэ. Лингвокультурологический потенциал русских паремий с компонентами – названиями сельскохозяйственных инструментов и приспособлений // Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2021». – СПб.: Свое издательство, 2022г. – С. 628–629.
103. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – Киев, 2004. – 326 с.
104. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.
105. Маслова, В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78–89.
106. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 208 с.
107. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 389 с.
108. Ма Сянфэй. Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской (на материале устойчивых выражений): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2018. – 181 с.
109. Мензаирова Е. А. Актуализация концептов «любовь» и «женщина» в песенном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ижевск, 2010. – 187 с.
110. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Провинциальная наука. – 2015. – № 2 (91). – С. 188–196.
111. Мокиенко В. М. Пословицы Петровского времени в Словаре В. П. Жукова. // Verba. Северо–Западный лингвистический журнал. – 2021. – № 2 (2). – С. 8–19.

112. Мягкова А. М. Лингводидактический потенциал культурного кода // Педагогическое образование в России. – 2016, – №11. – С. 66–70.
113. Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской лингвокультур // Новые исследования Тувы. – 2022, – №1. – С. 146–163.
114. Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 23. № 1. 2019. С. 223–243. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
115. Николаева Е. К., Селиверстова Е. И. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 61/2. 2016. С. 325–343.
116. Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
117. Новиков Л. А. Семантика русского языка. — М., 1987. – 272 с.
118. Пи Цзянькунь Оппозиция правда–ложь в паремиологическом пространстве русского языка (лингвокультурологический аспект): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01: – СанктПетербург, 2014. –171 с
119. Огаркова А. В., Харитоновна И. В. Стереотипные представления об обучении в паремиях разных языков // *Этнодиалоги*. – № 1 (55). – 2018. – С. 145–149.
120. Орлова Т. Г. Лексико–семантический анализ английских и русских фразеологических единиц (пословиц), выражающих отношение к труду, работе, делу // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2012. – № 3 (14). – С. 69–72.
121. Островская Т. А. Концепт «труд'» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 163 с.
122. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. – М.: Наука, 1979. – 672 с.
123. Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов //

- Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отд. РАЛК. Ставрополь, 2007. – Вып. 5. – С. 79–85.
124. Пинтин Го. Репрезентация традиционных семейных отношений между братьями и сестрами в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок) // Российский гуманитарный журнал. 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 305–312.
125. Подюков И. А. Экспрессивно–стилистическая характеристика диалектных фразеологических единиц (на материале говоров Северного Прикамья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. – 225 с.
126. Половникова В. И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. – 2–е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – 104 с.
127. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд–во Воронеж, ун–та, 2002. – 60 с.
128. Постовалова В. И. Язык и миропонимание. Опыт лингвофилософской интерпретации. – М.: Ленанд / URSS, 2017. – 308 с.
129. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – Изд. 5–е. – М.: Изд–во ЛКИ, 2008. – 224 с.
130. Путина О. Н., Балакин С. В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. – М., Наука, 2022. – № 1. – С. 4–9.
131. Радзиевская Т. В. Представление о труде по данным украинского языка, или о концептах «праця» и «робота» // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М., Наука, 2004. – С. 632–639.
132. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. Ред. Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
133. Романова О. С. Согласование интересов участников хозяйственной деятельности: история вопроса // Вестник ИГЭУ. 2011. – № 5. – С. 74–78.
134. Савицкий В. М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в

- процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 68–77.
135. Савенкова Л. Б. Мысли о русских поговорах [Электронный ресурс] / Л. Б. Савенкова. – Режим доступа: <http://community.fortunecity.ws/victorian/twain/309/m/1999-1/paremija.html>
136. Савенкова Л. Б. Русская поговорология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
137. Савченко В. А. Концептосфера «Человек и телесный» в русской и немецкой поговорологической картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2010.
138. Садчикова Я. В. Интеграция понятий «язык» и «культура» в процессе обучения иностранному языку // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 599–603.
139. Саньярова Р. Р. Сопоставительное изучение параметрических прилагательных в поговорологической картине мира (на материале английского, башкирского и русского языков) // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24. – № 3. – С. 671–676.
140. Сафьянова М. А. Традиционный русский быт в языковой картине мира (на материале поговорок с наименованиями орудий труда и предметов домашней утвари): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень, 2014. – 289 с.
141. Свирепо О. А. Метафора как код культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2002. – 162 с.
142. Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 1. – С. 115–130.
143. Селиверстова Е. И., Ван И. Жилое строение как свидетельство материального достатка/бедности в русских поговорах на фоне китайских // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2021. – № 3 (1112). – С. 90–100.
144. Селиверстова Е. И. Пословичные черт и бес в составе бинарных построений

- // Šareni filološki stručak. Zbornik u čast profesorici Željki Fink Arsovski/ Ured. V. Barčot, Anita Hrnjak. Zagreb, 2022. S. 264–274.
145. Селиверстова Е. И. Работа не убежит: от варианта к пословичной модели // Русское слово в контексте этнокультуры XX–XXI вв.: Сб. научн. тр. По итогам II Междунар. заочн. конф. (ноябрь 2012). – Старый Оскол: Изд-во «Роса», 2013. – С. 192–203.
146. Селиверстова Е. И. Свой глаз – алмаз, а чужой стекло: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. – М., 2019. – С. 281–291.
147. Селиверстова Е. И. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 198–212. Doi: 10.22363/2313–2299–2020–11–2–198–212
148. Семененко Н. Н. Русская пословица: функции, семантика, системность / Н. Н. Семененко, Г. М. Шипицына. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 170 с.
149. Сепир, Эдвард. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М: Прогресс, 1993. – 654 с.
150. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1999. – 322 с.
151. Скребцова Т. Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1996. – 223 с.
152. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – Изд. 3, испр. – М.: URSS, 2010. – 176 с.
153. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1956. – 260 с.
154. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. – СПб: Мир науки, 2012. – 256 с.
155. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 годы XIX века. – М., 1965. – 566 с.
156. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Эдиториал URSS, 2007.

- 257 с.
157. Степанова Г. В., Шрамм А. Н. Введение в семасиологию русского языка. – Калининград: КГУ, 1980. – 72 с.
158. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. Ред. В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–34.
159. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 312 с.
160. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии: на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
161. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «Трудовая деятельность»): Учебное пособие. – Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2002. – 92 с.
162. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. – Тула, 2013. – 93 с.
163. Тянь Цзюнь. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 215 с.
164. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. – М.: Прогресс, 2002. – 91 с.
165. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Под ред. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
166. Федосеева О. Ю. Сущностные характеристики действий нравственно-этического оценивания на основе морального выбора и моральных норм // Концепт. 2018. – № 3. – С. 58–69.
167. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые

- выражения: Лингвострановедческий словарь / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1979. – 240 с.
168. Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии. – М.: Прометей, 1996. – 147 с.
169. Хакимова, Г.Ш. Концепт «женщина» в английских и русских поговорках в свете гендера: сопоставительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. № 11 (29): в 2-х ч. – С. 192–195
170. Хомяков Е. А. Коды культуры в жаргонной фразеологии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза, 2014. – № 1 (57). – С. 151–160.
171. Хо Сяоцзюн Орнитологический код культуры в русской паремиологической картине мира: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2022. – 208 с.
172. Храмова Ю. А. Паремиологическая реализация концептуальной диады «Лицемерие – искренность» в русской и английской лингвокультурах // Гуманитарные исследования. – 2010. №1 (33). – С. 124–131.
173. Худолей Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 4. – С. 643–653.
174. Цао Цзяци. Пословицы с компонентом–названием насекомого в русской языковой картине мира (на фоне китайской): лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2020. – 208 с.
175. Чернышева И. И. Стрые проблемы в новой лингвистической парадигме // Филологические науки. – № 2. – 1997. – С. 76–82.
176. Чжан Янь. Языковая картина мира в русских и китайских пословицах и поговорках // Вестник Бурятского государственного университета. Языка. Литература. Культура. – 2019. – № 3. – С. 108–111.
177. Чжао Чжицян. Функционально–параметрическое описание фразеологизмов

- русского и китайского языков: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 243 с.
178. Шагиахметова Л. И. Культурно–языковые характеристики паремиологических единиц китайского и русского языков // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2020. – С. 116–119.
179. Шаймарданова М. Р., Ахметова Л. А. Ценностная репрезентация гендерных стереотипов посредством паремий, содержащих номинацию пола (на материале английских и русских пословиц) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 10. – С. 3249–3254.
180. Шайхуллин Т. А. Семантико–смысловые отношения в русских и арабских паремиях с лексемой «друг» // Вестник Московского государственного областного университета №1/2012. Серия «Лингвистика». Раздел 3: Сопоставительное языкознание, 2012. – С. 146–152.
181. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России: монография. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 296 с.
182. Шан Вэньцин. Отражение завышенной самооценки в русских и китайских пословицах: лингвокультурологический аспект // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 4 (109). – С. 142–149.
183. Швец Э. И. Стереотипные представления во фразеологии // Фундаментальная наука ВУЗам. – М.: МПГУ, 2016. – С. 350–360.
184. Швец Э. И. Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка) // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2. – С. 349–358.
185. Шувалова С.А. «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках// Русская речь. №5. 1998. С. 103–111.
186. Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Вып. 5. – № 19. – 2008. – С. 69–80.
187. Юань Лиин. Русские пословицы о воспитанности / невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2016. – 241 с.

188. Юань Лиин. Стереотипное представление о госте в русских пословицах (на фоне китайских) // Известия ВГПУ. Филологические науки. – № 1 (105). – 2016. – С. 148–152.
189. Ян Кэ. Лингвокультурный анализ русских народных пословиц и поговорок (на примерах анализа пословиц и поговорок с элементом "топор") // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2 (21). – С. 198–199.
190. Язык как культурный код нации / отв. ред. А. В. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. – 264 с.
191. 屈朴. 俗语古今. 石家庄: 河北人民出版社, 1991年262页. (Цюй Пу. Прошлое и настоящее паремии. – Шицзячжуан: Народное изд-во Хэбэя, 1991. – 262 с.)
192. 周红幸. 汉越饮食俗语对比研究. 武汉: 华中师范大学, 2016年119页. (Чжоу Хунсин. Сравнительное исследование китайских и вьетнамских паремий о еде. – Ухань: Педагогический университет Центрального Китая (Хуачжун), 2016. – 119 с.)
193. 徐宗才. 常用俗语手册. 北京: 北京语言出版社, 1985年515页. (Сюй Цзунцай. Руководство по общепринятым поговоркам. – Пекин: Пекинский языковое изд-во, 1985. – 515 с.)
194. 曹聪孙. 现代汉语俗语初探. 天津师范学院报, 1981年第6期78–81页. (Цао Цунсунь. Современные китайские поговорки // Газета Тяньцзиньского педагогического института, 1981. № 6. – С. 78–81).
195. 孟庆彦. 俄汉语中“打”、“拿”义类手部动作动词认知语义研究. 2020年. 70页. (Мэн Циньянь. Когнитивно-семантическое исследование глаголов нанесения «удара» и «взятия» в русском и китайском языках. 2020. – 70 с.)
196. Mieder W. Proverbs. A Handbook. – Westport, CT: Greenwood, 2004. – 304 pp.
197. Mieder W. English Proverbs. – Stuttgart: Philipp Reclam, 2008. – 152 p.
198. Taylor A. Selected writings on proverbs. Helsinki, 1975.
199. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes / H. Trier. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1931. – 347 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов: более 20 000 синонимов. – 9-изд., стер. – Москва: Русские словари, 2006. – 665 с.
2. Даль. В.И. Пословицы русского народа. В 2-х т. – М.: Худ. лит-ра, 1989. – Т. 1. 431 с. Т. 2. 447 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка /Владимир Иванович Даль: В 4 т. – Т. 1: А – З – 699; Т. 2: И – О – 784 с.; Т. 3: П – 555 с.; Т. 4: Р – Я – 672 с. М.: РИПОЛ классик, 2006.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 534 с.
5. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. – М.: ТЕРРА, 1997. – 832 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с. (БСРП)
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
9. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов/ СПбГУ; Межкаф. Словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: Азбуковник, 1998. – 720 с. (РСС).

11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с. (ТСУ)
12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: В 2 т. / Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ник, 1991. – Т. 2: О – Я. – 274 с. (ФСРЛЯ)
13. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
14. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989 年 1252 页. (Вэнь Дуаньчжэн, Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 1989. – 1252 с.).
15. 温端政. 分类谚语词典. 上海:上海辞书出版社, 2005 年 370 页. (Вэнь Дуаньчжэн. Классификационный словарь пословиц. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2005. – 370 с.).
16. 李翰文. 俗语谚语词典. 北京九州出版社. 2011 年 701 页. (Ли Ханьвэнь. Большой словарь китайских поговорок. – Пекин: Цзючжоу издательство, 2011. – 701 с.).
17. 叶芳来. 俄语谚语俗语误译直译妙译一百例. 大象出版社. 2017 年 309 页. (Е Фанлай. Сто примеров неправильного перевода, дословного перевода и превосходного перевода русских пословиц и поговорок. – Чжэнчжоу: Издательский дом "Элефант", 2007. – 309 с.).
18. 叶芳来. 俄汉谚语俗语词典. 商务印书馆. 2005 年 374 页. (Е Фанлай. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. – Пекин: коммерческое издательство Китая, 2005. – 374 с.).
19. 夏征农, 陈至农. 辞海. 上海辞书出版社. 2009 年 814 页. (Ся Чжэннонг, Чэнь Чжили. Энциклопедический словарь китайского языка. – Шанхай: шанхайское лексикографическое издательство, 2009. – 814 с.).
20. 尹斌庸. 博古通今学汉语. 成语 100 例. КАРО 出版社. 2007 年 207 页. (И Биньюн. 100 китайских идиом и устойчивых выражений. – СПб: Из-во КАРО, 2007. – 207 с.).
21. 赵志远, 刘华明. 中华辞海. 印刷工业出版社. 2001 年 4845 页. (Море китайских

- слов. – Пекин: Печатная промышленность Пресса, 2001. – 4845 с.).
22. 辞源. 商务印书馆. 1983 年 3620 页. (Источник китайских слов. – Пекин: Коммерческое издательство, 1983. – 3620 с.).
 23. 罗竹风. 汉语大字典. 上海辞书出版社. 2008 年 15400 页. (Ло Чжунфэн. Большой словарь китайского языка. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2008. – 15400 с.).
 24. 新华字典 (11 版) / 中国社会科学院语言研究所. 北京商务印书馆, 1998 年 700 页. (Толковый словарь китайского языка Синьхуа (версия 11) / Институт лингвистики Китайской Академии Общественных Наук. – Пекин: Бизнес-издательство, 1998. – 700 с.).
 25. 谢载福, 吴埏, 沈凌云合编. 汉俄对等成语词典. 上海教育出版社. 1990 年 236 页. (Се Цайфу, Ву Юй, Шэнь Линьюн, соредакторы. Словарь эквивалентных китайских и русских фразеологизмов пословиц и поговорок. – Шанхай: Из-во просвещения Шанхая, 1990. – 236 с.).
 26. 蔡毅, 李英男 汉俄成语小词典 上海译文出版社 1980 年 854 页 (Цай И., Ли Иннань. Китайско-русский идиоматический словарь. – Шанхай: Из-во «И Вэнь», 1980. – 854.).
 27. 崔仲祥. 生活的智慧: 实用谚语 9000 条. 青岛出版社 2005 年 314 页. (Цуй Чжунсян. Мудрость жизни: 9000 практических пословиц. – Циндао: Издательство Циндао, 2005. – 314 с.).
 28. 覃光明. 俗语万条. 吉林大学出版社. 1993 年 434 页. (Цинь Гуанмин. Десять тысяч фразеологизмов. – Чанчунь: Из-во Цзилиньского университета, 1993. – 434 с.).
 29. 隋学本. 现代常用俄汉成语双解词典. 中国石化出版社. 2004 年 296 页. (Суй Сюэбэнь. Словарь современных употребительных русских фразеологизмов с толкованием на русском и китайском языках. – Пекин: Издательский дом Sinopres, 2004. – 296 с.).
 30. 隋学本. 俄语无人称范畴词汇及成语基础: 俄汉词典. 别尔哥罗德国立大学出版

- 社. 2003 年 213 页. Лексико–фразеологическая основа категории безличности в русском языке: Русско–Китайский словарь. – Ура России: Из–во БГУ, 2003. – 213 с.
31. 黑龙江大学俄语系. 大俄汉词典. 1998 年 2857 页. (Научно–исследовательский институт словарей, исследовательский центр русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета. Большой русско–китайский словарь. – Пекин: Коммерческое издательство Китая, 1998. 2857 с.).
32. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 (第七版). 北京:商务印书馆. 2016 年 9 月 1800 页. (Редакция словаря Института языкознания Китайской академии социальных наук. Словарь современного китайского языка (7–е изд.). – Пекин: Коммерческая пресса, 2016. – 1800 с.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БТСРГ – *Бабенко Л. Г.* Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты. — Москва: АСТ–Пресс Книга, 2007. – 576 с.
2. РПП – *Аникина В. П.* Русские пословицы и поговорки. 1988. – 240 с.
3. РСС.2 – *Шведова Н. Ю.* Русский семантический слова, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Ин–т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 2. – 2002. – 787 с.
4. ТСУ – *Ушакова Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка. – М.: Дом Славянский кн., 2008. – 959 с.
5. БСКЯ – *罗竹风.* 汉语大字典. 上海辞书出版社. 2008 年 15400 页. (Ло Чжуфэн. Большой словарь китайского языка. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2008. – 15400 с.).
6. ИКС – *辞源.* 商务印书馆. 1983 年 3620 页. (Источник китайских слов. – Пекин: Коммерческое издательство, 1983. – 3620 с.).
7. СРЯ – *Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А.П. Евгеньевой.* 2–е изд., испр. и доп. Тт. 1–4. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
8. ТСКЯ – *新华字典 (11 版) / 中国社会科学院语言研究所.* 北京商务印书馆, 1998 年 700 页. (Толковый словарь китайского языка Синьхуа (версия 11) / Институт лингвистики Китайской Академии Общественных Наук. – Пекин: Бизнес–издательство, 1998. – 700 с.).
9. ЭСКИ – *夏征农, 陈至农.* 辞海. 上海辞书出版社. 2009 年 814 页. (Ся Чжэннонг, Чэнь Чжили. Энциклопедический словарь китайского языка. – Шанхай: шанхайское лексикографическое издательство, 2009. – 814 с.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 2. Стереотипные представлений в русских и китайских ПЕ о требованиях, предъявляемых к инструментам

	Представления в ПЕ	Русские пословицы	Китайские пословицы
Собственно инструмент	Человек, владеющий ремеслом, не может обходиться без инструмента	<i>Без косы сена не накошишь</i>	«Для рубки дерева нужен топор, чтобы вдеть нитку в иголку, нужна игла»
	Даже умелый мастер не может обойтись без инструментов	—	«Умелому мастеру трудно ткать без челнока и трудно вырезать узоры без ручного сверла»
	Наличие качественных инструментов может быть важнее высокого мастерства:	—	«Возможность сделать что-то быстро и качественно на треть зависит от умения человека, а на две трети от качества инструментов»
Собственно инструмент	Инструмент работника должен быть качественным	<i>Топор острее, так и дело спорее</i>	«Острый нож не боится крепкой шкуры»
	Даже с тупым инструментом следует быть осторожным, он может причинить боль	<i>Тупой серп руку режет пуще острого</i>	«Тупой нож повреждает плоть»
	Нельзя произвольно выбирать инструменты	<i>Игла не шило, сапог не шила</i>	«Плуг используется на земле, которую следует пахать плугом. Борона используется там, где нужно использовать борону»
	Важным является порядок применения тех или иных инструментов	<i>Соха ябедница, а борона праведница</i>	«Во время осенней жатвы и обмолота зерна, вспахивают поле сохой, чтобы наступающий год стал еще

			одним урожайным годом»
	Инструмент должен быть у каждого мастера собственный	<i>Чужое веретенце бери, да свое припаси</i>	«Не продавайте своей мельницы даже без зерна, не продавайте своих горшков, даже если вам нечего в них варить».
	Наличие или отсутствие у человека орудий труда может говорить о бедности	<i>Нивка не моя, а серп чужой (о бедности)</i>	

Таблица 3. Стереотипные представления в русских и китайских ПЕ об инструменте в руках мастера

	Представление в ПЕ	Русские пословицы	Китайские пословицы
Инструмент в руках мастера	Хороший мастер заранее заботится о состоянии своих инструментов	<i>После поры не точат топоры</i>	«Если мастер хочет хорошо выполнить свою работу, он сначала наточит свои инструменты»
	Тупой инструмент не пригоден для работы	<i>На этом ноже – хоть верхом да вскачь</i>	«Нож – это просто кусок железа, если он не заточен (не остер)»
	Существенно отличаются собственные действия от чужой помощи в подготовке инструмента	—	«Когда другие помогают наточить косу, они часто затачивают лезвие только с одной стороны; наливая кому-то суп, чужие часто зачерпывают жидкость, а гущу оставляют внизу»
	Изготовление инструмента требует усилий	—	«Если железо не плавить и не заливать в форму, плуга не сделаешь»
	Работа с применением инструментов	<i>Не топор тешет, а плотник</i>	«Вспахивайте и рыхлите мотыгой землю, и вы соберете собственный

	осуществляется человеком, руками мастера.		урожай»
Инструмент в руках мастера	Опытный мастер не нарушает правильную последовательность использования разных инструментов	<i>Отрубивши, да за пилу; После скобеля топором</i>	_____
	Опыт мастера проявляется в знании возможностей применения инструментов и закрепившихся за ними особых функций.	<i>Гвоздем (Шилом) моря не нагреешь Зимой с бороной, а летом в извозе; Не почто с ножом, где топор заложен</i>	«Плотник знает, когда какой молоток использовать».
	Мастера выдает знание тонкостей работы, умение использовать, помимо основного инструмента, иные необходимые приспособления.	<i>Без клина и плахи не расколешь</i>	_____
	Мастеру необходимы сноровка, смекалка в применении инструмента; без этого даже качественный инструмент не гарантирует успешного результата.	<i>Топор остер, да руки туповаты; Для того наперсток сделан, чтобы руки не наколоть</i>	_____
	Жаловаться на качество инструментов – удел непрофессионалов	<i>У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут</i>	«Мастера с низкой квалификацией жалуются на свои инструменты»

	<p>Мастерство работника имеет исключительное значение для конечного результата работы</p>	<p><i>Человек неученый — что топор неточеный: можно и таким дерево срубить, да трудов много.</i></p>	<p>_____</p>
	<p>Труднее найти толкового работника, чем орудие труда</p>	<p><i>Были бы руки, а молотило дадут (найдем)</i></p>	<p>_____</p>
<p>Инструмент в руках мастера</p>	<p>В работе опытного мастера также возможны трудности</p>	<p><i>Налетает и топор на сук; Остер топор – да и сук зубаст</i></p>	<p>_____</p>
	<p>Опыт и навыки труженика проявляются в его выносливости, способности работать много и в полную силу.</p>	<p><i>Плуг от работы блестит, поле от пота родит</i></p>	<p>«Пусть сюцай²⁴ попробует вращать жернов: ему будет очень трудно»</p>
	<p>Овладев одним навыком, опытный мастер легко освоит другую профессию</p>	<p><i>Хороший плотник – и в поле работник:</i></p>	<p>«Если вы умеете крутить мельницу, вы также можете толкать каменный каток».</p>
	<p>Физическая работа тяжела, она изнуряет и приводит к утрате здоровья, увечьям</p>	<p><i>Серп не богатит, а горбатит</i></p>	<p>_____</p>
	<p>Позитивно оцениваются усердие и трудолюбие работника.</p>	<p><i>От молота и наковальня звенит</i></p>	<p>«Если вы не умеете рубить дрова, все равно не откладывайте топор, если вы не умеете ловить рыбу, не откладывайте сеть»</p>
	<p>Лентяи порицаются</p>	<p><i>Он бы и рад косить, да некому косу носить</i></p>	<p>«Не умеют (не хотят) пахать сохой, но хотят собирать урожай, не умеют ткать, но хотят</p>

²⁴ Учёная степень или звание в системе государственной аттестации учёных в Китае.

			носить красивую одежду»
	Болтать легче (проще), чем работать	<i>Врать (брехать) – не цепом махать, [спина не болит]</i>	_____
	Мастеру рекомендуется не расставаться с орудиями труда	<i>За лопату держись – сохранишь жизнь</i>	«Не продавайте своей мельницы даже без зерна, не продавайте своих горшков, даже если вам ничего в них варить».

Таблица 4. Стереотипные представления в русских и китайских ПЕ о зависимости результатов труда от применения инструмента мастером

	Представление в ПЕ	Русские пословицы	Китайские пословицы
Инструмент, мастер и результат труда	Работа мастера гарантирует получение им заработка, дохода	<i>Топор – <плотнику> кормилец</i>	«Плуг и мотыга не покидают ваших рук – у вас есть что есть и что носить»
	Отсутствие инструмента и возможности заработать – угроза для жизни	<i>Ни ножа, ни топора, ни помолиться, ни зарезаться</i>	_____
	Вознаграждением за труд (результатом) является достойный урожай, хлеб	<i>Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах VS Кто ленив с сохой, у того и хлеб плохой</i>	«Трудолюбивый человек усердно работает мотыгой, и земля вознаградит его обильным урожаем, избавив от голода» VS «Серп висит на стене, еды в доме нет»
	Трудолюбие является залогом высоких результатов труда	<i>От топора щепки летят, подати оплачивают</i>	«Прялка – как денежное дерево: если трясти ее каждый день, то с нее будут сыпаться деньги»
	Необходимо самому выполнять работу, а не перекладывать ее на других	<i>Один с сошкой, а семеро с ложкой</i>	«Чтобы ковать по железу, нужно самому крепко держать клещи; чтобы обрабатывать землю, надо самому пахать землю».
	При выполнении некоторых работ необходимо терпение	_____	«Когда пилите пилой, не дергайтесь, как будто расчесываете зудящее место»

Таблица 5. Стереотипные представления в русских и китайских ПЕ об условиях осуществления трудовой деятельности с применением инструментов

	Представление в ПЕ	Русские пословицы	Китайские пословицы
деятельности	Результат труда в земледелии зависит от времени проведения определенных работ	<i>Не топор кормит мужика, а июльская работа</i>	«Заслуга весенней вспашки принадлежит мотыге, а успех осенней жатвы определяется серпом»
	Жатву нельзя сместить на желаемое для работников время (поэтому в ней участвуют все – от мала до велика)	<i>Спелому колосу – серп удалой, девице красной – жених удалой.</i>	«Когда приходит время убирать пшеницу, у взрослых и детей – у каждого в руках своя коса, независимо от величины урожая пшеницы».
	Совместный труд помогает добиться положительного результата в работе	<i>У дружных соседей и сохи свились вместе</i>	«Коромысло весом в тысячу фунтов должны нести десять тысяч человек»
	Занимаясь земледелием, следует ориентироваться на календарные вехи	<i>Июнь с косой по лугам прошёл, а июль с зерном по хлебам побежал</i>	«В период летнего солнцестояния следует обрабатывать землю мотыгой непрерывно».
	Памятуя о календаре работ, следует загодя готовить необходимый инструмент	<i>Доставай (ладь) косы и серпы к Петрову дню</i>	«Когда финики начинают краснеть, пора начинать точить косу, чтобы косить зерновые»

Инструмент и условия осуществления трудовой деятельности	«Календа	В природе все взаимосвязано	<i>В августе серпы греют, вода холодит</i>	«Рыхлить мотыгой хлопковые поля нужно во время сезона созревания слив, тогда всходы хлопка будут расти очень быстро»
		Нужно проявлять наблюдательность для своевременного начала работ – важно не упустить время	<i>На Егорья выезжает ленивая соха. Егорий ленивая сошка</i>	«В период “белых рос” серп [во время работы] звенит, а в осеннее равноденствие положено срезать серпом сорго».
		Посев, уход за будущим урожаем и его уборка проводятся в строго установленные сроки	<i>В сентябре мужика не изба греет, а цеп</i>	«Начало осени отведено заготовке травы для скота на зиму, а в конце жары взмахами серпа собирают урожай яровой пшеницы»
	Погодные условия	Зависимость результата сельскохозяйственных работ от времени суток	<i>Коси коса, пока роса, роса долой</i>	_____
		Погодные условия не должны влиять на труд крестьянина	<i>С косой в руках погоды не ждаты</i>	_____
		Для хорошего урожая важны своевременные осадки (полив)	<i>За бороною пыль (сухо, дождей нет), будет блин (о гречихе)</i>	«Мартовский дождь стоит дорогого масла, майский дождь хорошо подходит для работы мотыгой»
		От погоды зависит возможность применения орудий:	_____	«Весной, когда идет дождь, глубина воды должна быть как

		при отсутствии дождя нет смысла проводить вспашку, сев и посадки.		раз на высоту лемеха»,
--	--	--	--	------------------------